

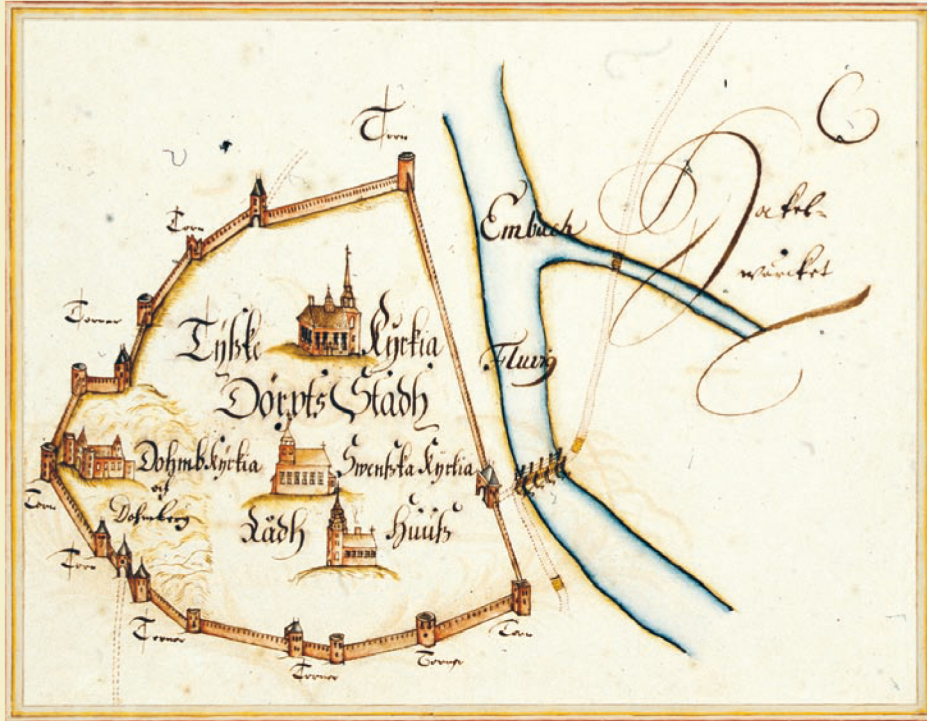
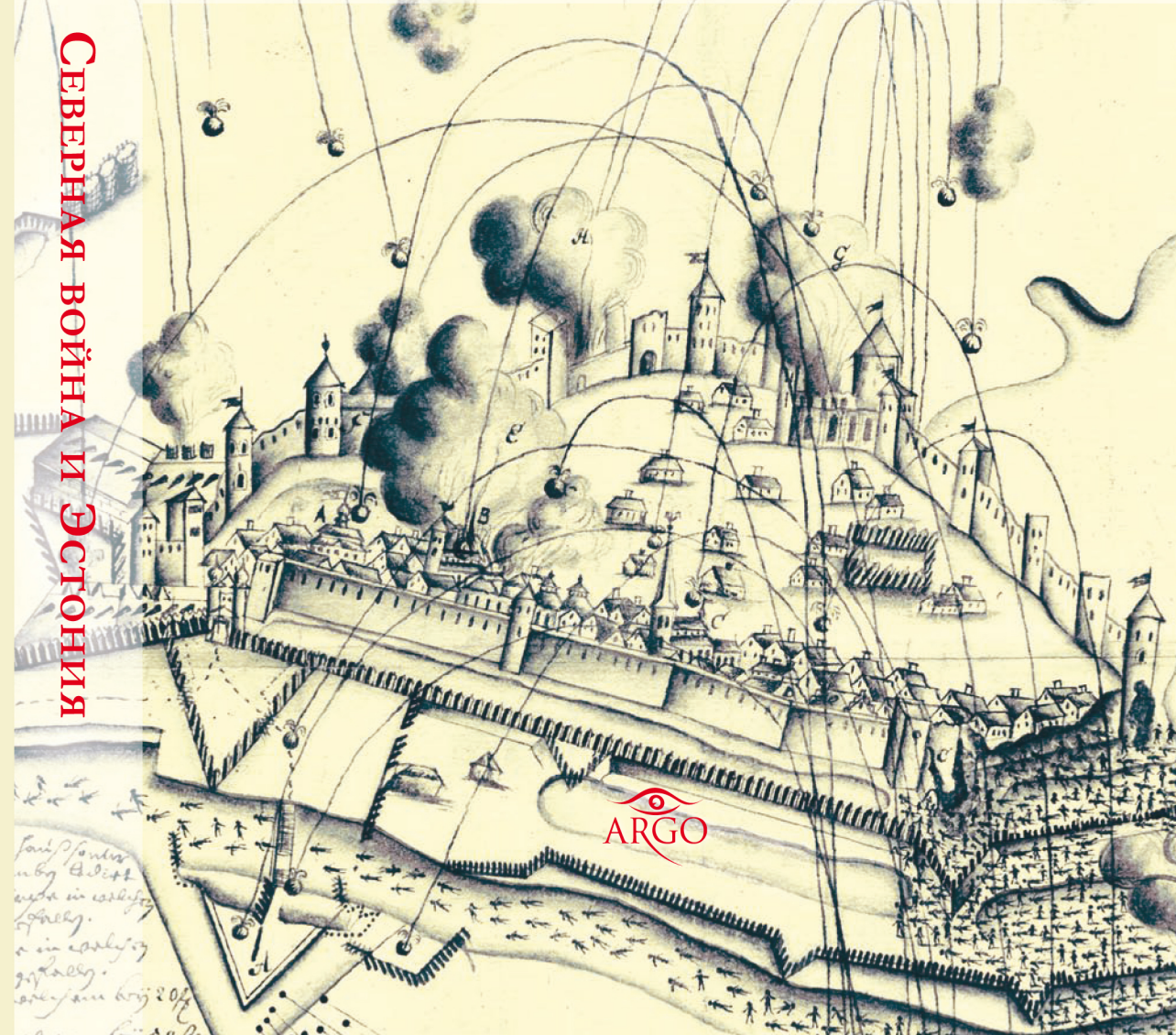
МАРГУС ЛАЙДРЕ

СЕВЕРНАЯ ВОЙНА И ЭСТОНИЯ

Тарту в годину испытаний (1700–1708)

МАРГУС ЛАЙДРЕ

СЕВЕРНАЯ ВОЙНА И ЭСТОНИЯ

*Тарту на шведской дорожной карте
(1695 г., Эстонский исторический архив, Тарту)*

ISBN 978-9949-438-98-3

ARGO

СЕВЕРНАЯ ВОЙНА И ЭСТОНИЯ

Тарту в годину испытаний (1700–1708)

Маргус Лайдре

СЕВЕРНАЯ ВОЙНА И ЭСТОНИЯ

Тарту в годину испытаний (1700–1708)

Перевод с эстонского Вольдемара Томбу
Редактор Лариса Левина
Оформление и обложка Трийну Оотсинг

Рецензент Роберт Фрост, профессор Абердинского университета

© Маргус Лайдре, 2010

© Перевод с эстонского Вольдемара Томбу и издательство «Арго», 2010

ISBN 978-9949-438-98-3

Отпечатано в Таллиннской книжной типографии

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
«ЖАРКОЕ, КОТОРОЕ В ДУХОВКУ ПОСТАВИЛИ МЫ...»	14
«ДОБРОМ СВОИМ И КРОВЬЮ»	55
«ВОЗЬМУТ ОНИ ЭТО КРЫСИНОЕ ГНЕЗДО ТАРТУ»	104
«ЕСЛИ НЕ ХОТИТЕ ВПАСТЬ В НЕМИЛОСТЬ»	158
«ОТНЫНЕ ЭТО ПРИНАДЛЕЖИТ ЦАРЮ»	192
ЭПИЛОГ: ПЕТР I И КАРЛ XII В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИИ	222
ЛИТЕРАТУРА	253
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	259

ПРЕДИСЛОВИЕ

Знание истории, несомненно, всегда сводится к одному из двух: или это предмет культурной роскоши, или потенциальный инструмент для продвижения интересов нынешних или будущих правителей. При отсутствии общепринятой исторической концепции, определяющей место и значение отдельных исторических событий, незнание истории кажется нормой. Отсутствие исторических знаний отрицает саму историю, декларируя, что подобное знание является нерелевантным по отношению к настоящему и будущему. Другими словами – легко представить себе, что мы должны помнить прошлое. Но мы помним не прошлое, мы вспоминаем настоящее.

Кому принадлежит история? Это не совсем корректный вопрос. На самом деле подразумевается: кому дано право определять, что *мы* хотим помнить из прошлого? Желание вспоминать абсолютно обоснованно, и те, кто платит историкам, требуют соответствующего результата. Часто говорят, что историю пишут победители. Можно с тем же успехом сказать, что победители историю забывают: они могут это себе позволить.

Я думаю, что невозможно хранить память о прошлом, не скорбя об утрате некоторых иллюзий. Идея утраты очень важна: в сегодняшней Европе нет людей, не ощущающих какие-то потери. Можно сказать, что вспоминать со скорбью – значит учиться рассказывать по-другому. Рассказывать по-другому о том, что было сделано, о своих страданиях, о том, что получено и что потеряно. Жить с ощущением потери кого-либо или чего-либо и скорбеть об этом – значит прощать самого себя.

Поколение за поколением люди спрашивают, неужели война – это естественное состояние человечества, или все-таки есть надежда на воцарение стабильного мира, который будет чем-то иным, чем настороженное спокойствие между войнами. Большинству современников идея войны представля-

ется противоестественной, отталкивающей и деструктивной. С исторической точки зрения, такое понимание – явление довольно позднее. На протяжении многих столетий к войне относились одобрительно или покорно. Война воспринималась как неизбежная составляющая, как часть будней.

Войны приносили с собой гибель и хаос, прерывая ход истории. Но не только. Нередко они становились причиной коренных перемен. Можно привести множество примеров, когда затяжные периоды мирного развития сменяло, как бы подводя итог, время краткой или длительной военной активности. Окончание же каждой большой войны знаменовало начало новой эпохи. С позиций общественного развития войны оказывали как формирующее, организующее, так и разрушительное воздействие. И практически каждая война, как и военная медаль, имела две стороны.

Историческая статистика, если ее не подвергать трезвому анализу, может ввести в заблуждение. Так, утверждение, что период с XVI по первую четверть XVIII века был самым воинственным в европейской истории, само по себе корректно. Действительно, на войны приходится 95% того времени. Каждые три года начинался очередной вооруженный конфликт, боевые действия велись на значительных территориях. Создается впечатление, что все воевали против всех, люди только и делали, что стремились отнять друг у друга жизнь. Но будь это действительно так, Европа за эти два столетия ни на шаг не продвинулась бы вперед в экономическом, культурном и политическом развитии.

Такой ход мысли накладывает заметный отпечаток на куда более близкий нам опыт XX века с его тотальными вооруженными конфликтами. Однако разница велика: в XVIII столетии войны были локальными, сезонными и куда менее интенсивными. Это означает, что противники, формально находясь в состоянии войны, не сражались постоянно, а вели боевые действия тогда, когда позволяли обстоятельства (погода, материальные возможности, наличие достаточного количества войск и т.п.). К тому же боевые действия никогда не шли одновременно на всей

территории страны, для этого элементарно не хватало средств и возможностей.

Войны, почти без исключений, имеют разнообразные мотивы, установить и оценить которые нелегко. Критерием всех подобных действий была защита интересов государства, прежде всего это относилось к военной мощи, безопасности и благосостоянию. Но не менее важным фактором было укрепление авторитета монарха – его престижа и положения среди других властителей.

Для периода времени, о котором здесь идет речь, слава и престиж были даже более важны, чем безопасность и благосостояние, если различать государства, развязывавшие войны, и те, которые были вынуждены принимать в них участие. Для первых войны чаще всего были мотивированы желанием добиться более престижного положения.¹ Войны, которые велись в то время в Европе, скорее, являлись элементом поиска славы, чем ответом на угрозы.

Наиболее серьезное исследование в области сравнения и оценки причин различных войн провел К.Й. Холсти. В период между 1648 (Вестфальский мир) и 1713 гг. (Утрехтский мир) он различает 22 войны, связанные с 51 источником конфликта. Территориальные споры, приведшие к 12 войнам (44% от общего числа), были наиболее значимой причиной.² Только незначительное количество войн, имевших целью расширение территории, достигли цели, и еще меньше их сразу принесли экономическую прибыль. После окончания Войны за испанское наследство в 1714 г. французское правительство было обременено долгами, в 30 раз превышающими ежегодный национальный доход. Людовик XIV был вынужден продать свое столовое серебро, а также любимую коллекцию, состоявшую из 5 000 серебряных игрушечных солдатиков. После Северной войны Пруссия была на

¹ R.N. LEBOW. *A Cultural Theory of International Relations*. Cambridge, 2008. 284; J. HUIZINGA. *Mängiv inimene: Kultuuri märguolemendi määratlemise katse*. (Человек играющий: Характер и значение игры как явления культуры). Tallinn, 2004. 103.

² K.J. HOLSTI. *Peace and War: Armed Conflicts and International Order, 1648–1989*. Cambridge, 1991. 46–63.

границы финансового краха, Россия также испытывала огромные трудности. Петр I сам часто нуждался в средствах. Нам известен, по крайней мере, один случай, когда ему пришлось извиняться перед императрицей Екатериной за то, что он не смог ей послать подарок с курьером из-за «нехватки денег».³

Огромные расходы и малые шансы на успех в этих войнах ставят под сомнение утверждение, что они были мотивированы материальной выгодой. Однако ни тот ни другой фактор не могли удержать правителей от попыток приобрести *славу*. Не исключено, что высокая стоимость войны делала ее еще более привлекательной. Это похоже на то, как сегодня богатые люди, в поисках повышения статуса, пользуются сверхдорогими гостиницами и ресторанами, надеясь, что их увидят те, на кого они хотят произвести впечатление.

Государства, поздно вступающие на арену борьбы за международный статус, обычно делают это с повышенной энергией. Это относится к Швеции, которая пыталась завоевать признание во второй половине XVI века – в тот период, когда протестантские правители еще не принимались всерьез великими католическими державами. Другим примером поздно проявившего себя государства, борющегося за признание и статус среди правящих европейских династий, является Россия начала XVIII века. Такие государства выделяют на военные нужды более высокий процент национального дохода и проводят более агрессивную внешнюю политику. Их правители больше озабочены престижем, чем славой. Подобное поведение может быть еще более явным, если главы государств верят, что они несправедливо лишены признания, чести и статуса.

Войны, как правило, начинаются безмянными. Своё название они получают уже после того, как высохнут чернила, которыми подписан мирный договор, а иногда и позже. Конфликт, вошедший в историю как Северная война (1700–1721), был далеко не первым одноименным столкновением в Европе. Британский историк Роберт Фрост говорит о нескольких Северных войнах,

³ R.N. LEBOW (2008). 287; L. HUGHES. *Russia in the Age of Peter the Great*. New Haven, 1998. 141.

проходивших в период с 1558 по 1721 год.⁴ Речь идет о ряде конфликтов разной длительности, возникавших между Швецией, Польско-Литовским государством, Россией и Данией, чьи интересы сталкивались в борьбе за господство на Балтийском море.

Северная война, охватившая два первых десятилетия XVIII века, была по своей сути очень многослойным конфликтом. Она велась с разной интенсивностью, состояла из нескольких кампаний и, можно сказать, нескольких войн меньшего размаха. Это конфликт с Данией (военный поход в Зеландию) в 1700 г., война в Прибалтийских провинциях в 1700–1701 гг., война в Польше в 1701–1706 гг., военный поход в Россию в 1707–1709 гг., оборона Штральзунда в 1714–1715 гг. и два военных похода в Норвегию в 1717 и 1718 годах. Кроме того, сражения шли на побочных театрах военных действий.

Уже первая половина Северной войны опустошила территорию сегодняшней Эстонии. Интенсивные боевые действия разворачивались здесь в 1700, 1702, 1703, 1704, 1708 и 1710 годах. Но еще больше сказались на Эстонии последствия Северной войны. Дело было не просто в смене одной чужеземной власти (шведской) на другую (российскую). Драматически ухудшилось правовое положение эстонцев, так как местным немцам Россия предоставила широчайшие привилегии.

Заслуживает внимания тот факт, что именно с Эстляндии и Лифляндии начались как возвышение шведской великодержавности, так и ее закат. Северная война положила конец Шведскому периоду в истории Эстонии и отбросила Швецию в ряд второстепенных государств. Закончилось владычество шведов в регионе Балтийского моря, которое продолжалось в общей сложности 110 лет. Несмотря на это, сама Швеция весь XVIII век продолжала считать себя великой державой с присущими ей амбициями. Реваншистские настроения прекратились только с потерей Финляндии и Померании в войнах 1807–1809 годов.⁵

⁴ R.I. FROST. *The Northern Wars: War, State and Society in Northeastern Europe, 1558–1721*. Harlow, 2000. 12–13, 21.

⁵ O. LARSSON. *Stormaktens sista krig: Sverige och stora nordiska kriget 1700–1721*. Lund, 2009. 328.

Схожая судьба постигла и Россию. Северная война на целых 270 лет включила Российское государство в число сильнейших стран сначала Европы, а затем и мира. Многим хотелось видеть в этом «естественный» ход событий и «вечный» статус. И это понятно, ведь долгие десятилетия и поныне живущие поколения существовали именно в таком психологическом контексте.

К сожалению, мы забываем, что время не стоит на месте. Парадокс истории в том и состоит, что кажущееся совершенно невысказанным сегодня, со временем становится неизбежным. Древнегреческий философ Гераклит говорил по этому поводу: «*Panta rei*» – «Все течет, все меняется». Это относится и к империям, которые возникают и рушатся.

В начале XVIII столетия, одновременно с Россией, великой державой стала Великобритания и пребывала в этом статусе 250 лет. После столь долгого звездного пути эта страна и сегодня весьма болезненно ощущает свой переход от империи к государству пусть и достаточно сильному, но всего лишь равному среди равных. А ведь Британская колониальная империя распалась более полувека назад. Россия же после событий 1991 г. находится на самой начальной стадии этого процесса. Человеческая натура такова, что представления, предпочтения и мечты, сформировавшиеся долгие годы, с большим трудом уступают место переменам, обусловленным новыми обстоятельствами.

В этой книге нашли отражение события Северной войны на территории Эстонии, какими они виделись через призму одного города, а именно Тарту (Дерпта). Можно сказать, что испытания, выпавшие на долю Тарту, в миниатюре отображают историю всей Эстонии. Грозные тучи нависли над Тарту сразу с началом боевых действий, время от времени грохот сражений сотрясал его крепостные стены, но только через четыре года беспощадная волна большой войны окончательно накрыла город. А еще через четыре года от Тарту не осталось камня на камне. Но мы не будем замыкаться на локальных событиях, а рассмотрим происходившее в более широком историческом контексте региона Северной Европы, что позволит увидеть эти, казалось бы, местного значения события на более широком фоне.

В течение последних пяти веков европейский склад мышления формировался под воздействием двух диаметрально противоположных представлений. С одной стороны, вера в прогресс, поступательное развитие человечества, с другой – убежденность в неизбежности регресса и движения к краю пропасти. Будучи носителями обоих этих взглядов, мы пытаемся найти опору в истории, чтобы справиться с вызовами нового времени или, наоборот, бежать от прошлого. Какой путь выбрать, я предоставляю решить самому читателю.

Маркус Лайдре

Лондон, 9 ноября 2009 года

20-я годовщина падения Берлинской стены

«ЖАРКОЕ, КОТОРОЕ В ДУХОВКУ ПОСТАВИЛИ МЫ...»

Большой город, каким была Москва в конце XVII века, всегда полон слухов, один сумасбродней другого. Москвичи всерьез поговаривали, что царь, намедни вернувшийся из долгих странствий по Европе, на чужбине променял веру православную на басурманские обычаи. А «посвященные» и вовсе твердили, будто и не царь это, не Петр Алексеевич, а двойник его с неметчины, на манер Лжедмитрия узурпировавший имя и трон истинного русского государя.⁶

20 декабря 1699 г. на Москву обрушилась новость, потрясшая основы тогдашнего общества. И была это отнюдь не сплетня, а официальный царский указ. Отныне велено было летоисчисление вести не от сотворения мира, а от Рождества Христова. И новый год начинать не с первого числа сентября месяца, а с первого января. По царскому разумению так издавна повелось не просто во многих европейских землях, но и среди всего православного люда. Ради доброго начала нового столетия повелед царь-батюшка всем правоверным после молитвы друг друга с новым годом поздравлять и желать всяческого благополучия. Зажиточным хозяевам предписано было у ворот дома своего выставлять елки, сосенки, можжевельные кусты или украшения из веток оных и держать до седьмого января.⁷

Предписано было также во время фейерверка на Красной площади на подворьях вельмож, воевод и купцов трижды палить из мелких пушек и разного им принадлежащего оружия да запускать шутихи. Ночами же с первого по седьмое января следовало костры жечь и смоляные факелы. Так начался в Москве год 1700-й.

Новый век принес серьезные изменения не только в рос-

⁶ Н. HJÄRNE. *Karl XII. Omstörtningen i Östernopa 1697–1703*. Stockholm, 1932. 118.

⁷ С.М. СОЛОВЬЕВ. *Сочинения. Книга VII: История России с древнейших времен*. Т. 13–14. М., 1991. 582.

сийскую жизнь. Изменилось соотношение политических сил и в большей части Европы. Внимание государственных мужей Старого света в конце XVII века приковали к себе два важнейших внешнеполитических вопроса. Первый: кому отойдут обширные испанские владения находящегося при смерти бездетного короля Карла II, последнего представителя дома Габсбургов на испанском престоле. Европа разделилась на два лагеря, и все переговоры, так или иначе, вертелись вокруг дележа испанского наследства. На одной стороне, в сравнительной изоляции, стоял король Франции Людовик XIV, и раньше не раз грозивший нарушить сложившееся в Европе равновесие. Ему противостояли австрийские Габсбурги в лице германского императора Леопольда I и объединенные силы Англии и Голландии, представленные Вильгельмом III Оранским.⁸

Северные страны участвовали в этом конфликте постольку, поскольку противостоящие силы Европы старались завербовать их в качестве союзников. Карла XII, едва вступившего на престол после смерти отца, немедленно засыпали проектами государственных и брачных союзов. Юный шведский монарх, едва достигший пятнадцатилетия, получил собственноручное письмо Вильгельма III, приветствовавшего его в качестве предводителя сил, противостоящих Людовику XIV.⁹

Спор об испанском наследстве отразился и на процедуре избрания польского короля в 1697 году. Это тоже была проба сил французского монарха и противостоящего ему союза. Людовик XIV отлично понимал, что ему нужны союзники в борьбе против австрийских Габсбургов. Потому и предложил на освободившийся польский трон своего кандидата – Франсуа-Луи де Бурбона, принца де Конти. В случае удачи «король-солнце» получил

⁸ Формально по праву наследования преимущество было у Франции, поскольку мать и супруга Людовика XIV были испанскими принцессами. Претензии Леопольда I оправдывало то, что его первая жена была дочерью испанского короля Филиппа IV. Однако для большинства государств вариант Франции оказался неприемлемым, поскольку это повлекло бы за собой возникновение сверхдержавы, окончательно разрушив и без того зыбкое равновесие в Европе.

⁹ Н. BRULIN. *Sverige och Frankrike under nordiska kriget och spanska successionskrisen åren 1700–1701*. Uppsala, 1905. 11; R. HATTON. *Karl XII av Sverige*. Köping, 1985. 210.

бы надежного вассала и преданного союзника за спиной немецкого императора.

Вильгельм же в последнюю минуту выдвинул саксонского курфюрста из династии Веттинов Фридриха Августа I, которому удалось заручиться поддержкой Папы Римского на условии, что ставший королем курфюрст-протестант сменит веру и станет правоверным католиком. Срочно начали скупать голоса, а поскольку денег при такой спешке собрать в достаточном количестве не успели, Фридрих Август не побрезговал выступить в роли фальшивомонетчика. Взятки давали сомнительными срочно напечатанными деньгами.

Первый тур выборов закончился тем, что обе стороны объявили своих претендентов. Однако саксонский курфюрст оказался проворнее и короновался первым победителем. И когда принц Конти с небольшой французской эскадрой прибыл в Польшу, трон оказался занят.¹⁰ Однако Германию и Польшу с Литвой объединила лишь персональная уния. У них даже не было единой границы, так как между ними располагались Силезия Габсбургов и территории Бранденбурга по Одера. Королевская власть Августа была ограничена. Но человек он был энергичный и сразу стал искать способы расширить свое влияние. Одной из альтернатив ему представлялось возобновление войны с Турцией ради захвата Молдовы.

Война с Османской империей и была тем вторым важным политическим вопросом, что занимал европейские умы. Для Франции здесь непосредственной опасности не предвиделось, однако снять сливки с ситуации «король-солнце» был совсем не прочь. В Риме интересы Людовика XIV представлял кардинал д'Эстре наравне со своим братом-послом. В 1682 г. он предложил папе от имени своего монарха следующее: король Франции становится во главе союза христианских стран и коронуется в Константинополе в качестве императора.¹¹ Папа Иннокентий XI,

¹⁰ *History of Poland* (1968). 273–274; N. DAVIES. *God's Playground: A History of Poland Vol 1: The Origins to 1795*. Oxford, 1986. 492.

¹¹ R. WITTRAM. *Peter I: Czar und Kaiser: Zur Geschichte Peters des Grossen in seiner Zeit. Bd I*. Göttingen, 1964. 27. Титул императора поднял бы Людовика XIV в иерархии правителей на один уровень с Леопольдом I.

в свою очередь, искал союзников в борьбе с турками далеко за пределами Европы. Так, в 1683 г. католикос Армении намеревался передать письмо папы персидскому шаху и убедить того в необходимости нападения на Турцию.

В конце концов, в 1683 г., при непосредственном участии Святого Отца германский император Леопольд I и польский король Ян Собеский заключили союз, обязуясь превратить свои земли в надежный оплот христианства против неверных. Год спустя к ним присоединилась Венецианская республика. Образовалась Священная лига, формальным главой которой был папа Иннокентий XI. В 1687 г. к антитурецкой лиге присоединилась Россия. Это был первый случай вмешательства Московии в европейские дела, в большие политические игры. Вопрос об испанском наследстве и тут сыграл свою роль. Пока шла война с Турцией, австрийские Габсбурги не могли всерьез противостоять Франции. «Король-солнце» это отлично понимал и всячески стремился войну затянуть.

Когда в Польше начались распри из-за трона, польские пушки на турецком фронте умолкли. От России помощи тоже было немного. Она нападала на Османскую империю лишь там, где было выгодно, и где прощупывались слабые места в турецкой обороне, поскольку основные силы оттягивали на себя войска Леопольда I.¹² Однако император, уже достигший своих основных целей, не считал нужным продолжать борьбу исключительно ради амбиций России и Польши. К тому же борьба за испанское наследство требовала военного вмешательства Леопольда I. Словом, его руки должны были быть развязаны. И австрийские Габсбурги начали искать возможность выхода из войны.

Царь Петр, получив эти известия, сильно обеспокоился. России нужен был выход к Черному морю, для чего войну следовало продолжать, причем не в одиночку. Петр обращается с воззванием к правителям христианских стран, а взятие Азова рассматривает как свой вклад в борьбу с неверными. Кстати, именно

---

¹² Н. HJÄRNE (1932). 87. По мнению других историков, русские военные походы на Крым в 1687 и 1689 гг. все же улучшили положение австрийских Габсбургов и уменьшили давление на войска Леопольда I в Венгрии. См. R. WITTRAM (1964). 77.

с этих позиций он активно поддерживает кандидатуру саксонского курфюрста на польский трон. Так как Фридрих Август представлялся Петру серьезным союзником в войне с Турцией, ради поддержки курфюрста он даже подвел русские войска к литовской границе.

Весной 1697 г. царь начал свое большое турне по европейским странам, войдя в состав Великого посольства под именем Петра Михайлова.¹³ Эта миссия вызвала огромный интерес на всем континенте и породила массу предположений по поводу истинных целей московской внешней политики. Сами же посольские утверждали, что цель визита в Европу – свидетельство дружественных отношений с христианским миром во имя общей цели. Цель же эта заключается в прославлении христовой веры и ослаблении влияния турецкого султана, крымского хана и мусульман в целом.¹⁴

Надо сказать, что Петр первым из российских правителей выехал за пределы своей страны, решительно изменив неписанную традицию. Перед ним столь дальний вояж совершил лишь однажды, 622 года назад, князь Изяслав, посетивший германского императора Генриха IV в Майнце.

Серьезные политические переговоры Петр провел в Вене летом 1698 года. Царь был кровно заинтересован, чтобы в связи с предстоящими мирными переговорами европейские «коллеги» не оставили его один на один с Турцией. В результате ему удалось добиться обещания императора поддержать претензии России на Керчь, расположенную на выходе из Азовского моря, если, конечно, войску Петра удастся взять этот портовый город до заключения перемирия.¹⁵

На фоне всего вышесказанного особенно заметно невмешательство Швеции в большую европейскую политику. Шведы стремились сохранить завоеванные позиции и предпочитали

---

¹³ О назначении российских послов были проинформированы германский император, короли Англии и Дании, папа, Республика объединенных провинций, Бранденбургский курфюрст и Венецианская республика, из чего можно сделать вывод о пути следования посольства.

¹⁴ R. WITTRAM. *Peter der Grosse: Der Eintritt Russlands in die Neuzeit*. Berlin, 1954. 66.

¹⁵ H. HJÄRNE (1932). 109.

предоставить инициативу другим, не желая быть втянутыми в военные конфликты. Такая политика вела к определенной изоляции государства. Другие страны, в особенности Морские державы, то есть Англия и Голландия, поддерживали шведскую политику невмешательства лишь в той мере, в какой она соответствовала их собственным интересам.

Сведения о внутренней жизни Швеции при европейских дворах основывались, по большей части, на рапортах стокгольмских резидентов, посещавших этот северный город, и на мнении шведской оппозиции. Надо отметить, что и в конце XVII века дурные новости «продавались» куда активнее хороших. По всей Европе ходили слухи о недовольстве абсолютной властью шведского короля, о том, что в случае войны в Швеции неизбежно вспыхнут волнения, и власть не устоит, и т.п. Подобную картину рисовали как памфлеты, так и депешы министров (*читай: послов*) Бранденбурга и Дании. Особое внимание уделялось событиям в Лифляндии и Померании, где недовольство было особенно велико.

Малейшие проявления протеста в соседней Швеции внимательнейшим образом регистрировал Копенгаген, где были весьма сильны реваншистские настроения. Еще в 1683 г. датский король Кристиан V сформулировал в завещании цель внешней политики страны: возвращение земель, отошедших к Швеции. В 1692 г. посол Дании в Стокгольме сообщал о своей встрече с делегацией лифляндского дворянства. По словам ее участников, Лифляндия только и ждет конфликта между Швецией и Данией по вопросу Гольштейна. «А уж они тогда будут знать, что делать. И ждут лишь одного: хоть какого-либо вмешательства Польши. Там (*читай: в Лифляндии*) уже более трехсот крестьянских и иных семей ушло и отдало себя под покровительство Московии».¹⁶

¹⁶ J. ROSÉN. *Den svenska utrikespolitikens historia II:1 (1697–1721)*. Stockholm, 1952. 42, 51–52. Герцогство Гольштейн-Готторп образовалось в 1544 г., когда герцогства Шлезвиг и Гольштейн были поделены между третьим сыном датского короля Фредрика I Адольфом, его братом Иоганом и их сводным братом, датским королем Кристианом III. Первым герцогом Гольштейн-Готторпа стал Адольф. Его дочь в 1592 г. вышла замуж за младшего сына шведского короля Густава Ваза, герцога Карла, который позднее взшел на шведский трон как Карл IX. Через два года после бракосочетания у них родился сын, которого в память о деле называли Густавом Адольфом. ▶

В связи с болезнью и смертью Карла XI в 1697 г., если верить рапортам и депешам, вероятность комбинации войны и восстания стала и вовсе актуальной. Спустя пять дней после смерти шведского короля датский посол уверял своего повелителя в том, что к восстанию в Швеции все готово. Нужна только поддержка соседей – Бранденбурга, русского царя и Польши, а предпочтительнее всего, Дании. Французский посланник также докладывал о значительной вероятности восстания в Лифляндии и Померании.¹⁷ Он писал, что Великая Швеция находится на грани серьезных волнений. Нужна лишь война, чтобы все вспыхнуло.

Однако упомянутые сообщения отражали скорее желаемое, чем действительное положение дел. Не стоит забывать о гораздо более взвешенной оценке ситуации, которую дал Йенс Юэль, представлявший Данию на коронации Карла XII в конце 1697 года. Не отрицая наличия недовольства в шведском обществе, он напоминал, что собаки, которые громко лают, обычно не кусаются.

В связи с восшествием на польский престол Августа II, шведский посол в Копенгагене писал: «Никогда еще выборы польского короля не заканчивались более благоприятно для Дании... , ибо задумай Дания сегодня или завтра напасть на Швецию, поддержка нового короля ей уже обеспечена. Если же Дании удастся заключить союз с Великим княжеством Московским, к чему всячески стремятся, то Дания может чувствовать себя вполне уверенно, и ей нечего будет бояться Швеции».¹⁸ Эти строки дают наглядное представление о наступательном характере датской дипломатии.

► В конце XVII века герцогство Гольштейн-Готторп являлось форпостом Швеции в борьбе с Данией. В 1697 г., когда датские войска разрушили недостроенные крепости на территории герцогства, отношения между Данией и Швецией обострились до предела. Карл XII послал на помощь герцогу 2400 человек для восстановления крепостей. Связь Гольштейн-Готторпа со Швецией еще больше укрепилась после того, как герцог женился на сестре Карла XII Хедвиг Софии. Заодно герцог был назначен главнокомандующим шведскими войсками, находившимися в Саксонии.

¹⁷ J. ROSÉN (1952). 52; K. ZERNACK. *Der Grosse Nordische Krieg*. – Nordosteuropa: Skizzen und Beiträge zu einer Geschichte der Ostseeländer. Lüneburg 1993. 161 (=K. ZERNACK 1993a); J. BLACK. *The Rise of the European Powers 1679–1793*. Suffolk, 1990. 21.

¹⁸ J. ROSÉN (1952). 53.

Катализатором активности Дании послужила смерть Карла XI. В Копенгагене лелеяли надежду на установление долговременного опекунского правления в соседней стране. Ведь наследник трона был почти ребенком. За этот период, полагали датские политики, Швеция ослабеет еще больше. Прошедшие несколько месяцев спустя выборы польского короля открыли новые возможности. Немаловажно и то, что Август был племянником датского короля. Это обещало надежный союз между двумя монаршими дворами.

Как только известия о болезни и смерти шведского короля достигли Копенгагена, Кристиан V отправил статского советника Поля Гейнса с полномочиями посла в Москву. В данных ему инструкциях основным пунктом значилось заключение военного союза против неназванного соседнего государства. Намек на Швецию был очевиден. Шведский посол в Копенгагене писал по этому поводу: «Стоит задуматься, почему в нынешнее мирное время Дания направляет в Россию своего министра. Прежде такое происходило лишь в случае намерения воевать с Швецией или уже в ходе войны».¹⁹ Томас Книпер, шведский резидент в Москве, основываясь на местных источниках информации, без обвиняков сообщал о том, что единственная цель Гейнса – заключение союза против Стокгольма. Сам же Гейнс, остановившись по дороге в Москву в мае 1697 г. в Ревеле, объяснял свой визит в Россию желанием заключить торговый договор. Лифляндский генерал-губернатор Дальберг в письме к шведскому дипломатическому агенту в Варшаве назвал этот предлог откровенно надуманным.²⁰

Когда Поль Гейнс прибыл в Москву, русский царь уже был на пути в Европу. Датские дипломаты попытались перехватить Российское посольство в дороге. Одно время они очень надеялись, что маршрут Петра пройдет через Данию, обеспечив прекрасную возможность для встречи высочайших особ. Этого, увы, не случилось. Тем не менее, было положено начало созданию антишведской коалиции.

¹⁹ E. OLMER. *Om ryssfruktan I Sverige för 200 år sedan.* – Historisk Tidskrift, 1903. 296.

²⁰ R. WITTRAM (1964). 203.

Другое важное событие состоялось в первые дни августа 1698 года. Петр, вынужденный покинуть Великое посольство в связи со стрельцким бунтом, по дороге на родину встретился в Раве (Галиция) с Августом II. Встрече предшествовали тайные переговоры доверенных лиц августейших особ во время пребывания Великого посольства в Голландии и Вене. В это же время шли переговоры о мире между германским императором и турецким султаном. Война с Османской империей породила большие надежды и у Петра, и у Августа. Двадцатипятилетний русский царь легко нашел общий язык с польским королем, который был всего на два года старше. Они настолько сошлись во мнениях, что уже планировали совместный поход на Константинополь.²¹

Но молодые правители обсуждали и иные вопросы. Почти четверть века спустя Петр вспоминал, что на балу у своего фаворита Якоба Гейнриха фон Флемминга король сетовал на то, как много у него врагов среди поляков. И просил поддержки, если Польша восстанет против своего короля. Говоря точнее, Август имел в виду возможность волнений в Великом княжестве Литовском, которое к тому времени почти отделилось от Польши. Петр решительно заявил новому другу, что тот может на него рассчитывать. В свою очередь, царь попросил короля помочь отплатить генерал-губернатору Дальбергу за перенесенное в Риге оскорбление, чуть не стоившее Петру жизни.²² Король согласился.

Саксонские представители королевского двора не преминули подвести переговоры к возможным совместным завоеваниям шведских владений на побережье Балтийского моря. Семя упало в благодатную почву. Петр уже и сам об этом подумывал.

В октябре 1699 г. представитель Августа II в Москве дает понять, что его король помнит о своем обещании. Он охотно поможет отобрать у шведской короны то, что по Божьему суду и людскому праву принадлежит русскому царю. Это серьезный

²¹ Н. HJÄRNE (1932). 111.

²² С.М. СОЛОВЬЕВ (1991), 7. 583; Н. HJÄRNE (1932). 110–111; R. WITTRAM (1964). 200; N. DAVIES (1986). 496; J. ROSÉN (1952). 58.

довод в пользу того, что в Раве молодые монархи говорили не только о якобы оскорбившем Петра генерал-губернаторе Дальберге. Они уже тогда строили серьезные планы о завоевании утраченных земель на восточном берегу Балтики. Правда, никаких обязательств в Раве подписано не было. Петра пока больше занимали мысли о незавершенных военных действиях на турецком фронте. А тут было о чем подумать. В январе 1699 г. германский император и польский король вышли из войны с Турцией.

Именно в это время в международной политике началась «звездная карьера» Иогана Рейнхольда фон Паткуля, закончившаяся столь трагично.²³ Лифляндский дворянин, один из лидеров шведской оппозиции, он был отдан под суд и тайно бежал из Стокгольма в октябре 1694 г., так как полагал, что вряд ли будет оправдан. И был прав. Шесть недель спустя фон Паткуля заочно приговорили к смерти. Но предварительно его должны были лишить правой руки, состояния и дворянского звания. Все его работы и письма подлежали сожжению, а имущество, оставшееся после выплаты долгов, шведский король подарил Рижскому госпиталю.

В начале 1698 г. фон Паткуль появляется в Берлине, где знакомится с приближенными саксонского курфюрста. По совпадению ряда обстоятельств казалось, что именно Паткуль стал «живым мостом» между силами, впоследствии оформившимися в антишведскую коалицию. На самом же деле современники и последующие поколения явно преувеличивали роль несчастного изгнанника, превратив его в главного козла отпущения и причину всех зол. Сам Паткуль с самого начала опровергал обвинения в том, что он был инициатором нападения на Швецию. Он даже опубликовал письмо в собственную защиту, где утверждал, что к моменту его появления при дворе Августа в 1698 г. план захвата лифляндских земель существовал уже более года. То же он повторил в 1707 г. в предсмертной исповеди шведскому

---

²³ О жизненном пути Паткуля см. Y. ERDMANN. *Der livländische Staatsmann Johann Reinhold von Patkul: Ein abenteuerliches Leben zwischen Peter den Grossen, August dem Starken und Karl XII von Schweden*. Berlin, 1970.

миссионеру: «Когда я прибыл в Германию, все уже было решено...». ²⁴ Однако в это никто не поверил, и Паткуля казнили.

Позиция Августа II после избрания его королем Польши была отнюдь не столь надежна, как могло показаться на первый взгляд. Поэтому покорение Лифляндии, расширявшее сферу его влияния, было королю на руку. Интерес к предложениям Паткуля возрос, когда стало понятно, что их можно связать с укреплением власти династии Веттинов в Речи Посполитой. Якоб Гейнрих фон Флемминг, влиятельный фаворит Августа, и тесно связанный с ним генерал Георг Карл фон Карловиц еще до встречи в Раве, втайне от своего короля, предприняли кое-какие действия внутри Великого княжества Литовского. Все их усилия были направлены на покорение Лифляндии (в грядущем союзе с Россией, Данией и, возможно, другими государствами, в первую очередь – Бранденбургом). ²⁵

Так сложилась ситуация ко дню аудиенции у короля Августа II, которую выхлопотал для Паткуля в первый день 1699 г. сам Флемминг. Встреча продлилась полтора часа. Большую часть времени заняло обсуждение вопроса о войне со Швецией. Паткуль представил королю заметки о том, как, по его мнению, можно привлечь в союзники или, по меньшей мере, добиться нейтралитета ряда стран. ²⁶ В первую очередь, рассматривались Москва и Копенгаген, так как их убедить было легче всего. Оба государства охотно бы вернули то, что в более благоприятные для себя времена отобрали у них Швеция. Тем более что Россия сама искала повод прервать отношения со Стокгольмом. ²⁷

²⁴ A. ISBERG. *Johann Reinhold Patkul och Livland åren 1699–1701*. – Karolinska Förbundets Årsbok 1960. Stockholm, 1960. 72. Паткулю выпала ужасная смерть. В результате предательства он попал в руки шведов и был приговорен к казни через колесование. Поскольку палач оказался неопытным, жестокая процедура затянулась и была особенно мучительной. Только с четвертого удара Паткулю отрубили голову. Его изуродованное тело затем подняли на копы. Изуверский способ казни Паткуля вызвал волну осуждения в Европе. См. У. ERDMANN (1970). 283–288.

²⁵ Н. HJÄRNE (1932). 124; К. ZERNACK (1993a). 163.

²⁶ W. WULFFIUS. *Studien zur Geschichte Patkuls des Nordischen Krieges*. – Mitteilungen aus der livländischen Geschichte. Riga, 1924–1926. 260–263.

²⁷ Позднее Паткуль позволил царю присвоить себе идею нападения на Швецию. А. VON RICHTER (1858), 2:2. 275.

Следовало, однако, подумать о том, чтобы территориальные претензии царя не распространились дальше реки Наровы. Нарва должна была остаться эстонской, а естественную границу (*terminus naturalis*), проходившую по реке и Псковскому озеру, менять не собирались. Паткуль опасался, что, заполучив Нарву, царь легко распространит свою власть на всю Эстляндию. Предлагаемая Москве союзный договор, надо было четко оговорить следующие условия. Петр довольствуется Ингрией и Карелией. На земли Лифляндии и Эстляндии его нога не ступит, ибо о них позаботится Август.

Промедление было недопустимо, так как Швеция уже отрядила в Москву посольство, дабы предупредить возможное вторжение.²⁸ Петра следовало подвигнуть на захват ингрийских и карельских земель с условием, что Август немедленно присоединится к военным действиям.

С Данией дело обстояло сложнее. Здесь политика велась тоньше, датчане больше знали об истинном положении дел, а потому и вести себя с ними приходилось осторожнее. Августу не следовало делать первый шаг, поэтому решили уступить инициативу самим датчанам. Паткуль полагал, что в искусстве заключения союзов выигрывает тот, кто ждет выгодных предложений, а не навязывает их сам.

Предполагалось, что Дания введет войска в Сконе, а ее флот будет контролировать Балтийское море, препятствуя доставке помощи шведским войскам в Лифляндии, Эстляндии, Курляндии и Пруссии. Август также мог потребовать от Дании три-четыре тысячи солдат для укрепления своих сил. На подлежащих присвоению землях важно было создать впечатление, что речь идет об освобождении, а отнюдь не о покорении и захвате. С помощью Дании можно было отслеживать реакцию других европейских стран, в первую очередь, Франции. Ни один из трех союзников не имел права заключать со Швецией сепаратный мир.

Привлечение в качестве союзника России серьезно беспокоило Паткуля. С одной стороны, это было неизбежно, с другой —

---

²⁸ Тут следует отметить прекрасную осведомленность Паткуля.

рискованно. На этом вопросе Паткуль подробно останавливается в своих записках, датированных апрелем 1699 года. В них он подчеркивает, что ни в коем случае нельзя допустить, чтобы «жаркое, которое в духовку поставили мы, вынул он (*читай: царь Петр*) и съел у нас на глазах; чтобы он со временем перехватил у нас Лифляндию». И далее: «Нам придется доказывать абсурдность и несостоятельность аргументов, приводимых царем в пользу своего права на Лифляндию. Через историю и географию надо будет показать, на что именно распространяются его права».²⁹ Далее Паткуль приходит к выводу: если Петр все-таки возьмет Нарву, придется обратиться за содействием к Англии, Голландии, Бранденбургу и Дании.

В желании ограничить власть Петра на побережье Балтийского моря Паткуль и Август были едины. Но дальней целью Паткуля был независимый статус Лифляндии, такой, скажем, как у Курляндской дворянской республики. Август же видел Лифляндию в качестве наследных династических земель. Это позволило бы ему укрепить свою власть в Польше. Но им удалось прийти к компромиссу, и в августе 1699 г. шведский изгнанник заключил договор с саксонским курфюрстом.³⁰ Они рассчитывали, что предполагаемое герцогство Лифляндское будет присоединено к Польше в качестве «защитного редута от Московии и Швеции». Лифляндское дворянство освободят от налогов, как персональных, так и земельных. Зато для охраны своих земель дворяне будут за свой счет содержать пять тысяч пехотинцев и шестьсот всадников. Иными словами, Лифляндия будет иметь свою армию. Предстояло восстановить отмененное шведами местное самоуправление и сохранить свободу вероисповедания.

Предполагалось, что в городах будет править рыцарство, а Рига в наказание за то, что сдалась на милость шведов, лишится своих привилегий. Дворянство будет посылать представителей

²⁹ A. ISBERG (1960). 78; R. WITTRAM (1964). 215; Y. ERDMANN (1970). 69.

³⁰ Паткуль утверждал, что действует от имени всего лифляндского дворянства, но верительные грамоты на сей счет, по всей вероятности, он выдал себе сам. См. A. ISBERG. *Linland i Johann Reinhold Patkuls politiska handlande.* – Karolinska Förbundets Årsbok, 1967. Stockholm, 1967. 36–37.

в сейм Речи Посполитой и иметь своих дипломатических агентов (*читай: послов*) при королевском дворе. В будущем, возможно, Эстляндия и Сааремаа на тех же условиях «частично или полностью» присоединятся к Лифляндии.³¹ В программе Паткуля, где на первом месте стояла передача всех прав землевладельцев рыцарству *pure et absolute*, речь шла даже не о восстановлении прежних позиций, а о небывалом высоком статусе дворянства. Подобные амбиции можно назвать стремлением к «рыцарскому абсолютизму».

Но в договоре были и секретные параграфы, свидетельствующие о дипломатических победах Августа как над Речью Посполитой, так и над паткулевскими мечтами о безграничном дворянском самовластию. За покровительство Лифляндии король намеревался взять хорошую цену. Лифляндии предстояло стать наследным леном династии Веттинов независимо от того, владеет семейство польской короной или нет. Для сокращения же собственных расходов Август намеревался обязать лифляндское дворянство содержать саксонскую армию в количестве 24 000 пштыков.

Но как довести хитроумный прожект о нападении на Швецию до Речи Посполитой? А ведь от этого во многом зависело его успешное выполнение. Утаить планы от поляков немислимо, ибо это грозит непредсказуемыми осложнениями. Чего доброго, эти гордецы и вовсе откажутся поддержать военные действия. Выносить прожект на обсуждение опасно. Возможна утечка информации, пропадет эффект неожиданности при атаке на Ригу. Последний аргумент перевесил. Решили широкому кругу ничего не сообщать, но постараться привлечь на свою сторону второго в Речи Посполитой после короля человека – кардинала-примаса Михала Радзиевского.³²

В первых числах сентября 1699 г., глубокой ночью, Паткуль и Флемминг встретились с кардиналом. Радзиевскому показали договор, заключенный между Августом и Лифляндией. Кардинал

³¹ А. VON RICHTER (1858), 2:2. 277; Н. HJÄRNE (1932). 130–131; А. ISBERG (1960). 77; R. WITTRAM (1954). 103; Y. ERDMANN (1970). 71, 75.

³² W. WULFFIUS (1924–1926). 252; А. VON RICHTER (1858), 2:2. 277–278; А. ISBERG (1960), 77; С.М. СОЛОВЬЕВ (1991), 7:592.

обещал добиться от сейма дозволения провести саксонскую армию через Польшу в Курляндию. Официальной версией будет считаться защита строящейся в Паланге гавани. Истинная цель – сосредоточение войск под Ригой для ее захвата. Нелишне заметить, что покладистость кардинала в известной мере объяснялась суммой около ста тысяч государственных талеров, врученной ему в качестве взятки. Что, впрочем, не помешало Радзиевскому позже полностью отреститься от связей с лифляндцами и утверждать, что никто с ним ни о чем подобном не советовался.

Тема вовлечения в дело Польши возникла еще в мае 1699 г., когда Паткуль под именем Валлендорфа прибыл в Копенгаген как посланник короля Августа, дабы прозондировать почву для союза с Данией. К общему мнению тогда пришли без труда. Но у датчан было пожелание: Августу предпочтительнее вступить в войну со Швецией не просто как курфюрсту Саксонскому, но как королю Речи Посполитой. И вообще вели они себя довольно сдержанно, несмотря на то, что Гейнс продолжал пребывать в Москве. Положение изменилось, когда упокоившегося Кристиана V сменил на троне его сын Фредрик IV. Молодой король осторожности в политике не признавал. И уже месяц спустя, в конце сентября, подготовленный Паткулем союзный договор был подписан в Дрездене.³³

Отныне речь шла не о военном конфликте между Саксонией и Лифляндией в русле претензий Дании к герцогству Гольштейн-Готторпскому, а о полноценной войне со Швецией, в ходе которой Дания и Польша намеревались вернуть себе все потерянные владения. Был даже назначен срок начала военных действий. Августу предстояло напасть на Лифляндию не позже января-февраля, а Фредрик по весне обязался атаковать на суше и на море не только Гольштейн, но и саму Швецию. У датчан было лишь одно дополнительное условие: договор вступит в силу не раньше, чем Август обеспечит поддержку и участие русского царя.

³³ H. HJÄRNE (1932). 137–139; J. ROSÉN (1952). 60; K. ZERNACK (1993a). 166; R.M. HATTON (1985). 138. Этот договор заменил заключенное в марте 1698 г. в Копенгагене тайное соглашение об оборонительном союзе между Кристианом V и Августом II.

Не напрасно Польш Гейнс так долго ждал Петра в Москве, хотя и по возвращении из Европы царь принял его не сразу. Петру было чем заняться. Одни волнения среди стрельцов чего стоили. Но после первой встречи отношения сложились. Так, накануне кровавого подавления стрелецкого бунта, то есть 29 сентября 1698 г., Петр и Гейнс провели вместе целый день – с десяти утра до десяти вечера. Праздновали крестины сына датского посланника, и крестным отцом стал не кто иной, как российский государь.

Через месяц состоялась тайная встреча датского комиссионера Хейнриха Бутенанта фон Розенбуша, Гейнса и Петра. Фон Розенбуш, успешный негодяй 55 лет от роду, уже лет двадцать как жил в России. Потому и выступил в роли толмача. Больше на встрече никого не было. Но большая часть беседы шла на голландском. Петр знал этот язык весьма прилично. Едва датский посол заикнулся о возможности военного союза, как Петр перебил его, сообщив, что сам об этом давненько подумывает.³⁴ На уточнение деталей времени ушло больше, но уже в июле 1699 г. Петр окончательно одобрил договор о совместных военных действиях. Государь обещал скрепить его своей высочайшей подписью, как только ему доставят экземпляры, подписанный датским королем. Единственное условие: договор вступит в силу лишь после заключения мира между Россией и Турцией.³⁵

В Варшаве тоже не сидели сложа руки. Август послал в Москву генерал-майора Георга Карла фон Карловица. Сей храбрый муж должен был всячески содействовать склонению российского самодержца к союзу против Швеции и получить подтверждение, что все, о чем монархи говорили в Раве, остается в силе. С Карловицем в роли эксперта и советника инкогнито отправился и сам Паткуль. Переговоры с русскими велись в большом секрете, как правило, вечером или даже ночью, всегда вне стен Кремля, чтобы не привлекать внимания. Участников переговоров тоже было немного. Прерывались они лишь на период болезни Карловица, который слег на несколько недель вскоре после прибытия в Москву.

³⁴ R. WITTRAM (1964). 204.

³⁵ К. ZERNACK (1993а). 165. Этот договор, фиктивно датированный 24 августа, Петр подписал только 23 ноября.

Собственноручные заметки Паткуля, переданные им Петру, датированы октябрем. Автор не пожалел красок, дабы склонить царя к союзу с врагами Швеции.³⁶ Приведем лишь один из приведенных аргументов: Петр укрепит свои позиции на берегу Балтийского моря, что чрезвычайно поднимет его авторитет и влияние во всем мире. Выход к морю гарантирует расцвет торговли и укрепит взаимоотношения с Голландией, Англией, Испанией и Португалией, а также «со всеми северными, западными и южными частями света». По словам Паткуля, Петр получал от союза такие баснословные выгоды, о коих не мог мечтать ни один другой монарх. Ведь Россия, в случае несомненного благополучного исхода баталии, получала монополию на торговые пути из Европы на Восток, в Персию и Китай. Да и для личной репутации монарха виктория над шведами значила куда больше, чем покорение турок да татар.

Царь мог бы оказаться полезным Голландии и Англии, если между ними и Францией вспыхнет война из-за испанского наследства. Ведь Петру не трудно предоставить в их распоряжение армию в десять-двадцать тысяч пехоты и свой сильный флот. В итоге исчезла бы угроза абсолютной монархии, исходящая от Людовика XIV.

Следовало также как можно быстрее договориться о том, как, где и когда начать операцию. Желательнее всего в конце декабря 1699 г., чтобы не упустить удобный момент. Девиз задуманного: «Сейчас или никогда!» Закончил свои записки Паткуль пожеланием Августа II, чтобы у Петра были развязаны руки, и ничто не мешало ему в проведении столь серьезной операции. Это был прямой намек на русско-турецкий конфликт. Впрочем, в последних строках Паткуль не преминул напомнить, что весь план должен храниться в глубокой тайне, и царь может посвятить в него лишь немногих близких и надежных соратников.

Петр долго не поддавался на уговоры, и был сам себе на уме. Он отнюдь не собирался ввязываться в драку очертя голову, действовал разумно и осторожно. Замирение с Турцией и для него

---

³⁶ W. WULFFIUS (1924–1926). 264–267.

давно уже было необходимо. Государевым послам в Константинополе велено было подписать трактат о мире к апрелю-маю 1700 года. Поэтому царь сразу лишил саксонцев надежды на скорое начало военных действий. До замирения на юге он Северную войну не начнет.

Тем не менее, в середине ноября в селе Преображенском ново-явленные союзники все же заключили тайный пакт о нападении на Швецию. Август пообещал вторгнуться в Лифляндию и склонить Речь Посполиту к разрыву отношений со Стокгольмом. Петр сказал, что введет войска в Ингрию и Карелию, как только подпишет мир с Турцией, но не позднее апреля 1700 года. До этого же царь обязался, в случае необходимости, поддержать Августа военной силой. Но формально эти воинские подразделения поступали на службу в Саксонию. Это была необходимая мера предосторожности, дабы Россию раньше времени не обвинили во вмешательстве в саксонско-шведский конфликт. Если же замириться с турками не удастся, а Август не пожелает один сражаться со шведами, то Петр приложит все усилия, чтобы помирить курфюрста с Карлом XII.³⁷ В январе 1700 г. к этому договору присоединился датский король. Кольцо вокруг Швеции замкнулось.

По иронии судьбы все эти переговоры велись в Москве прямо под носом у шведского посольства. Неужели в Стокгольме совершенно не представляли, что творится вокруг? Кое-что знали и представляли. Но высшее руководство Швеции, вольно или невольно, позволило ввести себя в заблуждение. Не все детали мозаики здесь сумели сложить в правильную картину. Несколько упрощая, можно сказать, что всю вторую половину XVII века внешняя политика Швеции определялась противостоянием с Данией и вопросом Гольштейн-Готторпского герцогства. Особенно актуальным этот вопрос был на протяжении трех лет: с момента смерти Карла XI до начала Северной войны. Исходя из этого, Швеция строила систему военных и дипломатических союзов. Помощи традиционно ждали от Голландии и Англии.³⁸

³⁷ С.М. СОЛОВЬЕВ (1991), 7:594; Н. HJÄRNE (1932). 140–141; R.M. HATTON (1985). 138.

³⁸ Подробнее см. Н. BRULIN (1905). 14–15.

Разумеется, шведы были осведомлены о многом, что происходило при московском и саксонском дворах по инициативе Дании. Шведский резидент в Гамбурге Мауриц Веллингк, даже раздобыл текст основного договора, заключенного меж датчанами и Августом в марте 1698 г., и отослал копию в Стокгольм.³⁹ Но в этом тексте лишь намекалось на возможный русско-польско-датский союз, да и цели его были весьма туманны. Поэтому шведы не особо встревожились и правильных выводов из полученной информации сделать не сумели. Скорее всего, решили, что это очередной шаг в духе свойственной датчанам тактики нажима и вымогательства, еще одна попытка перехитрить Швецию и добиться уступок мирным путем. На всякий случай того же Веллингка отрядили ко двору Августа II для более близкого знакомства с обстановкой. Но опытный дипломат и на этот раз позволил усыпить себя миролюбивыми речами короля и поверил в его исключительно дружественные намерения. Даже в декабре 1699 г., когда до войны оставалось всего несколько месяцев, правительство Карла XII объявило, что позволило на краткое время ввести себя в заблуждение, а на самом деле никаких антишведских планов не существует.⁴⁰

После Кардисского мира отношения России и Швеции казались спокойными, развивалась торговля. Но напряжение сохранялось. Историки более позднего поколения назвали это время «периодом враждебного сосуществования». Или, если угодно, состоянием холодной войны.⁴¹ При этом в стабилизации отношений Швеция была заинтересована больше России.

Ошибочно было бы думать, что Швеция вела себя совсем пассивно. Время от времени Стокгольм выступал с амбициозными, но совершенно утопическими планами. Так, еще в конце XVI в.,

³⁹ J. ROSÉN (1952). 63.

⁴⁰ Судя по всему, банальность шведов притупило то обстоятельство, что в 1697 г. Август вступил с ними в переговоры, которые должны были закончиться заключением союза. Переговоры продолжались вплоть до начала войны. Кроме того, в 1698 г. в Стокгольме проходили переговоры между Данией, Францией и Швецией, еще более запутавшие общую картину. См. J. ROSÉN (1952). 65–67.

⁴¹ H. ELLERSIECK. *The Swedish–Russian Frontier in the Seventeenth Century: A Commentary.* – Journal of Baltic Studies V. 1974. 193.

во время правления Юхана III, шведы намеревались захватить значительную часть российских земель.⁴² К этой же мысли вернулись в 1674 г., когда во главе шведского посольства в Московии стоял Густав Оксеншерна. Марта месяца 28 днем того года датирован документ со странным названием: «Невнятный прожект, коим образом надлежит с Московией воевать».⁴³ Невзвизывая на чужаковатость названия, в документе содержались и чрезвычайно интересные наблюдения о российской жизни, и анализ состояния внутренних дел страны, и разумные предположения о дальнейшем развитии событий. Если употребить современную лексику, то речь шла о превентивном ударе, который Швеция могла бы нанести России!

Анонимный автор прожекта писал, что время и ход событий доказывают: нельзя жить в мире с соседями дольше, чем оные соседи сами того желают. На оскорбление одного правителя другим есть все основания ответить войной, поелику война эта будет не просто отмщением, но обеспечением безопасности собственных земель. А потому не стоит тянуть. Куда разумнее первым привязать своего коня на земле соседа, чем ждать, пока его лошади истопчут твои уделы, и лишь тогда пытаться его изгнать. Это непременно надо иметь в виду, соседствуя с московитами, кои честно блюдут мир, но не дольше, чем он им самим на пользу идет. А при подходящих обстоятельствах да в удобное время нападут, ничтоже сумняшеся. Потому Его Величеству в мирное время не следовало бы глаз спускать с этого соседа, тем паче, что мощь его день ото дня возрастает, многие окрестные приделы он уже под себя подмял, и границы свои зело укрепляет.

Сколь бы надежным не казался мир с Россией, полностью полагаться на него было нельзя. Автор прожекта настоятельно просил своего короля поддерживать самые доверительные отношения с Польшей, чтобы в случае нужды вместе выступить

⁴² L.-O. LARSSON. *Arvet efter Gustav Vasa: En berättelse om fura kungar och ett rike*. Stockholm, 2005. 219.

⁴³ K. ZERNACK. *Imperiale politik und merkantiler Hintergrund: Ein Dokument der schwedischen Russlandspolitik im 17. Jahrhundert*. – Nordosteuropa: Skizzen und Beiträge zu einer Geschichte der Ostseeländer. Lüneburg, 1993. 133–146 (=K. ZERNACK (1993b)).

против Москвы. Неплохо было бы подружиться и с Османской империей, и с крымским ханом, чтобы иметь в их лице союзников на случай войны. А поскольку Персия граничила с московскими землями, то и с ней желательно наладить теплые отношения.

Далее следовало описание российских земель с военно-стратегической точки зрения, говорилось о том, куда и каким образом лучше вводить войска во время зимней и летней кампании. Шла речь и о том, какой флот и сколько войск следовало бы держать наготове в Белом море, чтобы овладеть Каргополом,⁴⁴ Архангельском и их окрестностями. Приводились данные о морских глубинах, фарватерах, гаванях, островах и т.д.

В проекте поднимался вопрос о заключении тайного союза с Великобританией ради военных кораблей и нескольких тысяч шотландских стрелков. Затем предлагалось «под покровом глубочайшей тайны» овладеть гаванью Архангельск и Соловецкими островами с их «на диво богатым монастырем». Но для этого следовало предварительно заручиться поддержкой голландцев и англичан, дабы они не мешали захвату Архангельска, игравшего важную роль в международной торговле. После овладения Архангельском предполагалось осуществить следующее: продвигнуться по Оби на несколько сотен миль в глубь Сибири с тем, чтобы «нарушить покой» сибирской столицы Тобольска. Самые же большие силы рекомендовалось послать на территории между Каргополом, Белым морем, Двиной и Вологдой. При этом указывалось, что гарнизоны там должны быть «многолюдны и славно вооружены». В переводе на современный язык это означало оккупацию региона навечно. Окрестности Пскова и Новгорода предлагалось использовать как базу для содержания армии. На границах Лифляндии, Эстляндии и Ингрии планировалось возвести крепости и держать мобильные воинские отряды.

Автор проекта был озабочен не только военной стороной дела, но и размышлял над тем, как добиться лояльности русского населения на захваченных шведами землях, подчеркивая,

⁴⁴ Территория между Онежским озером, рекой Онегой и Белоозером.

что местные простолюдины недовольны жизнью, беспокойны нравом и склонны к бунту.⁴⁵ Их расположения можно добиться раздачей монастырских угодий и имущества, а также свободой вероисповедания, «свойственной нашей религии в сравнении с их верой». Автор также полагал, что было бы разумно обучить русскому языку сотню-другую более или менее образованных, предприимчивых, обладающих отменным здоровьем местных жителей и приписать их на содержание к академиям (имеются в виду университеты в Тарту, Турку и Уппсале). Можно было бы также использовать иных молодых людей, уже владеющих русским языком, с тем, чтобы они, разъезжая по упомянутым землям, в описываемом случае (*в случае шведского вторжения*) выступали бы с речами, завоевывая сердца и иным образом обеспечивая лояльность населения.

Все эти благие намерения остались на бумаге. К тому же Карла XI вовлекли, ссылаясь на союзный договор с Францией, в войну с Бранденбургом. На следующий год Дания, воспользовавшись неудачами шведов на поле битвы, выступила на стороне Бранденбурга. Так что устремления Швеции по-прежнему были обращены на юг.

В Стокгольме отлично понимали, что пока Москва воюет с Османской империей, ожидать нападения с востока не приходится. Поэтому шведы всячески поддерживали воинственные настроения турок.⁴⁶ Когда в 1697 г. царь пожелал купить у шведов шестьсот литых орудий для флота на Азовском море, шведы ответили, что такой заказ им не осилить. Однако, в знак благожелательности, они готовы подарить русским триста орудий. Позднее историки расценили это факт как доказательство полного непонимания шведами возможности возникновения союза, направленного против них. На самом же деле шведские государственные мужи рассчитывали подлить масла в костер российско-турецкого конфликта и снизить риск вторжения московитов в свои владения.

⁴⁵ Лишь недавно было подавлено восстание донских казаков под предводительством Степана Разина (1667–1671).

⁴⁶ R. M. HATTON (1985). 136–137.

В отношениях с восточным соседом Швеция продолжала проявлять предельную сдержанность, стремясь не давать повода для конфликта. Шведы тщательно следили за тем, чтобы торговые связи не терпели никакого урона и соблюдали все заключенные ранее договоры. В 1699 г. в Тарту слушалось гражданское дело, связанное с двумя русскими. Так вот, тартуский бургомистр Реммин в связи с этим подчеркивал, что в ратушу «сверху» поступило несколько распоряжений, призывающих быть особо осторожными с подданными восточного соседа. Комендант же тартуской крепости Карл Густав Шютте подал в магистрат рапорт о том, что ратманы обижают русских купцов частыми и бессовестными поборами. Однако поскольку всякого рода бытовые споры были неизбежны, огласили особое королевское предписание. Отныне в генерал-губернаторстве все жалобы подданных Его Царского Величества надлежало принимать к обсуждению и разрешать безотлагательно.⁴⁷

Серьезную обеспокоенность шведские власти проявили весной 1697 г., когда Великое посольство Петра проездом посетило Лифляндию. О том, что царь инкогнито бывал здесь, чтобы самолично осмотреть крупные города и крепости, поговаривали и раньше. Слухи эти отражали страхи местного населения, порожденные все возрастающей активностью восточного соседа. Ощущалось это и в Тарту.

В конце ноября 1698 г. заместитель военного коменданта майор Валленштед в рапорте на имя генерал-губернатора Дальберга среди прочего указывает на широко распространившийся слух о том, что в самое ближайшее время в Тартуский университет поступит четыреста студиязусов из Московии.⁴⁸ Майор подозревает, что под видом жаждущих науки отроков в город придут... московские стрельцы. А поскольку каждый студиязус, как говорят, придёт в сопровождении одного или двух холопов, то речь может идти «об очень опасном маскараде». И коли уж моско-

⁴⁷ А. FEUEREISEN. *Russenfurcht in Linland und Schweden vor Ausbruch des Grossen Nordischen Krieges.* – Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde der Ostseeprovinzen Russlands. Riga, 1909. 10, 17–18.

⁴⁸ А. FEUEREISEN (1909). 9.

вита́м разрешено́ будет грызть гранит науки в стенах Тартуского университета, майор просит дополнительных указаний, каким именно образом следует ему принять гостей. Ибо, с его точки зрения, на «подобное бесстыдство» ответить можно лишь одним: потребовать очистить от монахов Печорский монастырь близ границы, и перевести Тартуский университет туда. Уж лучше пусть из Тарту в Печоры за наукой ездят, чем столько русских в город пожалует.

Недоразумения, случившиеся во время пребывания Великого посольства в Риге, Петр позже, как известно, использовал в качестве официального предлога для объявления войны Швеции.⁴⁹ Впрочем, генерал-губернатор Дальберг тоже был не промах и настолько серьезно оценил положение, что сообщил о нем дипломатическому представителю Швеции в Москве, негцианту и главе торговой конторы Томасу Книперу. По словам генерал-губернатора, некоторые особы из царского посольства были «весьма назойливы», и не только лазали по всем укреплениям, собирая всяческие сведения, но и «с большим старанием обременяли местных жителей многозначительными рассуждениями».⁵⁰ К тому же, писал генерал-губернатор, плохие вести принесли псковские мужики, бывшие в извозе и возвращавшиеся от границы с Курляндией. Остановившись на ночлег у крестьян в окрестностях Риги, они рассказали, что летом русские вернутся и нападут, как напали на Азов. Правда, генерал-губернатор сделал приписку: вряд ли стоит уделять слишком пристальное внимание всяческим слухам. Но озабоченность в письме сквозит нешуточная. Обратился Дальберг и к господам из Рижской ратуши, посоветовав собрать как можно больше сведений об истинных намерениях москвитов и срочно привести в порядок городские укрепления.

---

⁴⁹ Согласно информации, которой располагал генерал-губернатор Дальберг, в 1699 г. царь по пути в Германию мог посетить Ригу. Отмечая приезд столь высоких гостей, город половину приветственных залпов выполнял своими орудиями, чтобы расходы не ложились целиком на артиллерию Его Величества. Но на этот раз порох не понадобился, поскольку информация не подтвердилась. См. RA, Livonica II, vol 96; Э. Дальберг Карлу XII 15.5.1699.

⁵⁰ А. FEUEREISEN (1909). 11.

Начиная с 1697 г., в Стокгольм со всех сторон начали стекаться рапорты о царских планах выхода к берегам Балтийского моря. Якобы Петр говорил об этом в апреле во время остановки в Митаве (*Елгава*). Озабоченность генерал-губернатора Дальберга росла не по дням, а по часам. В записках, датированных первыми днями июля, он пишет о том, что русский государь уже не раз в кругу приближенных говаривал о своих намерениях твердой ногой стать на Балтийском море и готов для сего употребить всю имеющуюся у него силу. Выход же к морю царю нужен, чтобы «удобно было торговлю вести» меж Китаем, Индией, Персией и «любезными царскому сердцу» друзьями его из Голландии и Англии.⁵¹

10 июля того же года вопрос стоял уже на заседании Государственного совета в Стокгольме, где Кристофер Гилленштерн призывал всех бдительно следить за каждым шагом русских и не только усилить крепостные гарнизоны, но и прочие войска привести в боевую готовность. Он подчеркнул, что времена изменились, и сейчас русских нельзя недооценивать, ибо царь «много преуспел в воинском деле» и нанял на службу немалое число опытных офицеров-иностранцев. Бенгт Оксеншерна в своей речи отметил, что молодой русский царь любой ценой постарается отвоевать утраченные земли. Петр, мол, об этом уже давно говорит, как, впрочем, и о своем твердом намерении завоевать форпост на побережье Балтийского моря. Выступление свое Оксеншерна закончил так: «Отныне видно, что этот царь куда более своих предшественников укрепляется за счет союзов с нашими соседями, самолично ездит ко дворам оных властителей и договаривается, и связывает их таким словом, которое легко обернуть против нас».⁵² Однако единственным практическим выводом стало распоряжение, отданное финскому воинскому отряду, командированному еще год назад в Нарву для работ по укреплению замка, оставаться там до дальнейших распоряжений.

Высказывания царя, доходившие до шведов из городов, в которых побывало Великое посольство, лишь усиливали тре-

⁵¹ E. OLMER (1903). 299; A. FEUEREISEN (1909). 12; R. WITTRAM (1964). 198.

⁵² E. OLMER (1903). 297.

вогу в королевском окружении. В сентябре 1697 г. шведский посол в Гааге донес, что царь во время своего пребывания в Голландии все пытался выяснить, как отнесутся Морские державы к его намерению захватить Лифляндию. Граф Бонде припоминал, что еще весной 1698 г. Петр, будучи в Лондоне, говорил несколькими избранным лицам о своих намерениях основать на берегу Балтийского моря новый город с обширной гаванью. Уже одна мысль о том, что русский царь объединит свои силы с Данией и Польшей, пугала шведов.

О серьезном намерении Петра развязать войну со Швецией свидетельствует и его беседа с послом Августа генерал-майором Карловицем в декабре 1698 года. Тогда в Воронеже, на очередной ассамблее, Петр со штофом вина подошел к Карловицу и спросил, понимает ли тот, как ему, царю русскому, не мыслящему себя без моря, обидно оказаться без балтийских гаваней,⁵³ да еще лишиться их самым несправедливым образом? Каково ему теперь смотреть, что его подданным строят препоны в торговле, а всему государству российскому большой урон наносят? Шведский резидент в Варшаве рапортовал в середине декабря о том, что Петр «всю Москву оповестил»: он-де не пылает дружескими чувствами к шведской короне. По словам высокопоставленного польского дворянина, пировавшего за одним столом с царем, Петр неоднократно повторял, что стоит ему только освободить руки, покончив с войной на юге, как он всерьез возьмется за возвращение Нарвы и еще кое-каких мест на балтийском побережье.⁵⁴ Генерал-губернатор Дальберг полностью разделял опасения резидента. В 1698 г. он поверял свою тревогу послу Бранденбурга, остановившемуся в Риге по пути в Москву: «Ничего хорошего от царя ждать не приходится, особливо, если настанет замирение с Турцией. Скорей всего, начнутся тогда баталии под Ригой и по всей Лифляндии».⁵⁵

⁵³ Кроме Нарвы, которая в середине XVI века более двадцати лет находилась под властью Великого князя Московского, Ивану IV более короткое время принадлежал также ганзейский город Пярну.

⁵⁴ R. WITTRAM (1964). 206; E. OLMER (1903). 301.

⁵⁵ A. FEUEREISEN (1909). 16

Если все эти сделанные в разное время заявления Петра свети воедино, станет очевидным его давнее желание обеспечить Россию выходом к Балтийскому морю. Причем царь не скрывал, что готов добиваться своего силой. Как видно из вышесказанного, в Стокгольме были хорошо об этом осведомлены. Иное дело, какие выводы делались из поступавших известий. Нельзя забывать и о том, что это были единичные «щепки» в огромном и зачастую противоречивом потоке информации.

В середине июля 1698 г., в связи с пребыванием российского царя в Вене, Бенгт Оксеншерна заявил, что Швеции пора серьезно озаботиться обретением союзников и друзей, дабы предвосхитить дурные намерения тех, кто ищет возможности навредить Его Королевскому Величеству. А уж коли царь, германский император, а также Дания, Польша и курфюрст Бранденбургский достигнут единомыслия, Швеции следует готовиться к худшему. Пытаясь предотвратить нежелательный союз и противостоять царскому замыслу, шведы, со своей стороны, летом 1698 г. также провели переговоры с германским императором. Официальным поводом послужила необходимость обновления заключенного шестнадцать лет назад союзного договора. Шведская сторона предложила внести в обновленный договор пункты, обеспечивающие (со стороны императора) гарантию безопасности Лифляндии и Гольштейн-Готторпа. Это означало, что в случае вторжения в Лифляндию кого бы то ни было, Австрия вмешается в конфликт.⁵⁶ Но настоять на своем шведам не удалось, и император ограничился общим подтверждением старого союзного договора.

Летом 1698 г. датский посол в Швеции доносил своему правителю о большом страхе шведов перед воинственными планами Петра. В октябрьском рапорте он подчеркивал, что мысли шведских государственных мужей заняты исключительно Россией, ее действиями и намерениями. В конце ноября Бенгт Оксеншерна доложил, что из самых достоверных источников ему стало известно о проекте союза между русскими, поляками и датчанами. Злонамеренность петровских планов подтверждал

⁵⁶ J. ROSÉN (1952). 64.

и шведский посол в Берлине. В Копенгагене распространились слухи, что российские отряды уже вторглись в Ингерманландию и приступают к осаде Нарвы.⁵⁷ Два года спустя эти слухи стали реальностью.

Датские газеты писали, что царь желает получить от Швеции Ригу, Ревель, Нарву и всю Ингрию. Если же шведы не отдадут эти земли добром, он заберет их силой.⁵⁸ Правда, шведский посол в Дании полагал, что за подобными заявлениями стоят сами датчане, желающие таким образом нанести урон шведам. В Стокгольме всячески делали вид, что подобным слухам не верят.

Вот типичный пример такой политики. В начале 1699 г. посол Франции в Стокгольме граф д'Аво попросил Карла XII о личной аудиенции, чтобы передать ему наиважнейшее известие: король Людовик XIV просил шведского короля прокомментировать достигшую Парижа весть о намерении русского царя объявить Швеции войну, а также о готовности некоторых немецких властителей к оной войне присоединиться.⁵⁹ Людовик выражал готовность выступить посредником и не дать сим коварным планам осуществиться. Разумеется, если сам Карл того пожелает. В ответ д'Аво услышал, что шведскому королю о подобных поползновениях ничего не известно. В завершение беседы Карл подчеркнул, что хотя он и не давал восточному соседу никаких поводов для недовольства, на всякий случай им отдан приказ о приведении в боевую готовность шведских крепостей в Прибалтийских провинциях.

Настороженность Стокгольма встревожила датчан. Их тайные намерения могли стать явными. Датский посол в Швеции Йенс Юэль высказал опасение, что Гейнс в Москве ведет себя недостаточно осторожно. Со своей стороны, Юэль убеждал Оксеншерна в том, что все, написанное в датских газетах о намерениях Петра, — сплошная ложь. Мало того, Кристиан V якобы просил своего посла в России сделать все возможное для выяснения источника подобных сведений и всяческого их пресечения.

⁵⁷ E. OLMER (1903). 304–305.

⁵⁸ A. FEUEREISEN (1909). 18.

⁵⁹ E. OLMER (1903). 306.

Наконец шведы решили проверить достоверность тревожных слухов. Тем более что в Россию отправлялось посольство с официальной миссией – подтвердить «вечный мир» между двумя державами, как это было принято при смене властителя в одной из них. Карл XII сообщил Петру I о своих намерениях в соответствующем послании еще в августе 1698 года. Но понадобилось какое-то время, чтобы представительное посольство в составе 150 персон смогло выехать из Стокгольма в Москву. Возглавлял его канцлер двора, профессор истории, дипломат и знаток латыни Йохан Бергенхольм. Вторым посланником был старейшина Выборгского лена Андерс Линдхольм, а третьим – ассессор Самуэль Гёте, неоднократно бывавший в Москве по дипломатическим делам и владевший русским языком. Все посланники были людьми преклонного возраста. Позднее Петр во время одного из застолий приподнимет парики почтенных мужей, дабы убедиться в их сединах, и, шутки ради, подсчитает их общий возраст – 199 лет.

На фоне последующих событий вырисовывается новая заметная фигура – глава шведской торговой палаты в Москве Томас Книпер. Сей достойный муж провел в Москве около десяти лет почти безвыездно и на самом деле был постоянным дипломатическим представителем своей страны в российской столице. Невзирая на сравнительно скромное общественное положение, Томас Книпер обладал обширнейшими связями и входил в число лиц, приближенных к царю. Сам Петр не гнушался запросто захаживать к негоцианту в его дом в Немецкой слободе. Оба купеческих сына, Петр и Томас, сопровождали царя в путешествии по Европе. Томас-младший «по просьбе Его Царского Величества» ездил с Петром в марте 1699 г. в Воронеж. Его брат на следующий год отправился в Стокгольм в свите князя Андрея Хилкова. Книпер-отец родом был из Эстляндской губернии, по всей вероятности, из купеческой семьи, дворянский титул получил за заслуги в 1700 г. и стал зваться Томас Книперкрона.⁶⁰ Однако Петр, а за ним и его окружение фамильярно звали Книпера по имени.

⁶⁰ Н. ALMQUIST. *Scener från Ryssland år 1699: Den svenska ambassadens krönika*. – Karolinska Förbundets Årsbok 1937. Stockholm, 1937. 8; R. WITTRAM (1964). 213; J. ROSÉN (1952). 67.

Итак, в разгар лета 1699 г. долго собиравшееся шведское посольство двинулось в Москву. По дороге послы наслушались речей о том, сколь убого нынешнее положение Швеции и как страшится Стокгольм нашествия русских войск. Со стороны казалось, что цель посольства «предрешена». Оно, мол, едет молить о мире любой ценой и согласится со всеми требованиями Петра. Дабы опровергнуть подобные слухи, а также и для собственного увеселения, в середине июля под Клином шведское посольство учинило «большую военную потеху». Посланники разделились на два отряда, каждый со своим знаменем и тимпанами (вместо барабанов). Отряды сражались, используя в качестве метательных снарядов куски торфа. Сражение длилось около четырех часов и собрало множество зевак. Зрители потом болтали, что битва велась столь горячо, что потешной уже не выглядела.⁶¹ Насколько это представление смогло изменить мнение российской стороны о военной мощи шведского государства, вопрос особый.

На пути из Клина в Москву шведов принимал в своей усадьбе царев дядя по материнской линии, глава Посольского приказа Лев Кириллович Нарышкин. Впрочем, иноземцы называли его премьер-министром. В письме к царствующему племяннику Нарышкин о шведском посольстве отозвался нелестно. На его взгляд, были они «никакие не посланники, а лавочники-бакалейщики, никто даже шелковых чулок не нашивал». Послам дали понять, что явились они не ко времени, так как царь из столицы-матушки отбыть изволил.

Торжественный въезд посольства в Москву случился 26 июля. Улицы, окна и даже крыши домов были заполнены глазееющей публикой. Смотрел на шведов из надежного места и девятилетний царевич Алексей. Похоже, взбудоражена была вся Москва. Впрочем, для переполоха была еще одна, пожалуй, более серьезная причина. Еще на подходе к городу шведы заметили языки пламени и клубы дыма. Пожар разгорался и вскоре уничтожил немалое число домов и лавок в центре города. Огонь уже подбирался к Кремлю, когда его удалось остановить.

⁶¹ Н. ALMQUIST (1937). 14–15.

По воспоминаниям послов, любопытствующий народ все пребывал, несмотря на то, что въезд посольского обоза длился почти пять часов. Пожар тем временем разгорался, в результате чего «пострадало не только имущество многих зевак, но и их малолетние дети нашли смерть в огне».⁶² Позже огонь приблизился вплотную к большой усадьбе Ростова с массивным жилым домом, отведенным шведам для постоя. Окна успели закрыть железными ставнями, а вот крышу уже лизали языки пламени. В полночь послы покинули охваченный пожаром дом и перебрались в Немецкую слободу, где уже готовы были разбить походные шатры. Но один сердобольный купец из немцев указал на пустующий дом, где они и расположились.

Очередной пожар нанес столице большой урон. Посланники слышали, что сгорело около десяти тысяч строений. Слухи были явно преувеличены. Но в любом случае пожар бушевал около двадцати часов, а потом еще несколько дней в воздухе носился пепел от сгоревшего имущества и стоял ядовитый запах «горелого мяса, людского и скотского».

Петр вернулся в столицу в конце сентября. 13 октября состоялась торжественная аудиенция в Кремле. Царь, который терпеть не мог длинных церемоний, выслушал весь перечень титулов Карла XII, но когда дело дошло до перечисления его собственных высоких званий, гаркнул толмачу: «Полно, полно!».

Аудиенция плавно перешла в застолье со множеством тостов и полными штофами крепких напитков. На следующий день должны были начаться серьезные переговоры. Но Бергенхольм попросил перенести их, так как страдал жестоким похмельем. Царь к недугу главного посланника отнесся с пониманием и сказал, что ничего зазорного тут нет, скоро, мол, все пройдет и следов не останется.⁶³

Поначалу переговоры шли без сучка без задоринки. Зато на третий день русские припомнили столь задевший их эпизод, случившийся в Риге два года тому назад. В вину вменялись и «разбойничьи» цены на провиант и корм для лошадей, и ограниче-

⁶² Н. ALMQUIST (1937). 19–20.

⁶³ Н. ALMQUIST (1937). 23.

ния в передвижении «посольского люда», и неуважение к персоне путешествовавшего инкогнито царя, и унижительные подозрения в шпионаже. Главное же состояло в том, что посла Швеции в Гааге обо всем этом информировали, однако не последовало ни возмещения убытков, ни извинений.⁶⁴ Шведы выразили сожаление, приняли претензии к сведению и обещали представить письменные объяснения.

Петр еще не раз попытался напоить послов до беспамятства, что, кстати, впредь стало его любимой забавой при общении с дипломатами. На прощальном пиру по случаю отбытия посольства, что давали шведы в доме Томаса Книпера, снисхождение было оказано лишь Бергенхольму по причине его слабого здоровья и преклонного возраста. Однако это вовсе не освобождало его от питья. Просто иногда Бергенхольму было позволено не допивать штоф до дна. За двумя другими послами следили с особой «заботой». Стоило царю заметить, что молодой слуга забрал у Линдхольма кубок с недопитым вином, как он запустил в парня пшеничным калачом и строго велел поставить сосуд на место.

«Веселие, кое на Руси есть пити» прервали лишь ненадолго для созерцания фейерверка. Воспользовавшись случаем, Бергенхольм сбежал из пиршественного зала в соседнее помещение, где и обнаружил постель. Престарелый посол провалился в сон, не дождавшись, пока камердинер заменит ему парик на ночной колпак. Увы, довольно скоро его разбудили. У постели стоял сам Петр. Царь нахлобучил на старика парик, подхватил под мышки и повлек «в залу, к дорогим гостям».

Второй шведский посланник Гете уже среди ночи, решив, что с него хватит, тихо выскользнул на улицу, но не нашел вблизи дома ни саней, ни кареты, ни даже простейшей повозки. Пришлось ему по темной ночной Москве пробираться пешком, чуть ли не на ощупь. Толмач Густав фон Солден попытался было пробиться к своим саням и догнать посла, однако у его слуги во дворе случилась драка с русскими. У бедолаги отобрали шпагу и пытались ее сломать, но безуспешно. Клинок лишь слегка согнулся.

⁶⁴ R. WITTRAM (1964). 212.

Вот тут уж разгорелся большой скандал: царь терпеть не мог разбирательств с оружием в руках среди «своих».

Гости Книпера стали свидетелями бешеной вспышки царского гнева. Больше всех досталось Солдену. Петр даже выхватил шпагу из ножен, хрястнув эфесом о столешницу, и, не сгнить толмач с глаз, быть бы беде.⁶⁵ Однако царь был отходчив, вскоре успокоился и дружески простился с гостями.

Шведы были чрезвычайно озабочены тем, что последняя встреча закончилась на такой ноте. Царь при всех обнажил шпагу, а ведь это уже само по себе оскорбительно для посольской чести. Однако несколько дней спустя по инициативе русской стороны состоялся ужин примирения. Дорогим гостям подавали нанмоднейшие, роскошные напитки: чай, кофе и какао. Слух их услаждали сладкоголосым пением и музыкой. Царь дружески беседовал с послами на нейтральные темы, слегка затронув проблему испанского наследства и закончив тем, что любил больше всего – кораблестроением.

Вскоре шведские послы, к своему великому облегчению, покинули Москву. Но на сердце у них было неспокойно. На церемонии подписания договора Петр отказался целовать крест, сославшись на то, что целование совершил, вступая на трон. Предчувствия послов оправдались: именно на это сослался царь чуть позже, когда объявил договор недействительным. Но более всего озаботила шведов судьба майора Якоба Ранка. Майор попал Петру под горячую руку, вызвал неумный царский гнев и пребывал в московской катажке.⁶⁶

⁶⁵ Н. ALMQUIST (1937). 31–32.

⁶⁶ В октябре у Книпера произошел и другой, на этот раз кровавый инцидент, главными действующими лицами которого стали Ранк и резидент бранденбургского курфюрста Цисельский. Все случилось во время ужина, где был произнесен тост во здравие персидского шаха. По традиции, бокал за столом передавался по кругу. Ранк, который должен был передать бокал Цисельскому, предложил выпить с ним на брудершафт. Но тот отверг предложение, поскольку, по его мнению, тост в честь столь важного лица не согласуется с проявлением братских чувств, тем более что они уже беседовали друг с другом, как братья. Ранк почувствовал себя оскорбленным и, бранясь, встал из-за стола. Через некоторое время Цисельский пошел с ним мириться, но вместо этого между кавалерами вспыхнула новая перепалка, и оба обнажили шпаги. Дело кончилось тем, что Цисельский получил укол в грудь. Поначалу рана казалась не очень серьезной, но врачебная помощь все же понадобилась. Со временем состояние ►

Хотя шведы в ходе переговоров, встречных визитов и пиров могли неоднократно беседовать с царем и его боярами, а также с датскими и саксонскими «министрами», они так и не поняли, сколь коварной сетью интриг Москва опутывает Швецию. В рапортах, что посылались шведами домой, нет ни единой нотки подозрения. Нет ее и в заключительном отчете, составленном послами уже по прибытии в Стокгольм. Учитывая все вышеописанное, визит в Москву можно оценить как полный провал шведской дипломатии.

При изучении оригиналов рапортов, посланных из Москвы в Стокгольм, настораживает трехнедельное молчание послов. На самом же деле, доклады и донесения посылались непрерывно. Но до шведской столицы они не доходили. Сами послы подозревали, что их бумаги перехватывают где-то на полпути. Справедливость подобных подозрений подтверждает датский посол Гейнс. Он же объясняет поведение русских. Как уже говорилось, одновременно с Карловицем в Москву пожаловал и Паткуль. В ноябре Гейнс сообщал домой, что шведы якобы опознали Паткуля на московской улице, а царь, проведав об этом, велел перехватывать их почту. И все ради того, чтобы в Стокгольме не зародилось лишних подозрений по поводу тайного визита.

Позднее недостающие рапорты были восстановлены по сохранившимся черновикам. Из текстов видно, что пребывание Паткуля в свите Карловица не было для шведов секретом. Но далеко идущих выводов из этого сделать не сумели. Шведы поверили слухам, что Паткуль просится на службу к русскому царю, и его намерены использовать в боевых действиях под Азовом. Послы даже совещались, не потребовать ли им немедленной высылки

- ▶ Цисельского заметно ухудшилось, и в феврале 1700 г. он умер. Царь, узнав о происшествии, пришел в ярость. Петр велел Книперу немедленно доставить майора, иначе ему и посольству несдобровать. Так как Ранк продолжал скрываться, Петр послал отряд драгун, которые оцепили резиденцию шведских послов. Протесты дипломатов не были приняты во внимание. Книперу не разрешили войти в дом, в течение трех часов не выпускали и посланников. Более серьезного развития событий удалось избежать, поскольку Ранк был пойман в тот же день. Майора бросили в тюрьму и заковали в кандалы. Спустя девять месяцев Ранка освободили из-под стражи, запретив покидать Москву, где он и умер в августе 1700 г. Более подробно см. Н. ALMQUIST (1937). 36–48; R. WITTRAM (1964). 212.

Паткуля из России, однако решили, что на это у них нет соответствующих инструкций. Русским все же намекнули, что приняли они – если, разумеется, действительно приняли – персону чрезвычайно неприятную, подлую, предавшую своего короля, за что и был этот беглец приговорен к лишению жизни. И коли теперь этот человек ищет царской милости и службы, то ожидать от него можно лишь очередного предательства. Выслушав эти обвинения, Петр распорядился потихоньку отправить Паткуля из Москвы, что и было исполнено. Паткуль отбыл с купеческим обозом.⁶⁷ Об истинной цели пребывания в российской столице Карловица шведы тоже не догадывались, решив меж собой, что он приехал просить царской помощи для Августа II по случаю польских мятежей.

Игра против шведов велась довольно тонко. Когда арестовали майора Ранка, шведы обратились за помощью к послам Дании и Саксонии. Карловиц немедленно воспользовался ситуацией. Он не только публично заступился за майора, но и направил царю соответствующую ноту, громогласно объявив при этом, что действует не только как дипломат, глубоко чтящий международное право, но, в первую очередь, как истинный друг Швеции. Копию ноты отправили шведам, кои и прочли ее с глубокой благодарностью, а затем переправили в Стокгольм, сопроводив похвалой в адрес саксонцев. Представителю Карла XII в Саксонии Веллингку повелели передать Августу личную признательность короля. В ответ Август заметил, что рад воспользоваться любым случаем показать Карлу свою неизменную симпатию и дружеские чувства.

Небезынтересно, что текст ноты составлял не кто иной, как сам Паткуль. И сам же ее прокомментировал.⁶⁸ Сделано это было с целью создать у шведов впечатление, что Август заинтересован в хороших отношениях между Москвой и Стокгольмом. При содействии Петра копия ноты непременно должна была попасть в Стокгольм, дабы окончательно усыпить все подозрения насчет истинных намерений Августа. Так и случилось.

⁶⁷ J. ROSÉN (1952). 69; Y. ERDMANN (1970). 78–79; R.M. HATTON (1985). 138.

⁶⁸ H. ALMQUIST (1937). 43; R. WITTRAM (1964). 214.

Окрыленный успехами своей дипломатии, Петр все чаще и серьезнее стал задумываться о войне со Швецией. Вечером 1 января 1700 г. царь посетил датского посланника и в разгар праздника шепнул ему на ухо: «Самое время ждать новостей из Риги!»⁶⁹ 7 февраля при большом стечении гостей царь во всеуслышание заявил Книперу о своем недовольстве тем, за кого его принимают в Стокгольме. Он, царь, устал терпеть шведское коварство, ибо прекрасно помнит, как с ним обошлись в Риге, где его чуть «живота не лишили». Он, мол, официально пожаловался на поведение «рижского губернатора», но король шведский не только не наказал Дальберга, но еще более того возвысил и во власти укрепил. В один прекрасный день он, Петр, до Дальберга доберется, пусть только у России с турками замиренные выйдут.

В это же время, по повелению Петра, к небольшим поселениям на границе со Швецией стали стягивать воинские отряды, подвозить снаряжение и боеприпасы. Делалось это в тайне не только от Книпера. Воеводы Новгорода и Пскова тоже оставались в неведении. Им и вовсе приказано было объявить: турки от замирения отказываются, потому и передислокация войск происходит. Отто Плеер, австрийский дипломатический агент в России, 7 марта писал в Вену, что царь Петр еще в этом году непременно пойдет войной на Ревель или Нарву.⁷⁰ Книпер тоже не оставил без внимания передвижение царских отрядов и в апреле отправил домой донесение о грядущем походе Петра на Ригу и Нарву. В связи с надвигающимися событиями Книпер предположил, что вскоре он и прочие подданные шведского короля будут высланы из Москвы, а то, чего доброго, и под арест попадут.

Шведский резидент в Париже тоже слал неутешительные сведения: сам государственный секретарь по внешним делам маркиз де Торси предупредил его об опасности со стороны России и порекомендовал Карлу сосредоточить войска на востоке. По мнению французов, с Данией спорные вопросы решить куда

⁶⁹ R. WITTRAM (1964). 219.

⁷⁰ R. WITTRAM (1964). 220.

легче, чем выиграть войну, коли таковая в Лифляндии разразится.⁷¹ Несколько подобных же предупреждений Швеция получила и от Морских держав. И Англия, и Голландия через своих послов в России пытались удержать царя от нападения на Швецию. Шведскому послу в Голландии Нильсу Лиллироту удалось даже переговорить с английским королем Вильгельмом III. Король, назвав Карла другом и братом, просил передать ему настоятельный совет: открыть, наконец, глаза и не спускать взор с России.⁷²

О том, что взять Ригу внезапным штурмом не удалось, царю стало известно в марте, во время пребывания в Воронеже. Не исключено, что именно неудача Августа стала одной из причин, по которой 17 апреля в Стокгольм срочно отправился полномочный посол Петра. В создавшейся обстановке Петр предпочел оставить все двери открытыми. К тому же он опасался, что добейся Август взятия Риги, он, пожалуй, возьмет да и заключит со шведами сепаратный мир, бросив союзников на произвол судьбы. Все-таки, антишведский фронт не был столь един и нерушим, как могло показаться на первый взгляд.

Важную миссию возложили на князя Андрея Хилкова. Ему же предстояло стать резидентом в Стокгольме – иными словами, постоянным послом, обязанным собирать как можно больше важной информации.⁷³ Царя в первую очередь интересовало, как реа-

---

⁷¹ E. OLMER (1903). 310, 312, 313. Уже в марте французский король решил направить своего посла в Польшу, чтобы предложить Августу закончить войну со Швецией. См. Н. BRULIN (1905). 41–43.

⁷² Морскими державами руководило не абстрактное желание сохранить мир. Они исходили из договоренностей со Швецией, заключенных в январе 1700 г. и гарантирующих взаимную безопасность. Партнеры обещали при необходимости поддержать друг друга войском численностью 6 000 человек. Секретные статьи обязывали Швецию, в случае нарушения Рисвикского мира, помочь партнерам подкреплением до 10 000 солдат, которых те, правда, должны будут содержать. Англия и Голландия не хотели, чтобы Карл XII был втянут в войну на востоке, ибо это могло затруднить использование его военных сил в случае назревающего конфликта с Францией. Свою роль сыграли и экономические интересы, прежде всего, высокая потребность в шведском металле и материалах для судостроения. См. Н. BRULIN (1905). 14–15.

⁷³ С.М. СОЛОВЬЕВ (1991), 7:594; R. WITTRAM (1964). 221–222; K. ZERNACK (1993a). 169.

гируют шведы на его отказ целовать крест при подписании договора. Карл XII принял князя Хилкова в Зеландии, где пребывал после заключения мира с Данией. Князь передал Карлу сердечный привет от Петра и собственноручное царское письмо, в котором еще раз говорилось о вечном мире и сердечных дружеских взаимоотношениях в злом и коварном окружении. Затем князя, как того требовал этикет, пригласили к королевскому столу, и посол Хилков проявил себя достойным учеником Петра. Князь пил столь безудержно и так напоил господина Маурица Веллингка, что тот весь следующий день поддерживал в себе жизненные силы исключительно родниковой водой и крепким чаем.⁷⁴

Второй причиной, вынудившей Петра послать князя Хилкова к королю Карлу XII, стала, по всей вероятности, неожиданная заминка с заключением мира с Турцией. Вести же войну на два фронта царь считал неразумным. Да и не по силам это было Москве. Шведский посол в Гааге Нильс Лиллирот неоднократно получал от своего короля предписания любой ценой уговорить Морские державы помешать заключению мира между султаном и царем. Разумеется, сделать это можно было лишь под большим секретом, с помощью местных английских и голландских послов и резидентов, обладающих обширными связями на востоке, никоим образом не давая понять, откуда «растут ноги» этой идеи. В мае 1700 г. голландский резидент в Порте услышал от венецианцев, что скоро на Швецию «совершат демарш» с трех сторон одновременно, и одна из нападающих стран – Россия. Газеты как обычно загодя объявили, что Нарва уже пала. Подобные новости встревожили Голландию, Англию и особенно Польшу. Теперь перед послами этих стран была поставлена конкретная задача: помешать замиренню.⁷⁵ Турки тоже полагали, что об условиях мирного договора еще можно поторгаться.

Вне всяких сомнений, посылая князя Хилкова в Стокгольм, Петр надеялся обвести шведов вокруг пальца и выиграть время. Отныне он, невзирая на все свои ранние высказывания и

⁷⁴ F.G. BENGTTSSON. *Karl XII:s levnad*. Stockholm, 1993. 92; H. BRULIN (1905). 82

⁷⁵ R. WITTRAM (1964). 224; E. OLMER (1903). 311.

расползающиеся по Европе слухи, будет использовать любую возможность, чтобы напустить туману и отвести глаза северным соседям. Яркий пример тому – эпизод с Книпером и его семейством. Произошло это 15 марта в Воронеже.⁷⁶ Госпожа Книпер в письме своей дочери в Воронеж с тревогой упомянула о ходивших по Москве упорных слухах о скорой войне со Швецией и приписала, что проживающих в российской столице шведов охватил великий страх. Нежная дочь, прочитав матушкино послание, разрыдалась во время «ассамблей» на глазах у всей честной публики, да так, что едва ее успокоили. И царь, якобы, сказал девице: «Неужто поверила ты, что начну я нечестивую войну, отступлю от данного мной слова о вечном мире!». Книпер-отец написал чуть позже: «Все мы были царскими словами zelo тронуты, многие слез не сдержали».⁷⁷ Царь же Книпера обнял и молвил: «Ежели король польский и возьмет Ригу, то недолго владеть ею будет. Я ее у него из рук вырву!»

Второе письмо Книпера, датированное тем же числом, подтверждает неоднократные торжественные заявления крепко подвыпившего Петра, что он не имеет ни малейшего намерения обращать свой царский гнев на Швецию, а поход польского короля – плод необдуманного решения. Книпер царю поверил. Или очень хотел поверить.

Подобные же вести приходили и из других источников. Лиллирот писал из Гааги о визите российского посланника, лично передавшего ему слова царя: слухи о намерении Петра присоединиться к врагам Швеции – наглая ложь. Петр и в мыслях никогда не держал ничего иного, как жить с северным соседом в нерушимой дружбе. В заключение посол достал собственноручное послание царя, да к тому же на голландском языке написанное, и еще раз повторил заверения в дружественных намерениях, подчеркнув, как дорожит Петр своим честным словом. Через неко-

---

⁷⁶ 27 апреля в Воронеже был спущен на воду первый корабль, построенный российскими мастерами по чертежам самого царя. Корабль получил название «Божье Провидение». Для участия в церемонии были приглашены иностранные дипломаты и члены их семей.

⁷⁷ R. WITTRAM (1964). 226; С.М. СОЛОВЬЕВ (1991), 7:594.

торое время москвит вновь пожаловал с визитом, чтобы передать: в Стокгольм из Москвы отправилось посольство, дабы подтвердить мирные намерения России, а царь Петр желает мира не только со Швецией, но повсюду и со всеми. И лучше бы Августу замирился со шведами, потому как на помощь царя ему рассчитывать нечего.⁷⁸

8 августа в Москву пришла долгожданная весть о том, что с турками в Константинополе наконец-то подписан мирный договор. Но достоянием широкой общественности радостная новость стала лишь десять дней спустя. Днем 18 августа о мире объявили во всех церквях, а вечером устроили грандиозный фейерверк. Но мир ли праздновали в Москве? Теперь у царя были развязаны руки. И радовался он тому, что в самое ближайшее время начнет новую, столь желанную войну. По форме был соблюден старинный обычай: соответствующий указ зачитали с Постельного крыльца Кремлевских палат. Текст указа был краток. Швецию следует наказать за множество несправедливостей, свершенных шведским королем, и за обиды, нанесенные царю в Риге.⁷⁹

В тот же день, в два часа пополудни, царь повелел чиновникам Посольского приказа объявить о начале войны главе шведской торговой палаты Томасу Книперу. К самому же Книперу Петр по-прежнему благоволил. Сначала шведского негодянта собирались обменять на находившегося в Стокгольме князя Хилкова, потом разрешили покинуть Россию через Архангельск, но, в конце концов, посадили под домашний арест. Позже обращение с Книпером ужесточилось в ответ на притеснения, учиняемые Хилкову шведами, но все же у старого купца до конца сохранились кое-какие привилегии.

В день, когда до Москвы долетела весть о мирном договоре с турками, случилось еще одно событие, которое при других обстоятельствах могло бы изменить ход истории. А именно, 8 августа в Травендале, что близ Любека, под давлением Морских держав был заключен мир между Гольштейном и Данией.

⁷⁸ E. OLMER (1903). 314.

⁷⁹ R. WITTRAM (1964). 229; С.М. СОЛОВЬЕВ (1991), 7:597.

Датчан вынудили выйти из войны, признать суверенитет Гольштейн-Готторпа, отказаться от союза с Саксонией и поддерживать мир со Швецией. Карл XII в Травендале представлен не был. Он присоединился к договору 13 августа и обещал вывести свои войска из Дании. Какое-то время казалось, что большой войны удалось избежать. Но шесть дней спустя русский царь официально объявил о начале военных действий. Дело в том, что Петр в этот момент еще понятия не имел о том, что Дания вышла из игры. Известие о событиях в Травендале дошло до Москвы лишь в начале сентября.⁸⁰ Так что остается лишь гадать, как бы поступил Петр, узнай он обо всем вовремя. Отодвинулась бы война на время или вовсе бы не началась? Во всяком случае, голландский резидент Ван дер Хулст в сентябре записал следующее: «Пришло бы это известие в Москву на четырнадцать дней раньше, я очень сомневаюсь, что царь рискнул бы двинуть свое войско на Швецию и объявить войну ее королю».⁸¹

Все действующие лица и страны попали в весьма затруднительное положение. В сентябре Паткуль высказал ряд предположений в письме саксонскому посланнику в Москве барону Иогану Эрнсту фон Лангену. Паткуль считал, что если Петру удастся взять Нарву, он получит опорный пункт для успешного наступления на Ревель, Тарту и Пярну. А дальше откроется путь на Ригу и всю Лифляндию. Будущее доказало правоту Паткуля.

---

⁸⁰ K. ZERNACK (1993a). 169.

⁸¹ R. WITTRAM (1964). 233.

«ДОБРОМ СВОИМ И КРОВЬЮ»

Появление чужих воинских отрядов у самой границы шведских прибалтийских провинций не осталась незамеченным местными властями. Иное дело, кто какие выводы из этого сделал. В середине августа 1700 г. из Нарвы в Стокгольм поступали рапорты о том, что вокруг все спокойно. Вроде бы сосед делает кое-какие приготовления, но о крупном передвижении войск пока не слышно. Начальник местного гарнизона Хеннинг Рудольф Горн, ссылаясь на частное письмо из Москвы, писал: «Бог даст, уж в этом-то году вражеского нападения нам опасаться не придется».⁸² Он ошибался. Меньше чем через месяц русское войско перешло границу Ингерманландии.

15 сентября, всего через несколько дней после того, как замкнулось кольцо осады вокруг Нарвы, генерал-губернатор Эстляндии Аксель Юлиус Делагарди обратился к жителям с призывом сохранять верность своему государству и защищать его с оружием в руках. В воззвании говорилось, что «вопреки всем ожиданиям пришла плохая весть о приближении москвитов к нашим границам». Далее генерал-губернатор предполагал, что особыми неприятностями это не грозит, так как еще недавно Его Царское Величество в присутствии посла Его Королевского Величества, «нашего обожаемого государя», громогласно заявлял о своих добрых намерениях. Однако ситуация складывается так, что от соседа можно ожидать всякого.⁸³ Поэтому жителям следует сохранять верность королю и никоим образом не поддаваться ни явным угрозам захватчиков, ни тайным соблазнам и уговорам. Сбившихся же с пути истинного немедленно постигнут кара небесная, суровая месть короля и скорая погибель. Затем от имени короля следовал призыв на военную службу «всех жителей:

⁸² M. LAIDRE. *Lõpu võidukas algus: Karl XII Eesti- ja Liivimaa 1700–1701*. Tartu, 1995. 125.

⁸³ *Eesti rahva ajaloost Põhjasõja ajal 1700–1721: Valimik dokumente*. Tallinn, 1960. Nr 15. 53–54.

дворян, арендаторов, служителей церкви, хуторян, чиновников, ткачей, сапожников, садовников, земледельцев и всех, кто в силах взять в руки оружие и нанести урон врагу». Им предлагалось вооружиться ружьями, пистолетами, карабинами, мушкетами, мечами, вилами и прочим доступным оружием. Затем следовало всем собраться вместе, распределиться по отрядам и нанести удар по захватчикам. Таким образом, возвещал генерал-губернатор, каждый сможет «изъявить свою верноподданность Его Королевскому Величеству и любовь к дорогому Отечеству».

Примерно так же действовали власти в Лифляндии, где война началась на полгода раньше. 12 февраля, то есть в тот день, когда захлебнулась атака на Ригу, генерал-губернатор Эрик Дальберг подписал обращение, предостерегающее от сотрудничества с врагом. Он также призывал народ собраться всем миром и дать отпор захватчикам. Тартускому коменданту было приказано создать оборонный отряд из дворян, арендаторов и крестьян.⁸⁴ Комендант с ответом не задержался и уже 19 февраля доложил: «Как бы ни обстояли дела там (*читай: в Риге*), здесь я готовлюсь встретить врага и надеюсь, с Божьей помощью, дать ему надлежащий отпор. С окрестных мыз собраны мною несколько тысяч крестьян,⁸⁵ которые, вероятно, смогут остановить захватчиков. /.../ И коли уж на то пошло, заверяю Ваше превосходительство, господин граф, что я хочу и могу оказать врагу сопротивление как человек чести».⁸⁶ Четыре с половиной года спустя комендант Шютте подтвердил эти слова делом. Разница была лишь в том, что вместо саксонцев сражаться пришлось с русскими.

Поместное дворянство реагировало на воззвания властей бегством в города – Ревель, Пярну и Тарту. Мызы и усадьбы были брошены на произвол судьбы. Вся южная часть Лифляндии была оставлена на разграбление. Однако грабить начали отнюдь не враги, а местные крестьяне. В основном, расхищались съестные припасы, так как первым делом мародеры хотели набить живот.

⁸⁴ A. ISBERG (1960). 86.

⁸⁵ Представляется сомнительным, что за такое короткое время удалось собрать столько людей.

⁸⁶ *Eesti rahva ajaloo* (1960), Nr 14. 53.

Дальше этого их желания не простирались. Саксонцы попытались использовать сложившуюся обстановку в пропагандистских целях и объявили себя радетелями как местных крестьян, так и всей Лифляндии. Война якобы идет лишь между королем Швеции и городом Ригой.

Главкомандующий саксонской армией Флеминг в начале войны обвинял Дальберга в том, что генерал-губернатор-де по собственной инициативе начал вооружать подданных, чем поставил под угрозу пребывание саксонских войск в Литве. Поэтому Флемингу ничего не оставалось, как ради предупреждения шведского нападения отдать приказ двинуться в Лифляндию.⁸⁷ Король Август II, напавший на Швецию без объявления войны, в 1700 г. издал манифест «*Justae vindicae*», в котором попытался оправдать нападение на Ригу.⁸⁸ Стокгольмские власти король обвинял во всех смертных грехах. Они, мол, в нарушение Оливского мирного договора 1660 г. предприняли ряд шагов, направленных против дворянских привилегий. Говорилось в манифесте и о вмешательстве в выборы польского короля, и о нанесении ущерба состоящему в ленном союзе с Варшавой герцогу Курляндскому. Якобы шведы, захватив его корабли, расширили границы Лифляндии, лишили лифляндцев свободы и т.д. и т.п. Наиболее любопытный аргумент звучал так: лифляндцы (*читай: Паткуль*), попав в беду, сами попросили польского короля о помощи. В следующем манифесте от 1 августа жителям Лифляндии объявлялось, что их земля по праву принадлежит Польше и была отобрана у Речи Посполитой силой да хитростью.⁸⁹

Для города Тарту 1700 г. начался с раздора между комендантом гарнизона и муниципалитетом. Впрочем, тут не было ничего необычного. Напряжение между военной и гражданской властями в городах-крепостях было запрограммировано изначально. Силой они мерялись частенько, причем не гнушались никакими средствами, лишь бы взять верх и получить выгоду. Но на этот раз дело оказалось серьезнее обычных препирательств. Большая

⁸⁷ M. LAIDRE (1995). 88.

⁸⁸ A. VON RICHTER (1858). 2:2, 284; A. ISBERG (1967). 37–39.

⁸⁹ RA, Livonica II, vol 298; C.G. Skytte A.J. De la Gardie 10.8.1700.

часть гарнизона к тому времени была выведена из городских стен и выдвинута на позиции. Бюргеры же решили, что в таком случае они и жен военных на постое держать не обязаны. Комендант Шютте 3 января направил в ратушу протест, в котором напоминал, что гарнизон продолжает нести службу и охраняет город.⁹⁰ Более того, солдаты участвуют в строительных работах, помогая возводить укрепления, за что бюргеры должны быть им благодарны. И уж совсем не по-христиански поступают те, кто лишает крова солдатских жен. Намедни, пенял городским властям комендант, одну женщину, да еще с двумя детьми, выставили на улицу, на ночь глядя. Бедняжке ничего не оставалось, как голой и босой явиться к коменданту. Шютте писал господам из ратуши, что в сложившейся обстановке ему не остается ничего иного, как рапортовать о поведении горожан Его Королевскому Величеству. Всю ответственность за случившееся комендант возлагал на ратманов и напоминал заодно, что гарнизон в Тарту вернется не просто в полном, а в значительно усиленном составе. Вот тогда городу придется серьезно озаботиться тем, чтобы ни одна офицерша, ни одна солдатская женка не остались без крыши над головой, ибо именно их мужья, воины гарнизона, защищают Тарту верой и правдой.

Что именно ответил коменданту магистрат, неизвестно. Разумеется, какие-то оправдания нашлись. Генерал-губернатор Дальберг формально принял сторону города, заметив тартуским ходокам, явившимся в Ригу, что комендант мог бы подыскать кров солдатским женам в старом здании суда. И если Шютте сам этого не сделает, то он, Дальберг, даст соответствующее указание. Во всяком случае, именно так истолковали в городе слова губернатора. Дело затянулось и, в конце концов, дошло до короля. 29 января 1701 г. к тартускому муниципалитету обратился сам Карл XII, пребывавший в это время на зимней квартире в Лайузе.⁹¹ Король довел до сведения горожан «свое смиренное пожелание и повеление», чтобы город все же позаботился о женах служивых людей

⁹⁰ ЕАА (Эстонский исторический архив), ф 995, n 2, s 1688; С.Г. Skytte Tartu raele (К.Г. Шютте Тартускому магистрату) 3.1.1700.

⁹¹ ЕАА, ф 995, n 2, s 641; Karl XII Tartu raele (Карл XII Тартускому магистрату) 3.1.1701.

вверенного полковнику Шютте гарнизона: «Нам неприятно было узнать, что бюргеры выказали нежелание брать их на постой». Комендант, со своей стороны, предложил компромиссное решение: расселить солдатских жен и детей в пригороде, чтобы «меж городских стен было не так тесно».⁹² Вскоре, впрочем, городу пришлось столкнуться с куда более серьезными испытаниями.

Весть о войне с саксонцами дошла до Тарту 15 февраля 1700 г., то есть через три дня после нападения на Ригу. Принес страшную новость посланный Дальбергом к королю курьер – пехотный капитан Иоган Браск.⁹³ По его предположениям, пригород Риги, подожженный саксонцами, уже сгорел дотла. Капитан сообщил также, что со стороны России движутся 40 000 солдат, дабы атаковать «эти края», то есть северную Лифляндию. Новость изрядно напугала местное, особенно сельское, население. Многие покинули свои дома и усадьбы. По словам Шютте, в Тарту дела также обстояли не лучшим образом, так как оборона города была слабовата. Встревоженный комендант даже решил немедленно отправить свою жену в Ревель, хотя сделал это лишь несколько месяцев спустя.

На следующий день, 16 февраля, члены магистрата собрались на совет в ратуше в обычное время, в девять утра.⁹⁴ В протоколе записано: «Поелику вчера дошла до нас печальная весть, что Польша (!) напала на Ригу и войска ее рижский посад пожгли, магистрату следует предпринять необходимые действия». Решено было выставить дозоры из горожан. Всех бюргеров обязали вооружиться и не забыть обзавестись порохом и пулями.⁹⁵ Поскольку у посадских людей вообще никакого оружия не было, снабдить их таковым решили незамедлительно. Вдобавок все жители отныне должны были держать под рукой средства для тушения огня. Полковник Шютте высказал пожелание, чтобы всех военных и

⁹² ЕАА, f 995, n 1, s 284; Rae protokollid (Протоколы магистрата) 6.3.1701.

⁹³ RA, Livonica II, vol 298; C.G.Skytte A.J. De la Gardie 15.2.1700. Браск, вынужденный из-за погодных условий обогнуть Ботнический залив, добрался до Карла XII, охотившегося в лесах Кунгсера, только 6 марта.

⁹⁴ ЕАА, f 995, n 1, s 283, l 86–86р; *Eesti rahva ajaloo* (1960), Nr 111. 145–146.

⁹⁵ В сборнике документов *Eesti rahva ajaloo* вместо пуль ошибочно говорится о снабжении хлебом. См. *Eesti rahva ajaloo* (1960). 145.

их семьи, находившиеся на постое в пригородах, перевели под защиту городских стен. Заодно ратманы обратились ко всем владельцам лошадей, чтобы они срочно помогли перевезти из посада в крепость бревна, необходимые для строительства защитных сооружений. Комендант также потребовал, чтобы в город завезли дрова, в большом количестве запасенные для обжига кирпича. Магистрат и бюргеры обязались выделить для этого гужевой транспорт. Кроме того, Шютте затребовал список городских столяров, плотников и кузнецов, ибо их умение могло понадобиться при возведении укреплений.

Вышеперечисленные решения довели до сведения старейшин Большой и Малой гильдий. Те, в свою очередь, посетовали на то, что в городе много перебежчиков с саксонской стороны, а от них можно ожидать всяческих неприятностей. Старейшины даже попросили встречи с комендантом, чтобы поговорить об этом. Опережая события, надо сказать, что о саксонских дезертирах речь пойдет еще не раз. В январе 1701 г. Шютте объявил магистрату, что город обязан предоставить квартиры солдатам-перебежчикам.⁹⁶ В один прекрасный день в Лайузе, где располагался штаб шведов, из-под Риги прибыли сразу шестнадцать перебежчиков, желавших поступить на службу к Карлу XII. Всем им выдали денежное пособие, но оставить при войске не рискнули из опасения, что среди них могут быть вражеские шпионы. По этой причине перебежчиков быстренько спровадили в Ревель.⁹⁷

Военное время требовало и других преобразований. 19 февраля у ратуши, в присутствии коменданта Шютте и бургомистра Иогана Реммина, собрали как бюргеров, так и жителей пригородов.⁹⁸ Последним наказали ни одного русского на постой не пускать, а направлять их в гостевые дома. Там всех чужаков брали на учет, что облегчало наблюдение.

После «смотрa» горожане и посадские принесли особую, с учетом осадного положения, клятву, составленную на немец-

⁹⁶ ЕАА, ф 995, н 2, с 1700; К.Г. Шютте Тартускому магистрату. 3.1.1700; ЕАА, ф 995, н 1, с 284. 34; Протоколы магистрата. 5.1.1700.

⁹⁷ М. LAIDRE (1995). 224.

⁹⁸ ЕАА, ф 995, н 1, с 283, 187р.

ком и эстонском языках.⁹⁹ В переложении на современный язык она звучала бы примерно так: «Город Тарту, зная, что произошло с Риггой, опасается нападения вражеских войск. Ведь Рига уже давно и совершенно незаслуженно находится в осаде. Поэтому, по примеру ратманов Риги и всех ее граждан, а также по повелению наших старейшин,¹⁰⁰ мы всем сердцем клянемся отдать наши силы и помыслы на борьбу с врагом и сохранить до самой смерти верность нашему любимому королю и шведскому государству. Клянемся постоять за веру христианскую, за жен и детей, за добро наше, не щадя живота своего. Клянемся биться до последней капли крови, и даже мысли не допускать о том, чтобы покориться врагу. Если же кто о капитуляции хоть помыслит или о сдаче города врагу совет подаст, того в глаза назовут предателем. Всеми сказанному мы будем верны, и да поможет нам Господь».

Четырнадцать горожанам и посадским людям выдали оружие из арсенала ратуши. Остальных обещал вооружить комендант. Два дня спустя, 21 февраля, к ратуше созвали всех подмастерьев. Они тоже принесли клятву верности городу на немецком и эстонском языках.¹⁰¹ К тому же их обязали незамедлительно сообщать о малейшей замеченной опасности и наравне со всеми гражданами ходить в дозор на стены и защитные валы крепости. Поскольку городские власти были почти уверены, что война не обойдет Тарту стороной, подмастерьям велели внести свои имена в специальный список, в котором следовало указать, где их при необходимости можно найти. Покидать город отныне запрещалось. Магистрат поставил подмастерьев на довольствие и раздал им ружья, порох и пули. Всего присягу приняли, обнажив голову и подняв палец, 59 подмастерьев. Через несколько дней к ним присоединились еще 18 человек.

25 февраля комендант Шютте получил депешу от генерал-губернатора Дальберга, который сообщал, что враг не так уж силен, как казалось вначале.¹⁰² Саксонцы даже не решаются

⁹⁹ ЕАА, ф 995, н 2, с 4540; *Eesti rahva ajaloo* (1960), Nr 112. 146.

¹⁰⁰ Имеются в виду генерал-губернатор и губернское правление.

¹⁰¹ ЕАА, ф 995, н 1, с 283, 188р; ф 995, н 2, с 4538, 1 1–2р.

¹⁰² RA, Livonica II, vol 298; К.Г. Шютте к Деллагарди. 25.2.1700.

штурмовать крепости, дожидаясь помощи русских. Полковник Шютте, буркнув что-то вроде «поживем – увидим», пообещал принять меры, чтобы преградить продвижение противника, коли таковой в округе покажется. Комендант обратился к генерал-губернатору Эстляндии с просьбой срочно прислать три конных роты в поддержку того кавалерийского отряда, что должен был проследовать в Ригу, но опоздал и остался в Тарту. Объединившись, они составили бы серьезную силу, способную совершать вылазки за городские стены.

Сохранившиеся документы и переписка того времени создают впечатление, что начало войны серьезно напугало город. В том, что он будет осажден, никто не сомневался. Говорили лишь о том, когда осада начнется. Спрятали в надежном месте драгоценную церковную утварь. 26 февраля Королевский придворный суд пожелал перевезти канцелярию и архив в Ревель, так как положение Тарту уже не казалось достаточно надежным.¹⁰³ Комендант лошадей дать отказался. Тогда придворный суд обратился в магистрат, но безрезультатно – переезд так и не состоялся.

В городе были взяты на учет все имеющиеся ручные мельницы. Их значение во время военных действий в начале XVIII века нельзя недооценивать. Горожане отныне должны были подчиняться общим правилам военного времени, подкрепленным решениями магистрата. Бюргерам это пришлось не по нраву, и они всячески пытались протестовать. Зато генерал-губернатор одобрил действия магистрата, заявив, что законы военного времени едины для всех. Свое письмо бургомистру Дальберг закончил словами: «Не сомневаюсь, что граждане не станут из-за этого навлекать на себя лишние невзгоды, а будут исполнять взятые под присягой обязательства, как военное положение того требует».¹⁰⁴ В этой тираде уже угадывалась скрытая угроза.

В конце февраля бургомистр Реммин записал, что комендант обратился к уважаемому магистрату и любезным горожанам с просьбой выделить ему работников для сноса равелина¹⁰⁵ перед

¹⁰³ F.K. GADEBUSCH (1782), Anhang: 85–86, 116.

¹⁰⁴ EAA, f 995, n 2, s 1241; E. Dahlbergh Tartu bürgermeistrile ja raele (Э. Дальберг тартускому бургомистру и магистрату) 6.3.1700.

Немецкими воротами. По словам Шютте, этот рavelин представлял серьезную опасность для города в случае нашествия врага.¹⁰⁶ Надо сказать, что у господ, заседающих в ратуше, просьба эта особого энтузиазма не вызвала. Петер фон дер Хюде, например, полагал, что членам Малой гильдии до рavelина вообще дела нет хотя бы потому, что у большинства из них нет батраков и посылать на работы некого. Рavelин построен за казенный счет, вот пусть за казенный счет его и сносят.¹⁰⁷ Тем не менее, магистрат распорядился, чтобы с каждого двора выделили по одному работнику на три дня. По мнению отцов города, это не наносило ущерба ни одному хозяйству.

Несмотря на все благие намерения, коменданту не удалось воспрепятствовать набегам саксонских отрядов на окрестности Тарту. Особенно пострадали зажиточные мызы, откуда саксонцы забрали зерно и перевезли его в свой лагерь по ту сторону Даугавы. Вдобавок саксонские солдаты потребовали с владельцев мыз и крестьян «огненный налог» (*Brandschatzung*),¹⁰⁸ из чего Шютте сделал вывод, что враг скоро уйдет. Гонец, прибывший из Пскова, сообщил, что там сосредоточено многотысячное войско, однако никто не знает, куда и с какой целью оно двинется. Поговаривали, что оно пойдет на Нарву.¹⁰⁹ Но уже 18 марта, то есть несколько недель спустя, Шютте шлет генерал-губернатору Эстляндии успокоительное письмо, выражая надежду, что Бог поможет, и нападения со стороны России не последует. Царское войско, сосредоточенное под Псковом, по его сведениям вскоре двинется на юг России, куда вторглись турки и персы.¹¹⁰ Вывод напрашивается один – военный комендант города Тарту попался на удочку петровской пропаганды.

¹⁰⁵ Небольшое вспомогательное укрепление между бастионами.

¹⁰⁶ ЕАА, ф 995, н 1, с 283, 190–91; *Eesti rahva ajaloo* (1960), Nr 113. 148.

¹⁰⁷ ЕАА, ф 995, н 1, с 283, 192–93; *Eesti rahva ajaloo* (1960), Nr 126. 158.

¹⁰⁸ «Огненный налог» означал произвольно оговоренную сумму, которую осаждающие запрашивали у местных жителей или даже целых городов (что особенно практиковалось в ходе Тридцатилетней войны) за то, что они не подожгут дома неприятеля.

¹⁰⁹ RA, Livonica II, vol 298; C.G.Skytte A.J. De la Gardie 1.3.1700.

¹¹⁰ RA, Livonica II, vol 298; C.G.Skytte A.J. De la Gardie 18.3.1700.

Организуя гражданскую оборону Тарту, Шютте развел по постам как бюргеров, так и посадских. Горожане несли ночной дозор близ королевской стражи, посадские людишки дежурила у Русских ворот. Но вскоре это занятие надоело и тем, и другим. Население требовало облегчения воинской повинности, а порой и вовсе манкировало обязанностями, что, в конце концов, потребовало вмешательства магистрата, так как комендант решительно не соглашался отменять ночные дежурства. Так, 12 апреля члены магистрата воспылали праведным гневом, узнав от коменданта, что первый бюргерский полк практически отказался сменить на постах солдат и офицеров гарнизона, отправившихся на учения за городской стеной. Горожане проявили явное непослушание, некоторые прислали вместо себя батраков и подмастерьев, кто-то ушел прямо с поста, а кое-кто и вовсе не явился, отправившись за город на конную или пешую прогулку. Оставшиеся же препирались с начальством, не желая идти туда, куда приказывают.¹¹¹ Магистрат выразил «почтенным гражданам свое на их же благо направленное порицание» и намекнул, что за такое поведение можно хлопотать серьезные неприятности в соответствии «с законами военного времени». Магистрат издал «очень серьезный приказ», согласно которому всякий гражданин, если он не болен и ходит на собственных ногах, обязан лично являться к месту сбора, дабы не возникали среди бюргеров разногласия, а наоборот, все бы сплотились в это трудное время ради общего дела.

13 апреля, уже в семь утра, магистрат собрался на чрезвычайное заседание, так как в Тарту прибыл рижский губернатор Карл Густав Фрёлх. Высокий гость привез несколько важных известий и распоряжений.¹¹² Фрёлх сообщил, что войска всемилостивейшего короля, благодаря Богу, уже неподалеку, так что защита от врага городу обеспечена, а святое дело горожан – позаботиться о королевских воинах и обеспечить им достойное пропитание. Магистрат и бюргеры должны заготовить запасы

¹¹¹ *Eesti rahva ajaloo* (1960), Nr 115. 149.

¹¹² ЕАА, f 995, n 1, s 283, l 141–143; *Eesti rahva ajaloo* (1960), Nr 128.159; F.K. GADEBUSCH (1782), Anhang: 86.

сухарей и копченого мяса, для чего им будут выделены казенное зерно и скот. Губернатор не погнушался дать несколько советов, как лучше сушить сухари, и объяснил, что мясо следует коптить небольшими кусками и без костей. Затем Фрѣлих обратился к старейшине пекарского цеха с вопросом: сколько, по его мнению, получится сухарей из бочки ржи. Тот, подумав, заявил, что, пожалуй, четыре с половиной пуда выйдет, но надо иметь в виду, что свое возьмут мельники за помол, да и батраки, что возьят зерно на мельницы, тоже себя не обидят.

Магистрат выразил губернатору глубочайшую признательность за королевскую заботу и обещал всячески способствовать сушению сухарей и копчению-солению мяса. Беда лишь в том, робко заметили отцы города, что у многих горожан нет ни дров, чтобы печи топить, ни лошадей, чтобы зерно на мельницы возить и муку обратно к пекарням доставлять. А в силу военного положения и вообще беспокойного времени не видят они, члены магистрата, как можно сие исправить.

Фрѣлих обещал о дровах распорядиться, а безлошадным горожанам посоветовал объединяться по пять-шесть человек и доставлять зерно на мельницы по реке на лодках. Вдобавок он попросил тут же составить примерный список и в оном указать, сколько каждый член магистрата и каждый бюргер берет под свою ответственность зерна и сколько обязуется сдать сухарей. Заодно отцы города договорились между собой, что каждый (разумеется, с помощью горожан) разделает, засолит и должным образом закоптит по одному быку. Горожане в этом отцов города поддержали. Губернатор выразил удовлетворение подобной расторопностью магистрата. Он, мол, не сомневается, что и в дальнейшем город сделает все, что идет на благо королю.

По приказу командующего шведскими отрядами в Лифляндии генерала от кавалерии Отто Веллингка в апреле тартуским купцам запретили упоминать в переписке любые подробности, касающиеся военного положения.¹¹³ Опасались, что враг перехватит почту и использует добытые таким путем сведения

¹¹³ F.K. GADEBUSCH (1782), Anhang: 87.

в своих интересах. Всем чужакам, прибывавшим в город, отныне следовало регистрироваться у бургомистра.

Май прошел относительно спокойно. Первые волнения улеглись. К военному положению стали потихоньку привыкать. К тому же о страшных полчищах врага пока ничего не было слышно. Но это продолжалось недолго. Вскоре Тарту вновь был охвачен страхом. В середине июля польский король Август с 17-тысячным войском перешел Даугаву, чтобы еще раз попытаться взять Ригу. Город был полностью окружен, шведские отряды, действовавшие вне Риги под командованием Отто Веллингга, отступили к Рухья (*Ruigena*).¹¹⁴ Падение самой мощной крепости Лифляндии означало бы, что следующий удар придется по Тарту.

В конце июля комендант Шютте вернул гарнизон под защиту крепостных стен и запретил вывоз зерна из города. Договорились, что в случае опасности городской архив и канцелярию перевезут в сводчатые подвалы ратуши. Архив придворного суда, по распоряжению короля, под конвоем отправили в Ревель. Ратманам приказали круглосуточно находиться в ратуше. Они дежурили по трое, меняясь через каждые четыре часа. Первым на пост заступил сам городской голова со своим секретарем и одним из ратманов. Один из членов магистрата должен был постоянно находиться с горожанами на защитном валу и вдохновлять их личным примером. Положение считалось серьезным. Лишним тому доказательством стал срочный отъезд супруги коменданта госпожи Шютте из Тарту в Швецию. Магистрат на прощание одарил даму десятью штофами мускатного вина и двумя фунтами кускового сахара.¹¹⁵

Защитные строительные работы заметно активизировались. Перед Немецкими воротами вместо старого возводили новый рavelин. Объем работ был велик, и коменданту снова пришлось обращаться в магистрат за помощью. Комендант хотел, чтобы горожане и посадские на тачках вывозили землю от Красного

¹¹⁴ M. LAIDRE (1995). 153.

¹¹⁵ F.K. GADEBUSCH (1782), Anhang: 87–88.

трактира, сбрасывая ее неподалеку в канавы. Шютте объяснял, что охотно избавил бы горожан от этой повинности, будь в его распоряжении достаточно рабочих рук. Помощники же ему нужны всего на два дня. Магистрат согласился и постановил, что с каждого двора на земельные работы пойдет один батрак или служанка. Секретарь магистрата сообщил о решении коменданту, и тот, довольный, разрешил бюргерам нанимать для работ солдат-добровольцев. Со своей стороны, Шютте на утреннем построении объявил об этом гарнизону. Таким образом свой вклад в оборону могли внести горожане, не имеющие батраков и прочей прислуги.¹¹⁶ Похоже, что рабочей силы у коменданта хватало, но он, «гроза врагу, отец солдатам», помог подзаработать и своим людям.

6 сентября лицензионный управляющий¹¹⁷ Якоб Эрмани сообщил из Ревеля, что русские, якобы, обещали польскому королю 20 000 солдат в помощь, а в Псков и Новгород посылают большое количество пороха и прочих оружейных припасов. Подробности узнать не удалось, так как русские закрыли границу и никого из своих земель не выпускают: «неисповедимы пути Господни».¹¹⁸ В один сентябрьский четверг в Тарту пришло известие из Ахья, от капитана Гамельстерна. В нем сообщалось, что русские готовятся отправить оружие под Нарву, а некоторые их отряды уже перешли границу и двигаются вперед, разрушая и сжигая все на своем пути. Письмо капитана датой не помечено, так как, по его словам, в Ахья невозможно найти календарь. 28 сентября Шютте переправил это известие генерал-губернатору Эстляндии с сожалением, что он не располагает конными отрядами, дабы держать под наблюдением передвижение противника или даже препятствовать оному. Он давно уже просил прислать в город кавалерию, однако эта просьба до сих пор не уважена.¹¹⁹

¹¹⁶ ЕАА, f 995, n 1, s 283, l 282p–284; Протоколы магистрата 4 и 5.09.1700.

¹¹⁷ Лицензионный управляющий руководил соответствующей конторой, выдающей разрешения на ввоз и вывоз товара и взимающей лицензионную плату.

¹¹⁸ RA, Militära ämnessamlingar M 1373; выдержка из письма Эрмана от 6.9.1700.

¹¹⁹ RA, Livonica II, vol 298; C.G.Skytte A.J. De la Gardie 28.9.1700.

Появление русских под Нарвой усилило напряжение в Тарту. Положение сочли настолько угрожающим, что магистрат распорядился все важные документы, например, грамоту о городских привилегиях, церковные книги и бумаги богадельни уложить в кованые ларцы для хранения денег и замуровать в стене подвала ратуши. Здание Большой гильдии превратили в зерновой амбар. Словом, комендант и магистрат делали все, чтобы встретить русских во всеоружии. 5 октября Шютте намеревался сжечь посад, так как никто не знал, когда именно враг покажется под стенами города и начнет осаду. Наиболее подходящие пригородные строения комендант хотел разобрать, перенести на Тоомемяги и построить казармы для солдат. Магистрат согласился на перенос в город богадельни, что стояла у Домских ворот. Однако решение коменданта относительно пригородных строений и кабаков, принадлежащих бюргерам, обещали сначала обсудить с жителями. К тому же отцы города сомневались, сможет ли город помочь военным в этой работе, так как лошадей не достать ни за какие деньги. Их в городе мало, а те, что есть, используются владельцами. Так что придется уж господину коменданту справляться с переносом строений своими силами.¹²⁰ Однако 6 октября пришло долгожданное известие о том, что в Пярну прибыли шведские суда с воинским пополнением под предводительством самого Карла XII.

Спасательная экспедиция готовилась в строжайшей тайне, чтобы враг не узнал, где состоится высадка. Предполагалось высадиться, оглядеться, ознакомиться с обстановкой на месте и тогда уже решать, с кем разумнее и полезнее вступить в сражение – с саксонцами, осадившими Ригу, или с русскими, окружавшими Нарву. Но, несмотря на всю секретность, о грядущем прибытии Карла в Пярну знали задолго до его появления в порту. Да и в Тарту уже почти месяц обсуждали, как достойно принять короля. 10 сентября бургомистр Реммин пригласил в ратушу представителей обеих гильдий, чтобы «посоветоваться с ними по случаю прибытия Его Королевского Величества». Правда, тогда

¹²⁰ ЕАА, f 995, n 1, s 283, l 327p–328; Протоколы магистрата 15.10.1700; F.K. GADEBUSCH (1782), Anhang: 102; A. HASSELBLATT (1926). 30.

предполагалось, что Карл высадится в Ревеле, куда и собиралась отправиться с приветствием тартуская депутация.

Тартуских пекарей и мясников просили позаботиться о качестве своей продукции. Решено было обустроить четыре гостиницы для высшего офицерского состава. Бюргерам неоднократно напоминали, что следует не только содержать в образцовом порядке оружие, но и самим выглядеть как можно пристойнее. Королю, по прибытии Его Величества в город, решили презентовать большую бочку испанского вина, трех быков, дюжину овец, бочонок масла, бочонок медовухи и дюжину бочек пива.

Но где же государь остановится на ночлег? В столь небольшом городе приличных для пребывания короля домов было раз-два и обчелся. Поначалу думали поселить Карла в здании Придворного суда. Но Шютте решительно возражал. Тогда отцы города предложили только что достроенную новую роскошную ратушу.

Когда Карл высадился в Пярну, тартусцы не скрывали надежд, что высокий гость осчастливит и их город. На заседании магистрата 10 октября были избраны шестеро посланцев, которым предстояло выехать навстречу королю с приветствием. Для придворной свиты выделили два соседних с ратушей дома, особенно понадеявшись на их кухни. Но тут опять вмешался комендант. На его взгляд, кормить короля и свиту блюдами с бюргерских столов было неприлично, а значит следовало срочно соорудить специальную королевскую кухню.¹²¹ Шютте не возражал, чтобы в городе как можно скорее появилась еще одна гостиница, ибо для постоянно растущего офицерского состава уже не хватало мест. А с лошадьми на постой даже за деньги трудно было устроиться. Насчет офицерской гостиницы магистрат с комендантом согласился. А вот королевскую кухню в ратуше отвергли категорически: соответствующих строительных материалов взять было неоткуда.

На том же заседании постановили: каждый домовладелец под страхом штрафа размером в государственный талер обязан

---

¹²¹ ЕАА, f 995, n 1, s 283, l 330; Протоколы магистрата 10.10.1700; А. HASSELBLATT (1926). 30–31.

привести в порядок подъезд или входную дверь, чтобы улицы к прибытию Его Величества выглядели пристойно. Однако вопреки ожиданиям, король Тарту своим визитом не удостоил. В начале сентября саксонцы, узнав о поражении Дании, неожиданно сняли осаду Риги. Поскольку Август II опасался, что шведский король нападет на Саксонию или вторгнется в Курляндию, он спешно вернулся в Варшаву. На какое-то время опасность от Риги отодвинулась, и Карл XII решил спасти Нарву. Пунктом сбора армейских подразделений назначили Раквере (*Vesenberg*). Тартуский магистрат 13 октября отправил королю приветственное послание с выражением радости по поводу личного участия Его Величества в избавлении, с Божьей помощью, Лифляндии и Нарвы от двух вражеских нашествий. Не забыли отцы города напомнить и о том, что Тарту тоже немало пережил «в страхе, опасениях и ужасе от вражеских намерений». Но теперь горожане ликуют в связи с прибытием короля и желают ему всяческих благ и здоровья.

Подумав, тартусцы решили, что одного письма маловато. Поэтому для личного знакомства с королем направить в Раквере небольшую делегацию, в которую вошли бургомистр Реммин, ратман Петер Табор и олдерманы обеих гильдий. Выехали они в большой спешке 10 ноября. Позже Реммин запишет: «Кабь мы не мчались, елико это было возможно, всю ночь напролет, съездили бы зря». Действительно, на место делегация прибыла в последнюю минуту. В штаб-квартире шведов заканчивались приготовления к броску на Нарву. Но глава королевской внешней канцелярии граф Карл Пипер и камергер граф Вреде поспособствовали тому, чтобы 12 ноября «нижайше испрошенная аудиенция» все же состоялась. В тот же вечер подготовка к наступлению была завершена, и следующим утром, ровно в семь часов, шведское войско двинулось в сторону Нарвы. К обеду и король покинул город. На что Реммин в своих записках отреагировал так: «Благослови, Господи, планы Его Королевского Величества и убереги сию высочайшую особу от несчастий». К вечеру тартуская делегация отправилась домой.¹²² О чем шла речь во время

¹²² F.K. GADEBUSCH (1782), Anhang: 105; A. HASSELBLATT (1926). 33.

аудиенции, что изволил сказать король, об этом бургомистр Реммин умалчивает. Похоже, встреча была очень краткой, проведенной скорее из учтивости, так как мысленно Карл XII находился уже в Нарве.

Война давала о себе знать все больше и больше. Уже в начале года генерал-губернатор объявил магистрату, что город Тарту обязан заплатить тысячу талеров военного налога, или контрибуции. Правда, король снизил эту сумму наполовину, но выплатить ее все равно было нелегко. В июле контрибуцию все же заплатили, передав деньги военному комиссару Ульриху, посетившему Тарту. Но это были только цветочки. Вскоре от города потребовали еще четыреста государственных талеров и для артиллерии двадцать лошадей, способных волочить пушки. Покупка тяжеловозов обошлась еще в триста полноценных талеров.¹²³ Когда в Лифляндию вошли основные армейские части, нагрузка на мирное население возросла, и в ответ на приказ генерал-губернатора снабдить войска тулупами, рукавицами и теплыми носками обе гильдии ответили отказом.¹²⁴ Магистрату напомнили, что жители города так поиздержались, что своих подмастерьев, батраков и домашнюю прислугу в теплое одеть не могут, а про солдат и говорить нечего. Правда, гневное послание закончили, как положено, заверениями в преданности обожаемому королю и выразили готовность постоять за его дело. Но и тут не преминули добавить, что бюргеры Тарту в этом году, помимо честно выплаченного военного налога, уже дважды платили армии внеочередные контрибуции. Кроме того, горожане несли сторожевую службу, пекли для солдат хлеб, одалживали мешки под зерно, коптили и вялили мясо, предоставили бочки для солонины, отдавали дома под склады для провианта, размещали солдат и вообще безропотно несли все тяготы, не считая того, что участвовали в строительстве укреплений, а земляные работы на крепостном валу оплачивали из собственного кармана. Бюргеры выразили надежду, что «почтенному и мудрому магистрату станет понятнее положение горожан после

¹²³ F.K. GADEBUSCH (1782), Anhang: 102.

¹²⁴ *Eesti rahva ajaloo* (1960), Nr 131. 162–163.

того, как они все так подробно описали». Обе гильдии просили магистрат подобающим образом изложить суть письма генерал-губернатору и объяснить, что война и без того изрядно разорила бюргерские хозяйства. «Зарабатываем мы мало и благодарим Бога за то, что нам, гражданам, с чадами и домочадцами, в такое время самим выжить удастся и своему служивому люду кое-что отдать, хотя и это тяжело дается, не каждому по силам».

В конце ноября снова всплыла проблема заготовки сухарей и шитья сапог для армии.¹²⁵ Густав Адольф фон Штрёмфельд, наместник по хозяйственной части Эстонского дистрикта Лифляндии, осведомлял: «Это не только милостивейший приказ Его Королевского Величества и его распоряжение, обязывающее города брать на себя приготовление большого количества сухарей, но и особое требование обстановки, поскольку королевская армия не должна умереть с голоду. Отказаться – значит тем самым чинить препоны Его Королевскому Величеству». Другие города, такие как Рига и Пярну, уже дали свое согласие, и Штрёмфельд выражал надежду, что Тарту также послужит королю и займется заготовкой сухарей из пятидесяти мер (*Last*)¹²⁶ муки.

Бургомистр ответил, что никто и в мыслях не держал уклоняться от служения королю, да только вот в городе очень не хватает дров. По расчетам наместника, из одной бочки муки должно выйти четыре пуда отменных сухарей. Обычно же из одной бочки получается пять пудов сухарей, и этот лишний пуд должен остаться хлебопеку за его труды и дрова.

Штрёмфельд сообщал также, что армии нужны сапоги, и он запрашивал у цеха сапожников, сколько тысяч пар обуви те могут изготовить за время, оставшееся до Пасхи. Мастера ответили, что они готовы тачать столько сапог, сколько потребуется, только хватило бы кожи, а ее в нынешнее военное время из России не получишь. Тут наместник вспомнил о большой партии кожи, которая лежала на складе в Риге, и пообещал отправить ее тартуским сапожникам.

¹²⁵ ЕАА, f 995, n 1, s 283, 1 384–386; *Eesti rahva ajaloo* (1960). 163–164.

¹²⁶ Один *Last* по рижской мере зерна равнялся примерно 2,900–4,085 литрам.

В последний день ноября комендант Шютте обратился в магистрат с вопросом, не смогут ли городские кузнецы изготовить для армии подковы и гвозди к ним. Кузнецы пришли к бургомистру с извинениями: мол, у них не хватает углей, и обещали то же самое сказать «господину полковнику». ¹²⁷ Через несколько дней в ратушу явились старейшины гильдий, чтобы проинформировать отцов города о своей тяжелой доле: им приходится не только печь хлеб для королевской армии, но и варить пиво. Между тем даже за деньги нельзя достать ни одного воза дров, а если кому-то и повезет, то дрова у него отнимут, да и одежду снимут, как случилось с неким Сезеленом. Поэтому они просят вмешаться и навести порядок. ¹²⁸ Бюргеры также напомнили, что не у всех есть дома бочки для пива, поэтому нет смысла его варить, даже если бы удалось достать дрова.

Известие о разгроме русских под Нарвой 20 ноября 1700 г. было встречено с большой радостью. По этому случаю магистрат направил Карлу XII письмо, поздравляя его «с блестящей победой, благодаря которой слава о подвигах Его Королевского Величества эхом отзовется во всем мире». ¹²⁹ Как только шведская армия тронулась из-под Нарвы в южном направлении, жители Тарту решили, что Карл XII непременно перезимует у них. 4 декабря в Тарту прибыл полк личной королевской кавалерии, чтобы стать на постой неподалеку от города на мызе Тяхтвере. Уже на следующий день магистрат ожидал прибытия самого короля. К такому же мнению склонялся и комендант Шютте. Однако в сторону Тарту шведы двинулись только в середине декабря, о чем магистрат был официально уведомлен. Наместник по хозяйственной части Штрёмфельд потребовал от городских властей подготовить квартиры для короля и сопровождающих его лиц. Рано утром 13 декабря он сам собрался выехать навстречу королю и обещал через курьера дергать членов магистрата в курсе событий. ¹³⁰

¹²⁷ *Eesti rahva ajaloo* (1960), Nr 133. 165.

¹²⁸ *Eesti rahva ajaloo* (1960), Nr 145. 178–179. О конкретном происшествии больше ничего выяснить не удалось.

¹²⁹ А. HASSELBLATT (1926). 34.

¹³⁰ А. HASSELBLATT (1926). 36.

Но Карл XII так и не появился в Дерпте, он остановился севернее города в местечке Лайузе. Здесь, в полуразрушенном орденом замке, обосновалась на полгода не только ставка короля, отсюда фактически шло управление всем Шведским государством. В Лайузе и непосредственной близости от него расположились на постой воинские части, в основном прибывшие из Швеции. Остальную пехоту разместили в окрестностях Тарту. Там же нашла приют и артиллерия, для которой близость города представлялась особенно важной, так как при необходимости это позволяло привлекать местных мастеров к ремонтным работам.

Поскольку Тарту был единственным городом в округе, многие офицеры не упускали возможности провести там свободное время, что вносило определенное оживление в местную жизнь. Шумные праздники устраивались у коменданта Шютте, офицеров местного гарнизона, а также в дворянских домах. Бывало, в один день проходило несколько раутов и балов.

Как писал о Тарту капитан личной королевской гвардии Олоф Штирнбек, с одной стороны город защищают пять бастионов, с другой – лишь хлипкая стена. Правда, летом подходы к ней недоступны благодаря болоту и реке Эмайыги (*Эмбах*). Хороша была Домская церковь со знаменитым серебряным органом, только в последнюю войну (1656–1661) ее сожгли русские. На относительно высоком холме стоит замок, но старый и разрушенный. На бастионе, носящем имя Карла XII, есть место, прозванное Чертовой башней. Там нельзя оставлять на ночь посты, их обязательно сбросят вниз.¹³¹

После победы под Нарвой город Тарту попал, как говорится, из огня да в полымя. Удовлетворение насущных потребностей большого числа военных, размещенных в его окрестностях, ставило отцов города в сложное положение. Хотя генерал-адъютант Андерс Лагеркрон, посредничавший между королевской ставкой и городскими властями, говорил, что он не знает в Лифляндии ни одного другого магистрата, столь готового к услугам Его Вели-

¹³¹ M. LAIDRE (1995). 242.

чества, как тартуский, городу приходилось очень туго. Городская касса, оставшись без существенных источников дохода, пустела на глазах. Так что магистрату пришлось из экономии сократить одного из троих служащих и освободить от должности управляющего. Город был основательно перенаселен, так как помимо постоянного гарнизона на постое находились и другие воинские части. Шютте даже известил короля о столь сложной ситуации. На это Карла XII ответил, что в Тарту прибудет еще один финский полк, который следует достойно разместить. Проблема усугублялась тем, что с окрестных мыз в город стекались беженцы с семьями и челядью, которые также снимали комнаты у бюргеров. Все ощутимее давала о себе знать нехватка продовольствия и различных предметов первой необходимости. На голодном пайке оказались лошади, и ослабевших животных попросту убивали. Среди военных и гражданского населения стали распространяться заразные болезни.¹³²

Недостаток жилья проявлялся в разных формах. Примером тому могут служить два эпизода. 28 декабря два ратмана в закрытых парадных каретах выехали навстречу датскому послу, который направлялся в ставку Карла XII. К их ужасу датчанин выразил желание переночевать в городе. Самого посла еще как-то устроили в доме пастора. Но чтобы разместить его спутников, пришлось выселить ординарца одного батальонного командира, вывести его лошадей и перенести личные вещи в Тяхтвере, в лагерь королевской конницы. Высший офицерский состав шведской армии воевал со всеми удобствами. Шведы возили с собой чуть ли не половину домашней обстановки, начиная со столового серебра, сервизов и заканчивая мебелью. Нередко о размещении этого добра заботились куда больше, чем о людях. В июне 1701 г. ратман Газенфельдер жаловался, что останавливавшийся у него граф Карл Пипер отбыл вместе с армией, однако оставил на хранение свои личные вещи, занявшие в доме ратмана подвал, одну комнату и две каморки, то есть четыре помещения.

¹³² F.K. GADEBUSCH (1782), Anhang: 111: A. HASSELBLATT (1926). 36–37.

В разгар этих событий, во время, требующее особого единения и концентрации сил, насмерть рассорились два главных духовных лица немецкой церковной общины – магистр Виллебранд и пастор Гротриан. Дошло до того, что они стали клеймить друг друга с церковной кафедры во время служб, чем чрезвычайно раздражали прихожан. В конце концов, старейшины гильдий обратились в магистрат с просьбой вразумить проповедников. Но магистрат почел за благо не вмешиваться, воинствующих священников лишь призывали к единомыслию, а дело о ссоре отдали на откуп консистории.¹³³ Правда, в октябре 1700 г. священников все же спросили, по какой причине они прекратили проводить молебны, да еще в столь тяжкое время. Заодно, по примеру Риги и Нарвы, их призывали молиться о даровании победы над врагом. Чтобы не откладывать дело в долгий ящик, проповедникам вручили текст молитвы, оставшейся со времен прошлой войны с Россией.

Война практически прекратила сбор средств на строительство церкви для прихожан иной, не немецкой национальности. А те немногие пожертвования, что уже были сделаны, магистрат решил, от греха подальше, надежно припрятать. В то же время война не стала помехой для организованного Лифляндским генерал-губернатором сбора средств на восстановление города Висмара, пострадавшего от грозы, точнее, от пожара, вызванного ударом молнии. Но собрать удалось всего ничего, что-то около десяти государственных талеров, хотя пожертвования взимались во время церковной службы, что, несомненно, оказывало психологическое давление на прихожан.¹³⁴

1701 г. не принес Тарту ничего нового. 5 января пред отцами города предстал генерал-адъютант Лагеркрон, доставивший пожелания короля. Король требовал хлеба и пива для солдат, а также хотел знать, сколько корма город готов поставить для скота. Магистрат, как всегда, сослался на нехватку дров. Крестьяне, мол, опасаются везти дрова в город из-за того, что армейские конфи-

¹³³ ЕАА, f 995, n 1, s 283, l 253r–254, 294, 326r; Протоколы магистрата 8.8., 12.9.1700; F.K. GADEBUSCH (1782), Anhang: 98–114.

¹³⁴ F.K. GADEBUSCH (1782), Anhang: 116–117.

скуют их лошадей. А пиво сварить, конечно, можно, вот только бочек все равно нет, хранить не в чем. Генерал-адъютант пообещал лично распорядиться, чтобы ни одну животину ни у бюргеров, ни у крестьян для армейских перевозок экспроприировать не смели. Но ратманы-то знали разницу между приказом и его исполнением на местах. Лагеркрон пожелал, чтобы в тот же день в лагерь королевской конницы доставили тридцать бочонков пива. Ему обещали послать в город гонца, чтобы тот поразведал, не найдется ли у кого в погребях благородного напитка. Коли таковой обнаружится, его конфискуют и тотчас же отошлют кавалеристам.¹³⁵

По весне подошло подкрепление, войска стали готовиться к наступлению, и армейские требования возросли еще больше. 30 апреля Лагеркрон передал приказ короля: «Печь еще больше хлеба, варить больше пива, ибо армия наша достигнет 30 000 человек».¹³⁶ Солдаты возвели на холме Тоомеяги пять печей для выпечки хлеба и две сушильни. Город принял в строительстве «посильное участие». Иными словами, каждый бюргер поставил два воза глины и два воза песку. Ослушникам грозил денежный штраф размером в целую марку. Чтобы мастера из цеха печников и каменщиков могли справиться с армейским заданием, комендант велел огласить под барабан следующее распоряжение: всякого подмастерья или ученика, покинувшего своего хозяина, поймают и прогонят сквозь строй, то есть избыют нещадно.¹³⁷ Кстати, такой же приказ был отдан и в Ревеле.

1 мая генерал-адъютант послал в ратушу гонца с требованием предоставить армии побольше хмеля, пообещав даже расплатиться с поставщиками. Магистрат ответил, что купить в городе хмель невозможно. Неделю спустя, 8 мая, Лагеркрон поинтересовался, почему с тех пор, как он последний раз побывал в ратуше, дело хлебопечения и пивоварения продвинулось столь незначительно. Военный пристав Алм объяснил, что с пивом не торопятся сознательно, не то оно просто прокиснет раньше,

¹³⁵ ЕАА, ф 995, n 1, s 284, l 34–35p.

¹³⁶ ЕАА, ф 995, n 1, s 284, l 295p.

¹³⁷ ЕАА, ф 995, n 1, s 284, l 296–297p; А. HASSELBLATT (1926), 41.

чем армия выйдет в поход. Но, скорее всего, в городе не хватало транспорта, и пиво не успевали развозить. Хлеб продолжали выпекать прилежно, правда, в апреле сообразили, что разумнее вплотную заняться сушкой сухарей, поскольку выпечка быстро заплесневевает, и весь труд пойдет прахом. Решено было, что каждые пятницу и субботу провиантмейстер станет выдавать горожанам муку, а по понедельникам и вторникам будет собирать готовые сухари.¹³⁸

В тот же день, когда генерал-адъютант представил свой запрос, свыше сообщили об удвоении норм поставки хлеба и пива. Магистрат пытался растолковать военным, сколь тяжела для города прежняя норма – выпечка хлеба из двухсот тонн муки. Прибавить еще столько же – задача непосильная, поскольку бюргерам приходится кормить расквартированных у них военных. В очередной раз упоминалось о нехватке дров.¹³⁹ В ответ бюргеры услышали, что в случае невыполнения приказа им придется заплатить штраф в размере двух государственных талеров. Тем самым препирательствам был положен конец.

Армия продолжала настаивать на поставках хмеля. На сей счет магистрат получил письмо от самого Карла XII. Согласно плану, предложенному королем, жители Тарту одалживают армии хмель, который будет оплачен и возмещен хмелем, присланным в Пярну из Померании.¹⁴⁰ Магистрат в своем ответе от 25 марта лишь сумел повторить, что по его данным в Тарту нельзя купить хмель ни за какие деньги. И если комендант сочтет нужным, то воля его – пусть организует повальные обыски. Коли хоть какие-нибудь запасы будут обнаружены, их сразу пустят в дело. А еще сообщалось, что в городе вообще не осталось пива.

В середине мая из Швеции стало прибывать долгожданное подкрепление, в общей сложности около 10 000 человек. Все они шли в Тарту, который был назначен местом сбора армии. Нагрузка на город возросла. По улицам сновали бесчисленные чиновники, раздавая все новые распоряжения и проверяя их исполнение. Вся

¹³⁸ ЕАА, f 995, n 1, s 284, l 316p–317.

¹³⁹ F.K. GADEBUSCH (1782), Anhang: 138, 141.

¹⁴⁰ ЕАА, f 995, n 1, s 284, l 360–360p.

эта, на первый взгляд, беспорядочная суета на самом деле была организованным хаосом, который преследовал единственную цель: сосредоточение всех имеющихся ресурсов для успешного военного похода, намеченного на лето. Но от осознания важности этой задачи городу легче не становилось.

Комендант Шютте был недоволен качеством выпекаемого хлеба. Однако ратман Петер Табор, отвечавший за столь важное дело, заверял, что делает все от него зависящее, но ничто не помогает. Тогда магистрат принял решение: раз пекари не могут поставлять хороший хлеб, то, учитывая военное положение, право на его выпечку предоставят и бюргерам.¹⁴¹ Чтобы выполнить заказы армии, магистрат 27 мая призвал граждан непрерывно, днем и ночью, печь свежий хлеб. В следующее воскресенье как в немецких, так и в других приходах объявили, что ввиду невозможности купить продукты за деньги, каждый гражданин, независимо от принадлежности к тому или иному цеху, может сам заниматься выпечкой, варить пиво, забивать скотину, а также покупать и продавать рыбу.¹⁴² 5 июня Шютте передал магистрату распоряжение Карла XII, вызванное жалобой тартуских бедняков на несправедливость властей. Им-де приходится выпекать столько же хлеба, сколько и богатым гражданам. Всемиловитвейший король повелел отцам города всех не уравнивать, а различать возможности подданных.¹⁴³ Три дня спустя, 8 июня, бургомистру и ратманам напомнили, что выпечка хлеба не должна прерываться даже в церковные праздники и по выходным дням.¹⁴⁴ Каждый, кто справился со своим заданием, обязан немедленно выбрать новую порцию муки и, не покладая рук, работать дальше.

По приказу генерал-адъютанта Лагеркрона город должен был представить данные обо всех лошадях, принадлежащих гражданам Тарту. Требовалось указать не только масть животных, но и

¹⁴¹ ЕАА, f 995, n 1, s 284, l 252r.

¹⁴² А. HASSELBLATT (1926). 41. Это можно считать значительным послаблением для начала XVIII в., когда действовало жесткое хозяйственное регулирование, и каждый род деятельности был строго регламентирован.

¹⁴³ А. HASSELBLATT (1926). 51.

¹⁴⁴ ЕАА, f 995, n 2, s 1768, l 1.

отчитаться о деньгах, истраченных на их приобретение. Всего насчитали 47 лошадей. Самой дешевой из них оказалась кляча Мартена Андреса, стоившая пять государственных талеров, самой дорогой – лошадь Готлиба Троммера, оцененная в шестьдесят четыре талера.¹⁴⁵

Сведения требовались на тот случай, если армии не хватит лошадей, что вообще-то представлялось весьма вероятным. Артиллерийский полковник Мек уже не раз просил лошадей для своей части. Ответ короля был краток: использовать конную тягу из армейского обоза он не позволит, пусть артиллеристы поищут в Тарту, там лошадей достать легче.¹⁴⁶ Карл XII явно переоценивал возможности города.

В протоколах магистрата лаконично отмечено, что в день Вознесения Господня, 30 мая, король вместе со своей армией прибыл под Тарту, откуда 17 июня двинулся в сторону Риги.¹⁴⁷ Скупые строки не отражают того, насколько напряженным был для города тот период. Достаточно лишь одного факта: в те две недели отношение численности горожан и остановившихся в городе и его окрестностях военных составляло один к двум или даже один к трем в пользу армии. Карл XII покинул Лайузе 29 мая и сделал короткую остановку у графа Пипера в имении Кивиярве. У тартусцев опять появилась надежда, что на этот раз король все же посетит город и займет покой, давно приготовленные для него в ратуше. Вместо этого Карл XII остановился на мызе Розенхоф, близ Ревельской военной дороги, примерно в трех километрах от Тарту,¹⁴⁸ откуда он мог наблюдать за прибывающими войсками. Через некоторое время король перебрался в деревню Рахинге в девяти километрах от города. Отсюда удобно было наблюдать за тем, как войска начинают марш на Ригу, и проводить смотр полков на полях близлежащего имения Тяхтвере.

15 июня король упражнялся на плацу вместе со своими приближенными, после чего отвел отряд в Тарту на Рыночную

¹⁴⁵ ЕАА, ф 995, n 2, s 4344. Регистр 17 мая 1701 г.

¹⁴⁶ M. LAIDRE (1995), 253.

¹⁴⁷ ЕАА, ф 995, n 1, s 284, l 387р.

¹⁴⁸ A. HASSELBLATT (1926), 49. Розенхоф относился к имению Раади.

площадь и прогарцевал по городу с обнаженной шпагой в руке. Затем он развернул коня и ускакал в лагерь.¹⁴⁹ Вряд ли кто из горожан заметил визит высокого гостя. Офицера, скакавшего во главе отряда, скорее всего, приняли за его командира, тем более что долго живший в полевых условиях король изрядно пообносился и мало чем отличался от своих воинов. Это был единственный случай, когда властитель Швеции удостоил Тарту своим посещением за весь долгий период пребывания в его окрестностях.

Спустя два дня, 17 июня, когда Карлу XII исполнилось девятнадцать лет, после традиционного молебна огромная армия, наконец, двинулась в путь. Новый военный поход начался. В городе остались около пятисот больных солдат. За основными силами с разрешения короля последовал и комендант Шютте с большей частью своего полка. С отцами города полковник простился 19 июня в ратуше.¹⁵⁰ Ратманы пожелали коменданту удачи и защиты Всевышнего, заодно одарив его добрым бочонком испанского вина.

В отсутствие Шютте гарнизоном стал командовать его заместитель Андреас Цёге, сумевший сразу же войти в конфронтацию с магистратом и городом.¹⁵¹ Точнее, недоразумения начались гораздо раньше, еще в конце мая, как только в Тарту пришло известие о том, что саксонцы отвели свои отряды из-под Риги на левый берег Даугавы. Тогда бюргеры потребовали вывода солдат из города и размещения их в пригороде, так как, по их мнению, угроза вторжения заметно ослабела. Комендант был готов построить для солдат казармы, если бюргеры ему в том помогут. Магистрат же намеревался полностью освободиться от забот о постое. Но тут в город прибыли новые отряды, и военные так или иначе вынуждены были селиться в пригороде, так как в городских стенах места просто не осталось.

Теперь же, когда основная армия и часть постоянного гарнизона покинули Тарту, горожане рассчитывали перевести дух.

¹⁴⁹ M. LAIDRE (1995). 256.

¹⁵⁰ EAA, f 995, n 1, s 284, l 393p

¹⁵¹ F.K. GADEBUSCH (1782), Anhang: 150.

Но напрасно. Хлеба, пива и лошадей военные требовали с прежней настойчивостью. Заместитель коменданта Цёге обратился 22 июля к бургомистру и ратманам с письмом. В нем он призвал бюргеров активнее участвовать в несении сторожевой службы в связи с сокращением гарнизона.¹⁵² Выполнять приказ горожане отказались, сославшись на непосильные повинности (*Communia onera*), связанные с военным положением. К тому же, заметил магистрат, город не получил соответствующего распоряжения от командира шведской пехоты полковника Вольмара Антона фон Шлиппенбаха.

Цёге ответил, что речь идет «о преданном служении и любви к Его Королевскому Величеству, как было то раньше и пребудет впредь». А письменного приказа от полковника Шлиппенбаха, по его мнению, для этого не требуется – вполне достаточно авторитета коменданта, ибо речь идет «о защите приграничной крепости во враждебные времена». Ратманам еще раз напомнили, что гарнизон ослаблен: часть полка ушла вслед за армией, многие больны, кто-то дезертировал, а некоторые и под арестом сидят. Под ружьем остались едва ли две сотни человек. Так что пусть уж магистрат позаботится, чтобы на посты ежедневно выходило шестьдесят бюргеров. К тому же заместитель коменданта ссылался на последние приказы высшего командования, призывавшие к повышенной бдительности. В конце концов, повторял Цёге, защита и безопасность крепости – священный долг каждого гражданина.

Городу пришлось уступить. 24 июля магистрат согласился с доводами полковника Шлиппенбаха, а обер-лейтенанта Цёге взял на себя ответственность за несение стражи в течение четырнадцати дней.¹⁵³ Две недели тридцать бюргеров и столько же посадских выходили на службу и занимали указанные посты.

В начале октября магистрат согласился, «коли уж беда так велика», чтобы по ночам некоторые горожане выезжали верхом за стены города и «тщательно рекогносцировали» близлежащие

¹⁵² ЕАА, f 995, n 2, s 1769, l 1–1p

¹⁵³ ЕАА, f 995, n 1, s 284, l 445p.

дороги в интересах общей безопасности Тарту.¹⁵⁴ Цёге доложили, что еще в конце сентября ратману Йоханнесу Олау поручено было изготовить десяток фонарей и с наступлением темного времени повесить их на углах улиц, что тоже рассматривалось как одна из мер безопасности. При свете, мол, легче следить за лазутчиками и вражескими шпионами. В середине октября в Тарту вернулся комендант Шютте. Магистрат на радостях презентовал полковнику «по случаю счастливого возвращения» двадцать штофов канарского вина, кои и были вручены bravому воину секретарем магистрата Филиппиусом Келлнером.¹⁵⁵

На фоне нелегких испытаний, выпавших в том году Тарту, неоднократно обсуждался и один очень прозаический вопрос, подтверждающий вечную истину: в любое время люди обходятся самыми простыми решениями. В начале апреля Шютте обратил внимание города на то, что следует убирать нечистоты и всяческий хлам, скопившийся перед строящимся рavelином у Русских ворот. Для этого добра, дескать, имеются специальные канавы.¹⁵⁶ В конце того же месяца комендант направил городу повторное письмо, поскольку обстановка не изменилась. Видимо, гражданам было проще и удобнее вываливать отходы и мусор рядом со строящимися укреплениями, чем отвозить их к отхожим ямам.

В сентябре магистрат получил очередное предупреждение, поскольку рядом с новым рavelином уже высилась гора отбросов. Заместитель коменданта Цёге требовал, чтобы бюргеры ее ликвидировали. Магистрат был извещен о том, что дежурному офицеру, приставленному к Русским воротам, велено ни одной повозки с мусором из города не выпускать. На совещании у бургомистра Реммина приняли решение довести это требование до граждан. Но в то же время отметили, что нечистоты вывозят не только бюргеры, но и другие жители города, в том числе и военные, чье своеволие тоже надо пресекать.¹⁵⁷ В конечном итоге отцы города решения установили у ворот отдельный сторожевой пост.

¹⁵⁴ ЕАА, f 995, n 1, s 284, l 573–573p.

¹⁵⁵ ЕАА, f 995, n 1, s 284, l 588p; F.K. GADEBUSCH (1782), Anhang: 180.

¹⁵⁶ ЕАА, f 995, n 1, s 284, l 252p.

¹⁵⁷ ЕАА, f 995, n 1, s 284, l 505p–506p.

Похоже, меры сработали, и к данной проблеме власти больше не возвращались.

Вернувшись в Тарту, Шютте написал 23 октября два письма, исполненных глубокой озабоченности. Одно он направил камериру Паулю Штрокирху, другое – генерал-губернатору Дальбергу.¹⁵⁸ Шютте писал, что он с болью в сердце замечает, насколько, по сравнению с другими лифляндскими частями, обделен его полк. Это невольно наводит на мысль, что кто-то сознательно добивается развала сего воинского подразделения. Офицеры тартуского гарнизона уже шестнадцать месяцев не получают жалованья. Кроме того, их настолько обессилило несение караульной службы, что они еле держатся на ногах. В других же частях поднимают шум, когда жалованье задерживают всего на два месяца. Естественно, Шютте считал такое отношение к своему полку несправедливым.

Незадолго до рождества Шютте снова обратился к Штрокирху: «Бог свидетель, я не беспокоил бы господина камерира так часто, если бы не бедственное положение моих офицеров. Они совершенно обносились и отощали».¹⁵⁹ Исполненные драматизма строки не стоит, конечно, принимать за чистую монету, разумнее рассматривать их в контексте той эпохи. Преувеличение использовали повсеместно, когда надеялись повлиять на адресата, хотя это было хорошо известно и тому, кто посылал обращение, и тому, кто его получал. Невыплата жалованья и жизнь в долг в армии того времени, особенно среди высших чинов, были нередким явлением.¹⁶⁰ Но, учитывая военную обстановку, положение офицеров тартуского гарнизона было, несомненно, очень тяжелым.

Времена были, конечно, сложные, но война отодвигалась от Тарту, и город, насколько это было возможно, жил обычной жизнью. В начале декабря 1701 г. магистрат даже занялся исследованием нарушения общественного порядка, случившегося во время

---

¹⁵⁸ ЕАА, f 278, n 1, s XX–12c, l 59–59r; К.Г. Шютте П. Штрокирху и Э. Дальбергу 23.10.1701.

¹⁵⁹ ЕАА, f 278, n 1, s XX–12c, l 83; К.Г. Шютте П. Штрокирху 21.12.1701.

¹⁶⁰ См. M. LAIDRE (1995). 266–272.

воскресного богослужения на городских улицах еще летом.¹⁶¹ А именно, лейтенант Эссен потребовал от городского музыканта Беглера со товарищи услуги, иначе говоря, музыкального сопровождения вечеринки. Беглер сам играть не пошел, но послал троих учеников. Двое из них, Фабиан Хейдеман и Александр Бурхард, дали показания магистрату. Оба рассказали, что в воскресенье в полдень лейтенант Эссен, капитан Юксюлл и корнет Брейтхор вызвали их к себе и приказали музицировать. Ребята играли на барабанах, трубе и гобое. Вначале господа офицеры сидели в пивном погребеке Петера Родена, где изрядно выпили. Затем у них возникло желание прошвырнуться под музыку по городу.

Веселая компания обошла все улицы, продолжая возлияния. Небольшую остановку сделали на шведском кладбище перед домом пастората, где находилась квартира Эссена. Музыка продолжала греметь, нарушая кладбищенский покой. Гуляки прошли также через немецкое кладбище, но без лишнего шума. Правда, в этом месте показания свидетелей разошлись. По словам Хейдемана, они заходили и в немецкую (Яановскую) церковь, где пели, но уже после проповеди. Бурхард, напротив, припомнил, что музицировать могли и во время проповеди, которой они не слышали, равно как и пения прихожан. Выходит, музыканты, видимо, также выпившие нескольких чарок, увлекшись, играли столь громко, что заглушали проповедь. Далее пьяные в стельку офицеры ввалились в очередной кабак, где и потеряли друг друга из виду. Вскоре разбрелись по домам и музыканты.

Нарушение общественного порядка в городе магистрат рассматривал на своем заседании и в феврале 1702 года.¹⁶² Поскольку в Тарту в вечернее и ночное время нередко слышалась пальба, комендант просил бюргеров и домовладельцев заранее сообщать о своих намерениях. Иначе, не зная, где и почему стреляют, караульные могут принять происходящее за нападение неприятеля. По словам Шютте, в военное время такое предупреждение принесет

¹⁶¹ ЕАА, ф 995, n 1, s 284, l 701–702p.

¹⁶² ЕАА, ф 995, n 1, s 285, l 57, 59.

пользу всему городу, ибо предотвратит возможную панику. Отцы города порешили, что под угрозой штрафа в одну марку гильдин обязаны заранее информировать магистрат о предполагаемой вечерней или ночной стрельбе. При этом не совсем понятно, чем была вызвана столь распространенная в то время забава. Скорее всего, палили по случаю масленичных гуляний и других праздников.¹⁶³

Комендант не зря зывал к большей бдительности – ведь враги Швеции не дремали. Уже в феврале 1701 г. у самой границы Курляндии, в Биржайском замке, состоялась встреча Петра и Августа.¹⁶⁴ Обоих правителей сопровождали политические советники. Среди них был и Паткуль. В качестве гостей присутствовали прусский посол в Москве Марквард Людвиг фон Принцен и французский посол при польском короле маркиз Шарль де Герон, что придавало встрече дипломатический оттенок. Царь убеждал своих союзников в том, что несмотря на понесенное поражение, войну стоит продолжать. Французский посол, напротив, добивался заключения (любой ценой) сепаратного мира между Саксонией и Швецией. Однако Петр сумел его переиграть.

Август хорошо понимал, что Петр больше всего боится попасть в изоляцию, и потому не упустил возможности набить себе цену. За продолжение войны царь обещал ему в помощь 15 000–20 000 солдат, большое количество пороха и немедленную ссуду в размере 100 000 рублей. Саксонцы, со своей стороны, обещали прислать русским, у которых не хватало хороших военачальников, своих офицеров. Были запланированы и совместные военные походы. Петр заявил, что его целью по-прежнему остается завоевание лишь «тех или иных мест» на берегах Балтийского моря.

Стремление царя было столь сильным, что спустя лишь две недели(!) после сокрушительного поражения под Нарвой он отдал приказ генералу Борису Шереметеву подготовить кавалерию для

¹⁶³ О масленичных гуляниях в Лифляндии см. А. MÄND. *Pidustused keskaegse Liivimaa linnades (Празднества в городах средневековой Лифляндии) 1350–1550*. Tallinn, 2004. 107–111.

¹⁶⁴ R. WITTRAM (1964). 243–247; B. LILJEGREN. *Karl XII: Biografia*. Tallinn, 2005. 116–117.

нападения на шведов.¹⁶⁵ Однако более крупные операции стали возможны лишь после того, как основная армия Карла XII ушла в Курляндию. На защите восточных границ Лифляндии осталась лишь пятитысячная полевая армия полковника Шлиппенбаха, к тому же рассредоточенная по нескольким позициям. Уже в первых числах сентября основные силы русских под командованием Шереметева, численностью более 10 000 человек, напали на сторожевые посты в районе Ряпина, Вастсе-Казаритса и Рыуге. Если под Ряпина русские имели успех, то в других местах Шлиппенбаху удалось отразить их атаки, за что Карл XII присвоил ему звание генерал-майора.¹⁶⁶ С этого момента король пребывал в убеждении, что русские на какое-то время выведены из игры, и он со спокойным сердцем может обратить свое оружие против Августа. Но король ошибся. Прав оказался опытный государственный деятель генерал-губернатор Дальберг, заявивший, что не следует доверять отходу русских от границы, так как при малейшей возможности они вернуться.¹⁶⁷

Прошло всего полтора месяца, и Шереметев возвратился. 30 декабря в сражении под Эраствере (*Эрестфер*), которое продолжалось несколько часов, он разгромил ядро полевой армии Шлиппенбаха.¹⁶⁸ Хотя это еще не сломало шведов, Петр считал победу под Эраствере поворотным пунктом в войне. Ведь это был первый случай, когда русские смогли победить шведов в открытом бою. Для царя значение победы ничуть не преуменьшал даже тот факт, что соотношение сил на поле брани было далеко не в пользу шведов. Шереметева возвели в генерал-фельдмаршалы, и в подарок он получил портрет царя в оправе из бриллиантов. Остальных офицеров наградили деньгами, а все солдаты получили по только что отчеканенному серебряному рублю. В Москве устроили большой праздник, грохотал орудийный салют, в церк-

¹⁶⁵ R. WITTRAM (1964). 247.

¹⁶⁶ H. SEPP. *Sõjasündmused Lõuna-Eestis a. 1701* (Военные действия в Южной Эстонии в 1701 г.). – *Sõdur* № 10, 1927. 222–223.

¹⁶⁷ RA, *Militära ämnessamlingar* M 1373; выдержка из письма Э. Дальберга 16.11.1701.

¹⁶⁸ Подробнее о сражении под Эраствере см. С. KELCH (1875). 258–262; X. ПАЛЛИ. *Между двумя боями за Нарву: Эстония в первые годы Северной войны 1701–1704*. Таллин, 1966. 148–159.

вах прошли богослужения, народ бесплатно поили вином, пивом, медовухой и водкой. Завершился праздник фейерверком.¹⁶⁹

В начале 1702 г. Шереметев не раз пытался уточнить военные планы царя на предстоящую кампанию. Петр, будучи еще не вполне уверен в своих силах, придерживался оборонительной стратегии, но полагал, что при малейшей возможности следует наносить шведам чувствительные удары. При стечении же благоприятных обстоятельств можно действовать всеми силами. В конце мая царь решил, что подходящий момент наступил, и стал торопить свеженспекенного фельдмаршала, чтобы тот поскорее двинул свое войско из Пскова на Лифляндию. Петр прослышал, что «свейский супостат» намерен перебросить из Померании в Лифляндию 10 000 солдат, и счел нужным опередить шведов. Одним из направлений наступления царь определил Тарту.¹⁷⁰ Шереметев все же на Тарту не пошел, но 18 июля в сражении при мызе Хуммули (*Гуммельсгоф*) наголову разгромил пехоту Шлиппенбаха.¹⁷¹ После этого поражения шведских полевых частей в регионе больше не осталось. Если не считать укрепленных городов, Эстляндия и Лифляндия оказались беззащитны перед противником.

Царь, окрыленный успехом, приказал Шереметеву «с благословения Божьего продвигаться дальше и разорять их земли доколь возможно до самого Ревеля».¹⁷² Далее следовало указание не оставлять шведам ни одного укрытия, дабы не могли они помочь своим городам. Шереметев по своей инициативе занимался грабежами уже после победы под Эраствере. Тогда он и доложил царю, что весь Тартуский округ разорен дотла,¹⁷³ добавив с со-

¹⁶⁹ R. WITTRAM (1964). 248.

¹⁷⁰ С.М. СОЛОВЬЕВ (1991), 7: 617; R. WITTRAM (1964). 249.

¹⁷¹ О сражении под Хуммули см. С. KELCH (1875). 293–296; F.K. GADEBUSCH (1782), Anhang: 190–196; X. ПАЛЛИ (1966). 175–185. Шлиппенбах потерял 2400 человек убитыми, около 1200 дезертировали. Русские потеряли, по разным оценкам, от 1000 до 1500 человек убитыми и ранеными.

¹⁷² R. WITTRAM (1964). 249.

¹⁷³ Шереметев явно преувеличивал, поскольку его грабительский набег длился менее трех дней, и за это время опустошить столь большую территорию было просто физически невозможно. См. H. SEPP. *Boris Šeremetjevi rüüsteretked Liivimaale 1701 ja 1702. (Грабительские набеги Бориса Шереметева в 1701 и 1702 гг.)* – Sõdur Nr 29/30, 1931. 811

жалением, что только глубокий снег, в котором по самое брюхо вязли лошади, помешал ему пойти дальше. Несмотря на непогоду, взяли много пленных, как немцев, так и эстонцев. Числа последних он не знал, поскольку черкесы забрали всех эстонцев себе. «Я не велел отнимать Чухну у Черкасс, чтоб охочее были», – писал Шереметев царю. А через несколько дней пришло сообщение, что близ Халлисте взято 2000 пленных и много скота.

То же самое повторилось в 1702 году. В первых числах января, пройдя по льду Чудского озера, конный отряд русских появился близ мызы Алатскиви и разграбил ее подчистую. Многих крестьян, снаряжавших в тот день зерновой обоз, попросту перебили. А стариков заперли в домах, которые затем подожгли. Ребенка, сумевшего выбраться из горящего дома, ратники схватили за ноги и бросили обратно в огонь. Отряд сжег также церковь, мызу и мельницу.¹⁷⁴

После победы под Хуммули Шереметев снова отправил свои отряды «учинять разор» на окрестных мызах и «убивать или пленить эстонцев и латышей».¹⁷⁵ Все награбленное добро, а также скотину и ребятишек затем обращали в деньги. Шереметев не считал зазорным информировать царя, сколько просили за одну корову, овцу, а также за детей, больших и малых. Причем скотина ценилась дороже людей. По словам очевидцев, картина была страшная. Особенно, когда русские бросали малых детей, как гусей, в телеги и увозили с собой.¹⁷⁶

В конце августа Шереметев писал царю: «Чиню тебе известно, что всесильный Бог и пресвятая Богоматерь желание твое исполнили: больше того неприятельской земли разорять нечего. /.../

¹⁷⁴ С. KELCH (1875). 263.

¹⁷⁵ Н. SEPP (1931). 828; Х. ПАЛЛИ (1966). 185. В начале августа после взятия Алуksне в плен к русским среди прочих попала 18-летняя жена ливляндского кавалериста Иогана Крузе, которая со временем стала законной супругой царя Петра, а после его смерти в 1725 г. императрицей Екатериной I. По другим данным, пленницей была служанка польско-литовского происхождения, жившая в доме пробста Эрнста Глюка и затем вышедшая замуж за шведского драгуна. Оказавшись у русских, она стала любовницей ближайшего сподвижника царя Александра Меншикова, пока ее не заметил сам Петр. См. *Kungl. Artilleriet: Svenska artilleriet i Östersjöprovinserna 1561–1721*. Bohus, 2005. 232; R. WITTRAM (1964). 271.

¹⁷⁶ С. KELCH (1875). 297.

Все разорили и запустошили без остатку, и от Риги возвратились загонные люди в 25 верстах, и до самой границы Польской /.../ и только осталось целого места Пернов и Колывань, и меж ними сколько осталось около моря, и от Колывани к Риге около моря же, да Рига: а то все запустошено и разорено в конец. /.../ Пошлю в разные стороны Калмыков и Казаков для конфузии неприятеля. Прибыло мне печали: где мне деть взятый полон? Тюрмы полны, и по начальным людям везде; опасно того, что люди какие сердитые! Тебе известно, сколько уж они причин сделали, себя не жалея; чтобы какие хитрости не учинили: пороху в погребах бы зажгли; также от тесноты не почали бы мереть; также и денег на корм много исходит; а провожатых до Москвы одного полку мало. Вели мне об них указ учинить».¹⁷⁷ «А Чухны выбрал лучших людей 100 семей, которые умеют овые топором, овые иные художники, а в тех семьях будет больше 400 душ, для Азовской посылки, и тех тотчас велю гнать к Москве...»¹⁷⁸ Петр с удовлетворением отметил: «Борис Петрович крепко прошелся по Лифляндии». И на этот раз больше всего досталось тартуским землям.

Известие о сражении под Хуммули пришло в Тарту 22 июля. Бургомистр сообщил магистрату только что полученную новость: армия Шлиппенбаха полностью разгромлена, и его артиллерия вместе со всем, что к ней относится, попала в плен к русским.¹⁷⁹

¹⁷⁷ Скорее всего, имелось в виду умерщвление пленных.

¹⁷⁸ Н.Г. УСТРЯЛОВ. *История царствования Петра Великого*. Т 4:2. Санкт-Петербург, 1863. 227, 246, 249–250; С.М. СОЛОВЬЕВ (1991), 7:618; Х. ПАЛЛИ (1966). 186; *Kungl. Artilleriet: Karl XII:s tid*. Bohus, 1993. 383–384. Когда основные силы шведской армии в 1708 г. достигли Украины, они обнаружили как в районе Полтавы, так и в других местах немало финнов и лифляндцев, плененных и затем проданных русскими казакам или захваченных и увезенных последними. Шведы забрали с собой всех мужчин, поданных своего короля. Юноши, попавшие в плен еще детьми, уходили от хозяев со слезами на глазах. Многие, уже заново крещеные, хотели добровольно остаться в Украине, где им жилось лучше, чем на родине. Там они были целиком во власти господ, не считавших их людьми. Другие же, жившие вместе и говорившие между собой на родном языке, сохранив таким образом свою идентичность, были согласны уйти и вступить в армию. Больше всего оказалось женщин, которые жаловались, что не могут последовать за армией, но готовых уйти с нею, если король покинет эту страну. Женщины не хотели уходить без своих близких, которых с ними разлучили и отправили неведомо куда. См. Н. SEPP (1931). 834–835.

¹⁷⁹ F.K. GADEBUSCH (1782), Anhang: 197.

Положение осложнилось. Бюргерам отдали распоряжение приготовить оружие и по первому барабанному сигналу явиться на базарную площадь перед ратушей. Горожанам также напомнили о необходимости держать наготове средства для тушения пожара и иметь в домах бочки, наполненные водой. Посадским выделили сторожевой дом для ночлега, им также было велено по первому сигналу тревоги занять свои посты. Готовились к тому, что неприятель может появиться у стен города в любую минуту. И эти опасения подтвердились.

Простояв три дня на месте сражения, Шереметев со своей армией, известной как Большой полк, двинулся в сторону Тарту. От пленного солдата и управляющего мызой стало известно, что тартуский гарнизон насчитывает примерно 3000 человек, а на городских бастионах и валах стоит более трехсот пушек. У русских осадной артиллерии не было, и потому серьезно угрожать городу они не могли. Тем не менее, семь дней, начиная с 25 июля, город практически находился в окружении.¹⁸⁰ И психологически это, конечно, на жителей действовало. 29 июля коменданту города Риги Карлу Густаву Фрëлиху доложили, что неприятель по-прежнему совершает опустошительные набеги в районе Каркси, Вильянди и Хелме. О Тарту было известно, что город не только в осаде, но и подвергается обстрелу.¹⁸¹

В самом Тарту было очень тревожно, о чем лишний раз свидетельствует просьба коменданта к магистрату предоставить список всех чужаков, находящихся в тот момент в городе. В августе Шютте призвал бюргеров к особой бдительности. По дошедшим до него слухам неприятель намеревался заслать в город поджигателя и устроить большой пожар.¹⁸² Комендант просил ознакомиться с соответствующим письмом старейшин обеих гильдий и довести его содержание до граждан, чтобы все могли предпринять необходимые меры. В конце октября магистрат, в свою очередь, обратился к коменданту с предложением направить в Курляндию гонца и известить Карла XII о бедственном положении

¹⁸⁰ Х. ПАЛЛИ (1966). 186.

¹⁸¹ ЕАА, f 278, n 1, s XX–18, l 11р; Бранд рижскому губернатору Фрëлиху 29.7.1702.

¹⁸² ЕАА, f 995, n 1, s 285, l 218, 245р.

Лифляндии.¹⁸³ Шютте поначалу одобрил идею, но потом ответил, что ничего предпринимать не нужно, так как король и без того имеет точную информацию о происходящем. К Рождеству все военные силы, располагавшиеся в округе, были стянуты в Тарту, поскольку стало известно, что к праздникам неприятель намерен подойти к городу.

Для шведов, находившихся в Лифляндии, 1702 г. выдался не слишком удачным. Враг все чаще показывал зубы, подбираясь все ближе. Тем не менее, Тарту, если верить протоколам магистрата, жил будничной жизнью с ее мелкими дрязгами, спорами о наследстве, судебными тяжбами и т.п. Война напоминала о себе в основном поставками хлеба для армии и проблемой постоя солдат. Примером обыденного течения жизни может служить письмо из магистрата Хельсинки к тартуским коллегам, в котором содержится просьба прислать часовщика Фогельсдорфа для починки городских часов. Взаимовыручка было в то время в чести, и отцы города повелели часовщику за четыре недели прибыть в Хельсинки.¹⁸⁴ Видимо, Фогельсдорфу не слишком хотелось сниматься с места в столь смутное время. Во всяком случае, в особом распоряжении часовщику пригрозили, что в случае неповиновения магистрат Хельсинки обратится к коменданту Шютте, и Фогельсдорфа отвезут под конвоем. Но часовщик все равно ответил отказом – мол, в такое время года ехать в такую даль невыносимо. А в Хельсинки он сам напишет и подскажет, кто из знакомых ему мастеров справится с починкой сложного часового механизма. Однако тартуский магистрат повторил свое распоряжение.

Начало 1703 г. не сулило ничего хорошего. И без того зыбкий покой тартусцев нарушали известия из-под Нарвы.¹⁸⁵ В полночь 1 января под Нарвой внезапно появилась почти тысячная русская конница и смела шведские аванпосты. Русские сожгли несколько дворянских усадеб и хуторов, а потом подошли вплотную к пригородам Нарвы. Желая выманить народ из домов, конники громко кричали по-фински: «Вставайте! Вставайте! Русские идут!» Как

¹⁸³ F.K. GADEBUSCH (1782), Anhang: 207–209.

¹⁸⁴ ЕАА, f 995, n 1, s 285, l 359; Протоколы Тартуского магистрата 27.10.1702.

¹⁸⁵ F.K. GADEBUSCH (1782), Anhang: 222–223.

только перепуганные жители выскакивали на улицу, их убивали. Конница покинула нарвский посад лишь через шесть часов.

Тартуского коменданта беспокоило растущее число вражеских лазутчиков. Он стремился положить этому конец любой ценой. На второй день января Шютте обращается в ратушу с очередным посланием.¹⁸⁶ Он требует, чтобы военным властям немедленно сообщали обо всех крестьянах из Ряпина, Вастселийна, Кирумпя и других приграничных селений, приезжающих в город за табаком и солью. До сих пор магистрат этого не делал. Но полковник Шютте глубоко убежден, что многих из этих крестьян враг использует в качестве лазутчиков. У него к магистрату глубочайшая просьба: пока заезжих селян не отметят у коменданта и не допросят, не продавать им ни соли, ни табаку, ни прочих товаров. Если комендантский приказ не будет безоговорочно исполняться, то бюргеры об этом горько пожалуют. А у крестьян, не побывавших в комендатуре, отнимут весь приобретенный товар и раздадут бедным.

По требованию коменданта 10 января в ратуше состоялось экстренное заседание.¹⁸⁷ Магистрат и видных горожан собрали, не объяснив причины. Туда же явился комендант в сопровождении полковников Тизенгаузена и Горна, обер-лейтенанта Фреймана и других офицеров. Оказалось, что причина срочного сбора весьма неприятна. Полковник Горн заявил, что военные задержали шпиона, и теперь предстоит своего рода очная ставка. Пусть пойманный лазутчик укажет, кто из горожан вручил ему письмо. Иными словами получалось, что потенциального предателя ищут чуть ли не среди отцов города. Можно себе представить, в какое негодование пришли почтенные мужи. С одной стороны, они почувствовали оскорбление – их заподозрили в предательстве родного города. С другой – страх, а вдруг кто-то из ближайшего окружения все же пал так низко.

Все присутствующие расселись по местам, и в зал ввели лазутчика, которого, кстати, ни разу не назвали по имени. На

¹⁸⁶ ЕАА, ф 995, н 2, s 1714; К.Г. Шютте Тартускому магистрату 2.1.1703.

¹⁸⁷ ЕАА, ф 995, н 1, s 286, l 27p–28p; Протоколы Тартуского магистрата 10.1.1703.

вопрос, узнает ли он кого-либо из присутствующих, шпион ответил отрицательно. И сообщил, что у русских в звании лейтенанта служит сын некоего пристава Ульриха из ратуши. Вот сынку и адресовано письмецо из Тарту. Как письмо к нему попало? Да оно было в той посылке, что следовало передать фельдмаршалу Шереметеву от коменданта Шютте.¹⁸⁸ После чего присутствующих попросили по одному пройти перед лазутчиком. Тот еще раз глянул каждому в лицо и повторил, что знать никого не знает. Лишь затем всем разрешили разойтись по домам.

Шпиономания преследовала полковника Шютте. В феврале он потребовал, чтобы магистрат рассмотрел дело Андреса Вилте, который, якобы, предупредил русских о предстоящей вылазке шведского отряда.¹⁸⁹ Речь шла о посадском, чьи братья и сестры жили в России. Мужика вызвали в магистрат и спросили, где именно проживает его родня. Оказалось, что сестры к тому времени уже померли, а братья живут в большом селе по ту сторону Чудского озера, у них там хутор на краю дремучего леса. Он, Андрес, и правда слышал, что шведы собираются сделать вылазку, но куда именно, понятия не имел. Сообщал ли он о шведах русским военным или своей родне? Нет, не сообщал, он все это время из дому не отлучался и у братьев с начала войны ни разу не был. Останавливались ли у него люди из санного обоза, везущего зерно в Россию? Так то были свои, можно сказать, соседи. Они ездили в город и, действительно, купили там зерно. Но купили для себя, а в Россию хлеб везти не собирались.

В тот же день магистрат заслушал Ханса Раудъялка. Допытывались о трехстах марках, якобы полученных от русского по имени Хаске, чтобы Ханс купил зерна и доставил его в Россию.¹⁹⁰ Раудъялк отрицал все: зерна не покупал, в Россию ничего не возил, денег от неприятеля не получал.

---

¹⁸⁸ Содержание той посылки неизвестно, но, вероятнее всего, это был какой-то подарок (несколько бутылок вина или что-то подобное), какими высшие офицеры, согласно действовавшим в ту эпоху правилам этикета, обменивались даже в случае войны.

¹⁸⁹ ЕАА, f 995, n 1, s 286, l 95r–98; Протоколы Тартуского магистрата 18.2.1703.

¹⁹⁰ ЕАА, f 995, n 1, s 286, l 98r; Протоколы Тартуского магистрата 18.2.1703.

Беспокойство Шютте можно понять. Враг действовал успешно, его вылазки держали всех в напряжении, постоянная угроза порождала в гарнизоне повышенную нервозность. Не хватало информации о том, что происходит в окружающем мире. Тарту все больше превращался в изолированный островок посреди вражеского окружения. После того, как поздней осенью 1703 г. русские войска совершили очередной набег, пройдя от Васькнарвы через вируские, ярваские, пярнуские и тартуские земли до Вастселийна (*Нейгаузена*),¹⁹¹ Шютте решил отправить в большой мир лазутчика. Им стал житель пригорода, некий Яан Клемент.¹⁹² В его задачу входил сбор данных о действиях неприятеля, а пройти ему предстояло до самого Ревеля. Магистрат дал Яану письмо, адресованное ревелским властям, с просьбой не чинить лазутчику препятствий, позволить ему свободно передвигаться, а также при-слать с ним короткий ответ о положении в Ревеле.

Между тем Шютте не собирался сидеть без дела под защитой городских стен. При малейшей возможности он брал инициативу в свои руки. В мае 1703 г. полковник Андрей Рукавишников со своим отрядом вторгся в тартуские земли, спалив мызы в Антсла и Улила. Русские взяли в плен много крестьян, угнали скот и вообще учинили большое разорение. Известие о случившемся принес в Тарту спасшийся от погрома пастор из Вынну (*Цесиса*). Он же сообщил, что Рукавишников вместе с пленными остановился за мостом Хааслава. Шютте немедленно поднял конников

¹⁹¹ В результате этого опустошительного набега пострадали многие церкви и небольшие городки, сотни усадеб и примерно полторы тысячи деревень. Были угнаны тысячи голов скота, а живность, которую не удавалось забрать с собой (свиньи, гуси и пр.), загоняли в хлев и поджигали. Увезено было много разных металлических изделий, в частности, церковных колоколов, а также хозяйственной утвари. Многих людей попросту убивали, и тысячи, среди которых было немало детей, увезли в Россию. Сами русские потеряли лишь несколько десятков человек, которых в разных местах убили крестьяне. О крупной добыче сообщает в своем докладе царю и Шереметев. По его сообщению, было взято в плен столько эстонских женщин, что их даже не удалось пересчитать до того, как их разобрали солдаты. Шереметев полагал, что плененных женщин было вавое больше, чем годом ранее, зато эстонских мужчин значительно меньше. Их было трудно уводить с собой, поэтому многих затем освободили. См. С. KELCH (1875). 350–351; H. SEPP. *Boris Šeremetjevi rüüsteretek Eesti- ja Läävimaale a. 1703.* – Sõdur Nr 31/32, 1932. 789.

¹⁹² *Eesti rahva ajaloo* (1960), Nr 124. 157.

Карельского полка и приказал им, вместе с присоединившимися добровольцами, отомстить врагу. Сам комендант тоже принял участие в вылазке. Противник тем временем уже успел покинуть указанное пастором место, но майор Кристоф Фрейденфельд получил приказ преследовать русских. В четыре утра 25 мая их настигли у реки Выханду. Несмотря на то, что соотношение сил было не в пользу шведов, Фрейденфельд, не раздумывая, бросился в атаку и обратил противника в бегство. Немало русских, которых загнали в реку, в ней утонули или были убиты. Удалось освободить всех плененных жителей Вынну, числом около трехсот, и вернуть около ста лошадей и коров. Шведам достались богатые трофеи, в том числе вражеский обоз, палатки, мундиры, триста лошадей и даже один верблюд, принадлежавший лично Рукавишникову. Сам полковник был тяжело ранен, взят в плен и доставлен в Тарту. Его усердно лечили, однако через два дня от полученных ран он скончался.¹⁹³

Через некоторое время, в середине лета 1703 г., на основе сведений, полученных от двух русских монахов, схваченных на Чудском озере моряками Тартуской флотилии, Шютте заключил, что ситуация благоприятствует военному походу под Печоры. Он отобрал в гарнизоне тысячу пехотинцев и пятьсот конников, сам возглавил отряд и 10 июля вышел из Тарту. С собой они взяли четыре полевых орудия. Вместе с военными, в надежде чем-нибудь поживиться отправилось в путь и немало окрестных крестьян. Перед отбытием Шютте направил магистрату письмо, в котором указывал на временное ослабление гарнизона и просил, чтобы граждане приняли более активное участие в обороне города.¹⁹⁴ От бургомистра он ждал особого распоряжения «славным и храбрым бюргерам» взять на себя караульную службу на трех бастионах. Комендант обещал освободить их от сей повинности, как только армия вернется в город.

¹⁹³ С. KELCH (1875). 335–336; К. KROON. *Kolme lövi ja greifi all Põhjasõjas: eestlased ja lätlased Rootsi armee nähtuna sõtsiaalmajanduslike muutuste taustal 17. sajandi lõpul – 18. sajandi alguses* (Под сенью трех львов и грифона в Северной войне: эстонцы и латыши в шведской армии в свете социально-экономических перемен конца XVII – начала XVIII века). Tallinn, 2007. 246–248.

¹⁹⁴ ЕАА, f 995, n 2, s 1733; К.Г. Шютте Тартускому магистрату 10.7.1703.

Утром 14 июля, около девяти часов, в полумиле от Печор отряд столкнулся с русскими силами. Шютте сумел занять стратегически выгодную позицию и решил дать бой. По данным хрониста Кельха, русские вызов не приняли, хотя шведы три часа простояли в боевом порядке и время от времени трубили сигнал, требуя неприятеля на поле брани. Однако все ограничилось несколькими мелкими стычками, в ходе которых шведская сторона потеряла одного лейтенанта и десять солдат, а капитан Пальмбах попал в плен.¹⁹⁵ Отчет шведского военного руководства выглядел несколько иначе. Согласно этой версии, русские первыми дали залп из орудий, за которым последовал немедленный ответ, причем столь успешный, что неприятель понес ощутимые потери. Русские обратились в бегство и пересекли поле в надежде укрыться в лесу. Вроде бы полторы сотни русских были буквально «вбиты в землю», не считая тех, кого прикончили на бегу. Шведы обратили внимание на необычный способ, коим русские увозили с поля боя павших. Они втыкали в труп металлический крюк, привязанный к длинной жерди, и волокли его за лошадью чуть ли не галопом. Дорога и поле были буквально усыпаны русскими шапками, повсюду валялись пики, шпаги и прочее оружие.¹⁹⁶ Но особых результатов этот поход не принес. Отряд Шютте той же дорогой вернулся в город, не забыв перед этим спалить расположенную поблизости мельницу и несколько жилых домов.

Война все ближе подбиралась к стенам Тарту. Шютте серьезно беспокоился о городских запасах. В самом начале 1703 г. он полностью запретил торговлю зерном и какой бы то ни было обмен на хлеб. Даже горсть зерна нельзя было вывезти из города без личного разрешения коменданта. А он выдавал его только тем, кто вез зерно на мельницу. По возвращении с мукой бумагу следовало вернуть в комендатуру.¹⁹⁷ В городе то и дело производили пересчет запасов хлеба и сена. Посадским, которые со страху перед неприятельскими набегами перевезли в город, под защиту укреплений, свои нехитрые пожитки, не разрешали вывозить их

¹⁹⁵ С. KELCH (1875). 342–344.

¹⁹⁶ См. К. KROON (2007). 248–251.

¹⁹⁷ F.K. GADEBUSCH (1782), Anhang: 224.

обратно. Что, впрочем, было вполне разумной мерой предосторожности. В случае очередного набега неприятеля это добро пришлось бы укрывать снова, что вызвало бы толчею у городских ворот.

Несмотря на тяжелые времена, а может, и благодаря им, взаимопонимание между военными и городскими властями таяло с каждым днем. Комендант и раньше был известен своим вспыльчивым нравом. Теперь же из-за пустякового конфликта между каким-то домовладельцем и солдатами он до вечера закрыл ратушу, выставив у входа шестерых вооруженных часовых. Да еще заявил, что самый никудышный солдат лучше самого славного бюргера.¹⁹⁸

В апреле 1703 г. Шютте объявил магистрату, что им получен приказ взять 226 человек в артиллерию. И сделать это проще всего за счет посадских людей.¹⁹⁹ Пусть уж магистрат сам объявит об этом жителям пригорода и доложит, сколько конкретно людей выделяет город. Магистрат, разумеется, ответил отказом. Посадские люди такие же граждане, присягнувшие на верность королю и городу и клявшиеся в случае нашествия защищать валы и стены с оружием в руках. К тому же в посаде живут в основном рыбаки и мастеровые: пивовары, бондари, кузнецы, столяры, плотники, извозчики и прочие ремесленники, без которых город существовать не может. Магистрат даже сослался на параграф из городской привилегии, согласно которому всякий крестьянин, два года проживший под покровительством магистрата, не подлежал выдаче и был волен проживать в городе. Этот пункт издавна толковался именно так – ради увеличения населения в пригородах.

В сентябре между городом и военными снова возникли серьезные разногласия, теперь уже по обычному поводу: из-за постоя господ офицеров и нижних чинов.²⁰⁰ По мнению Шютте, летом бюргеры получили значительную передышку, ведь большая часть гарнизона находилась в походах. Теперь же, осенью, магистрат

¹⁹⁸ Более подробно см. F.K. GADEBUSCH (1782), Anhang: 251–257.

¹⁹⁹ F.K. GADEBUSCH (1782), Anhang: 269–270.

²⁰⁰ *Eesti rahva ajaloo* (1960). 168–169, Nr 136; F.K. GADEBUSCH (1782), Anhang: 263–264.

обязан обеспечить военных квартирами согласно предоставленному комендантом списку. Впереди темные осенние ночи и зимние холода. И он, комендант, не может оставить своих людей в чистом поле, без крыши над головой. Гарнизон следует незамедлительно расселить в городе и в пригороде, тем более, что солдаты будут, не щадя живота своего, защищать именно тех людей (*читай: бюргеров*), в чьих домах они станут на постой.²⁰¹

На это Большая и Малая гильдии выставили магистрату свои контраргументы. Да, военные покидали город, но оставались их жены и дети, их имущество, словом, квартиры были за ними. Горожане опять припомнили, сколько сил и средств было потрачено на непрерывную выпечку хлеба для армии. И вообще, они вовсе не отказывают в постое господам офицерам и солдатам. Но горожан, вынужденных из-за этого ютиться в тесноте, безмерно раздражает, что не только высшие чины, но и капралы, и рядовые обросли не только женами и детками, но при них живут еще тещи, сваты и прочая родня. Причем среди них много парней и девок того возраста, когда можно самостоятельно зарабатывать себе на хлеб и жилье в услужении у порядочных людей. Вдобавок у армейских есть скот. Быки, козы, свиньи и овцы докучают не только хозяевам домов, но и ближайшим соседям. Даже господа офицеры не гнушаются помимо лошадей держать коров. Они бесцеремонно выгоняют из хлевов и конюшен скотину хозяев и ставят туда свою.

Представители гильдий пеняли военным, что те не задумываются о возможностях и удобствах горожан, а действуют исключительно в собственных интересах. Возможности у горожан скромные, а претензии у военных большие. Это приводит к постоянным ссорам и стычкам между почтенными бюргерами и их постояльцами в мундирах, что делает жизнь совершенно невыносимой.

Гильдии также с неодобрением отнеслись к угрозе коменданта выдворить из города беженцев, нашедших приют в стенах Тарту. Горожане писали отцам города: «Мы не можем оттолкнуть

²⁰¹ ЕАА, f 995, n 2, s 1737, l 1–1p; К.Г. Шютте Тартускому магистрату 9.9.1703.

этих бедняг, это было бы не по-христиански. Они тоже королевские подданные, и они, как мы, в тяжкую годину готовы живот положить за Его Королевское Величество, пожертвовав добром своим и кровью ради защиты города». Тесноту в городских стенах и в посаде увеличивали как люди, не имевшие своего жилья, так и те, чьи дома минувшим летом снесли из соображений безопасности. Теперь все они тоже ютились под чужим кровом. Письмо гильдий заканчивалось так: «Офицеры и нижние чины должны считаться со временем и возможностями, дабы меж горожанами и гарнизоном царило единомыслие, как того пожелали Его Высокопревосходительство господин губернатор и генерал-лейтенант Фрёлых». Коменданту предложили, чтобы его офицеры селились по двое или по трое в одной комнате, с чем, кстати, Шютте тут же согласился. Чего нельзя сказать о господах офицерах. Они сопротивлялись до последнего.

Побочным результатом увеличения тартуского гарнизона²⁰² стало появление в городе множества женщин легкого поведения. По повелению властей всех их взяли на учет. Жрицам любви вменили в обязанность убирать тротуары перед домами, вывозить мусор и нечистоты. За это, помимо еды, они получали по одной монете (*rundstikk*) за тачку.²⁰³ Но куда больше, чем обилие легкомысленных особ, отцов города в 1704 г. беспокоило явное охлаждение паствы к слову Господню. Магистрат даже настоятельно рекомендовал пастору Виллебранду напомнить своим прихожанам с кафедры, что во время будничных и воскресных проповедей, когда звучат слова из Библии, принято вставать. А вот уходить из церкви до причастия и благословения святого отца не полагается.²⁰⁴

Вопросы морали вызывали беспокойство не только в Тарту. На этой почве возник большой скандал, в центре которого оказался известный хронист, пастор из Виру-Яагупи Кристиан Кельх.

²⁰² В апреле 1703 г. тартуский гарнизон насчитывал 3 160 человек. Комендант Шютте намеревался довести его численность до 6 500. См. H.E. UDDGREN. *Något om Karl XII:s ställning till kriget med Ryssland och försvaret af Östersjöprovinserna under åren 1702–1706.* – Karolinska Förbundets Årsbok 1910. Lund, 1911. 99.

²⁰³ F.K. GADEBUSCH (1782), Anhang: 270.

²⁰⁴ F.K. GADEBUSCH (1782), Anhang: 278.

23 января 1704 г. фискал²⁰⁵ Иоган Кристоф Дроммер распорядился, чтобы Кельх 4 марта лично явился в Ревельский городской суд и дождался там принятия судебного решения.²⁰⁶ Пастора обвиняли ни более ни менее как в клевете на королевскую армию.

В указанный день Дроммер обратился к суду со следующими словами: «Во имя справедливости и для пользы дела законом запрещено кому бы то ни было клеветать на ближнего своего, оскорблять и ранить его достоинство. И меж частных лиц это самым строгим образом соблюдается. Тем более никому не позволено затрагивать честь и срамить персон высшего сословия или целое сообщество». Минувшей осенью пастор Кельх написал пребывавшему тогда в Стокгольме главному генерал-интенданту Лифляндии Николаусу Бергнусу письмо, в котором упрекнул находившуюся в Прибалтийских провинциях королевскую армию в безверии и откровенном богохульстве. Проявляется это-де в обжорстве, пьянстве, жульничестве и блуде, так что о страхе перед Богом и говорить не приходится. Едва же завидев противника, вся армия, якобы, самым постыдным образом бросается наутек. Тем самым Кельх смертельно оскорбил командующего шведской полевой армией Шлиппенбаха, а вместе с ним всех офицеров и низших чинов. Фискал настаивал, чтобы Кельх открыто покаялся в своем грехе, попросил прощения у всей армии и заодно покрыв судебные расходы.

Кельх в своем ответном послании от 16 февраля заметил, что фискал явно поспешил и выдвинул столь суровое обвинение, не имея на то никаких доказательств. По слухам, упомянутое письмо широко цитируется в Стокгольме, но Дроммер не может предъявить ни его оригинала, ни хотя бы заслуживающей доверия копии. Поэтому Кельх требует, чтобы письмо переслали в Ревель, что позволит сличить почерк. Пока же предъявленное обвинение бездоказательно. Пастор счел противоправным и противозаконным требование, чтобы он сам представил суду копию письма.

---

²⁰⁵ *Advocatus fisci* – государственный чиновник, в обязанности которого входили надзор за исполнением законов и соблюдением порядка судопроизводства, проведение предварительного следствия и выступление в суде в качестве официального обвинителя.

²⁰⁶ ЕАА, f 1, n 2, s 1984, 11–13.

Это, по его мнению, было бы равносильно тому, что «враг просит у тебя оружие и пушки, чтобы с тобой сразиться». Кельх признал, что у него сохранился черновик письма, но «было бы чрезмерным начать свидетельствовать против самого себя и предъявлять доказательства». Ни один закон не может его к этому принудить. Хронист стоял на своем, считая выдвинутые против него обвинения бесосновательными.

В конце июня фискал предъявил суду признания ряда свидетелей. Генерал-интендант Бергнус подтвердил, что Кельх ему написал и непотребно отозвался об армии, используя именно те выражения, кои были приведены обвинителем. Когда же Бергнуса попросили приложить к своим показаниям оригинал письма или его копию, то он сообщил под присягой, что письма у него больше нет, а куда оно девалось, ему неизвестно. Барон Габриель Шпарре и доктор Гернер свидетельствовали, что слышали, как письмо Кельха зачитывали в приемном покое вдовствующей королевы, т.е. бабушки Карла XII, и оно действительно унижало и оскорбляло армию Шлиппенбаха.

На этом материалы судебного процесса обрываются, и остается только гадать, чья сторона в конечном итоге взяла верх. Во всяком случае, в заключительной части своей Лифляндской хроники («*Continuation*») Кельх об этом эпизоде умалчивает. Зато он указывает на упадок дисциплины в шведских войсках после сражения под Хуммули и на трусость перед обнаглевшим противником. Войска Шлиппенбаха слишком рано встали на зимние квартиры, где гуляют и веселятся, как будто все обстоит наилучшим образом. В лагерях полно дам и пассий из высшего и низшего сословий. Причем женщин становится все больше, на что хронист риторически замечает, что ему неизвестно, на какие средства они живут. Один банкет следует за другим, примеру старших следуют подчиненные. Иными словами, офицеры впереди, а солдаты следом. На фоне всего этого противник постоянно небольшими отрядами, от шести до двенадцати человек, безнаказанно грабит деревни и мызы.²⁰⁷

²⁰⁷ С. KELCH (1875). 345.

В церковной книге Виру-Яагупи Кельх записал, что все офицеры, как высшие, так и низшие, за исключением двух полковников, пируют каждый день и постоянно ходят пьяные. Солдаты ведут себя подобным же образом, обижая при этом местных жителей. Не только при офицерах, но и при рядовых находятся жены и дети, к тому же воины обременены домашним хозяйством. При не слишком многочисленном войске крутится множество девиц легкого поведения. По ночам офицеры нередко заезжают в Раквере, где стреляют по окнам и учиняют всяческие беспорядки, так что бюргеры вынуждены себя защищать и даже отстреливаться.²⁰⁸ Судя по всему, Кельха никак нельзя назвать клеветником. Он был искренне озабочен низкой боеспособностью шведской полевой армии и упадком ее морального духа, что не сулило ничего хорошего Эстляндии и Лифляндии.

---

²⁰⁸ С. KELCH (1875). 590.

«ВОЗЬМУТ ОНИ ЭТО КРЫСИНОЕ ГНЕЗДО ТАРТУ»

Общее военно-политическое положение к этому моменту стало весьма интригующим. Завладев Курляндией, Карл XII в 1702 г. направился с основной армией в Польшу с намерением свергнуть Августа с престола. Август, по-заячьи петляя, ускользал от шведов, однако войско его было уже сильно потрепано. Единственным выходом из неприятного положения ему представлялась помощь Петра. Август хотел, чтобы весной 1704 г. основные силы русских прибыли в Польшу.

Этого же хотел, правда, совсем по иным соображениям, Паткуль, находящийся при королевском дворе. Паткуля беспокоили известия из Лифляндии. Военная удача медленно, но верно, склонялась в сторону русских. Паткуль писал российскому «первому министру» Федору Алексеевичу Головину: «Деликатнейший вопрос – темп (*читай: скорость решает все*), если кампания замедлится, спасти положение не удастся». Так же думали многие его современники. Один из прусских министров в письме Паткулю высказался так: «Простите великодушно, сударь, что я позволяю себе повториться, но царь действовал бы разумнее, наголову разбив шведского короля, а не занимаясь покорением городишек, которые все равно у него отберут».²⁰⁹

Генерал-майор Шлиппенбах тоже исходил из предположения, что русские поспешат на помощь Августу. В январе 1704 г. он предложил Карлу план, как воспрепятствовать объединению царских сил и не допустить похода на Польшу. Шлиппенбах полагал, что для этого следует соединить в один кулак все находящиеся в Эстляндии, Лифляндии и Курляндии шведские войска и вторгнуться в Россию. Карл план одобрил, но в жизнь претворять не стал.

---

²⁰⁹ Н.Е. UDDGREN (1911). 93–94.

Петра неудачи Августа не заботили. Чем дальше, тем меньше считался он с интересами союзника. Но отречься от старого друга было неловко, да и невысказано, потому что выход Августа из войны грозил оставить царя один на один со шведами. Так что Петр ограничивался обещаниями военной помощи и субсидий, но в Польшу намеревался пойти лишь в крайнем случае. Окрыленный успехом последних лет, снова поверивший в себя, Петр готовил удар по Тарту и Нарве. Он считал, что надо использовать момент, пока основные силы шведов завязли в Польше. И как только погода позволит, следует вторгнуться в Лифляндию, где придется осадить пару-тройку крепостей в надежде, что без поддержки извне они быстро падут. Петр даже пообещал Августу, что тут же передаст ему завоеванные города и тем самым укрепит положение поляков.

В январских высказываниях 1704 г. еще не назван конкретно ни один населенный пункт, подлежащий захвату, но можно предположить, что Тарту в их числе. Неожиданно и под большим секретом царь сообщил Шереметеву, что хочет видеть его войско в Польше. Август сообщил Петру о том, что регулярная польская армия перешла на сторону шведов. Во избежание худшего необходимо срочное вмешательство русских. Однако вскоре последовало успокаивающее известие: Август все же остается хозяином положения. 30 апреля 1704 г. Петр отдает Шереметеву приказ приступить к осаде Тарту. На это фельдмаршал посетовал, что гарнизон в городе уж очень силен. На что царь ответил что-то вроде: «Не дрейфь, фельдмаршал!» После вынужденной, но, к счастью русских, недолгой заминки на театре военных действий, приостановившей планы Петра относительно Лифляндии, 20 мая царь повторил свой приказ Шереметеву: немедленно выступить из-под Пскова в сторону Тарту.²¹⁰

Первым успехом русских в кампании 1704 г. стала операция против шведской флотилии на реке Эмайыги. Годом ранее шведы полностью хозяйничали на Чудском озере, изрядно досаждая

---

²¹⁰ R. WITTRAM (1964). 258; X. ПАЛЛИ (1966). 227; H. SEPP. *Zur Peters Kriegsplan gegen Est-, Liv- und Finnland für das Jahr 1704*. – Õpetatud Eesti Seltsi Aastaraamat 1931. Tartu, 1932. 55–56, 65–67.

русским. Теперь же решили «свейских супостатов» на озеро вовсе не пускать, а для этого надо было их опередить и перехватить в устье Эмайыги. В гонке, кто первым спустит суда на воду, верх одержали русские. 26 апреля генерал-майор Николай фон Верден во главе 7 066 солдат и стрельцов, везущих за собой восемнадцать пушек, отправился в устье Эмайыги. Сначала плыли вверх по реке, затем 3 мая высадились на берег в десяти милях от Кастре.²¹¹

Этой ранней весной коменданта Шютте заботило не столько передвижение противника, сколько бедственное положение вверенного ему гарнизона. Полковник паникером себя не считал, но терпение его иссякло, и он решил пожаловаться рижскому губернатору Карлу Густаву Фрёлиху. Провиант гарнизона оскудел настолько, что Шютте мог выдавать своим людям только немолотую рожь и буквально по нескольку горстей муки для похлебки. Плохое питание вскоре сказалось на здоровье солдат – начались болезни. Комендант не видел выхода.²¹² Не хватало денег, чтобы закупать более пристойную провизию и хотя бы самые необходимые медикаменты. Жизнь впроголодь и холодная затяжная весна ослабляли солдат, гарнизону грозила серьезная вспышка эпидемий.

В то же время шведы, начиная с апреля, готовили свои суда к предстоящим военным операциям на воде, намереваясь начать их, как только погода позволит. За последние четыре года флотилия на Эмайыги увеличилась от шести до четырнадцати судов. Заметно усилилась ее огневая мощь.²¹³ К судам были приписаны 320 матросов и 250 пехотинцев. Правда, пехотинцев флотские «одожили» в гарнизоне.

Предстоящим летом шведы опасались большого наступления русских войск и потому пытались максимально спутать их планы.

²¹¹ Х. ПАЛЛИ (1966). 224

²¹² ЕАА, f 278, n 1, s XX–12c, l 94–94r; К.Г. Шютте К.Г. Фрёлиху 13.3.1704.

²¹³ С. КЕЛСН (1875), 372. Больше других пушек (14) имел «Вахтмейстер», «Виктория» – 6, «Нумерс» и «Хорн» – по 4, «Карлскрон» – 12, «Штрёмфельд» – 5, флагманский корабль «Каролус» – 12, «Нарва» – 8, «Шлиппенбах» – 4, «Элефант» – 6, «Ульрика» – 10, «Шютте» – 8 и «Виват» – 6. Во флотилию входило также судно «Дорпат», но по неизвестной причине оно осталось в Тарту. См. Х. ПАЛЛИ (1966). 225–226.

Поэтому решили вывести суда в Чудское озеро как можно раньше, но нужный момент все же проспали. 16 апреля генерал-майор Шлиппенбах послал тартускому коменданту письмо, не лишнее ироничного подтекста. Он писал: «Надо полагать, Чудское озеро к данному моменту уже полностью освободилось ото льда, так что флотилия может отплыть с насиженного места. Ситуация такова, что ее бездеятельность для Тарту далее попросту нетерпима».²¹⁴ После этого командиру флотилией адмиралу Карлу Густаву Лошеру фон Герцфельду, кстати, получившему выучку в Голландии, тут же отдали приказ поднять паруса.

Однако выяснилось, что к тому времени к походу еще и готовиться-то не начинали. 22 апреля адмирал Лошер фон Герцфельд просит коменданта доставить пушки для вооружения кораблей. Орудия принадлежали адмиралтейству, но на зиму их сдали в Тартуский арсенал на хранение. Адмирал также хотел получить 250 хорошо вооруженных солдат.²¹⁵ Далее последовала нудная переписка по поводу получения боевого снаряжения, ядер, пороха и прочих материалов. А время все шло.

Наконец, 30 апреля Лошер фон Герцфельд доложил, что при попутном ветре флотилия готова поднять паруса. Правда, остается еще одна нерешенная проблема – корабельная касса совершенно пуста. Нечего выдать офицерам на пропитание и нечем покрыть другие необходимые расходы. Поэтому адмирал просит у коменданта кредит в размере четырехсот государственных талеров. Лишь 2 мая Шютте сообщил, что недостающие деньги – двести государственных талеров – для королевской флотилии, готовой к победоносному походу (*siegenfertig*) на Пейпус (*Чудское озеро*), он занял у магистрата, пообещав вернуть их в течение трех недель.²¹⁶

Вечером перед отплытием, назначенным на 3 мая, адмирал Лошер фон Герцфельд устроил на флагманском корабле «Каролус» банкет для своих друзей и офицеров гарнизона. Ночь

²¹⁴ *Öfversten och kommandanten Carl Gustaf om Dorpats belägring 1704.* – Karolinska krigares dagböcker jämte andra samtida skrifter. Del XI. Lund, 1916. 272.

²¹⁵ *Skyttes berättelse* (1916). 273.

²¹⁶ *Skyttes berättelse* (1916). 277–281.

напролет шла гульба, ревели трубы и грохотали барабаны. Торжество сопровождалось непрерывной пальбой из пушек и ружей. Весь этот шум и гам, наверняка, достиг ушей неприятеля и позволил ему основательно подготовиться к появлению шведов.²¹⁷ Рано утром эскадра двинулась в сторону Чудского озера. Шютте, по его словам, каждый день проводил разведку вокруг крепости и вдоль Эмайыги, насколько это позволяли внешние воды, но даже следов русского присутствия нигде не обнаружил.

После короткой остановки у деревни Луунья Лошер фон Герцфельд узнал от рыбаков, возвращавшихся в Тарту, что к устью Эмайыги подходят русские корабли (добрая сотня). Боясь, что флотилию могут не выпустить в озеро, адмирал велел прибавить ходу. Шведские корабли подняли якоря и тремя группами, под развернутыми парусами понеслись вниз по течению навстречу своей гибели.

Русские заранее узнали о приближении шведов и перекрыли им путь. Близ деревни Кастре они плотно связали свои суда, перегородив реку, а перед ними, чуть выше по течению, от берега до берега соорудили преграду из бревен. Проход для шведов был надежно закрыт. Часть пехотинцев и два полка стрельцов засели на кораблях. Остальные солдаты залегли по берегам реки. Получился «мешок», в который на полном ходу и влетела шведская эскадра. Случилось это утром 4 мая, между семью и восемью часами. Вместо того чтобы выдерживать боевой порядок, эскадра настолько растянулась, что с одного парусника не всегда был виден другой.²¹⁸ Когда на первых кораблях поняли, что их ждет впереди, спастись положение было уже поздно. К тому же река в том месте относительно узкая, а течение быстрое, что еще больше осложнило маневрирование. О возвращении в Тарту не могло быть и речи.

Когда же шведские матросы получили приказ открыть по неприятелю огонь из пушек и мушкетов, их ждало новое разочарование. Оказалось, что некоторые пушки на кораблях не

²¹⁷ С. KELCH (1875). 373; *Skyttes berättelse* (1916). 220.

²¹⁸ *Skyttes berättelse* (1916), 221; А. MOLLER (1755), 93; Х. ПАЛЛИ (1966). 226.

заряжены. Многие шведские солдаты, матросы и даже некоторые офицеры, находящиеся в хвосте эскадры, пользуясь моментом, прыгнули на берег и побежали в сторону Тарту. Другие все же попытались отогнать русских подальше от реки. Бой продолжался три часа. Дольше всех держался на флагмане «Каролус» сам Лошер фон Герцфельд. Но, видя безнадежность своего положения и не желая сдаваться в плен, адмирал бросил горящий факел в пороховой погреб и погиб вместе с взлетевшим на воздух кораблем.

Людские потери в бою под Кастре с обеих сторон были невелики. У шведов 142 человека попали в плен, около 190 погибли или дезертировали, более 240 офицеров и солдат сумели возвратиться в Тарту. У русских погибли подполковник, майор и 56 солдат, 162 человека получили ранения. В качестве трофеев им достались двенадцать кораблей с 86 орудиями, а также много разного имущества. Часть пушек шведы успели утопить в реке, но русские сумели их поднять.

Отбитые у шведов корабли с большим триумфом доставили в Псков. Затем их использовали в военных действиях и для транспортировки материалов, необходимых при осаде Нарвы.²¹⁹ Помимо поражения, ответственность за которое Шютте поспешил взвалить на погибшего адмирала,²²⁰ шведы понесли тяжелый стратегический урон. Отныне судоходство на Чудском озере полностью перешло под контроль России. Водный путь между Тарту и Нарвой, удобный для перевозки военных грузов, оказался отрезанным.

Как только в Тарту стало известно о катастрофе на Эмайгы, Шютте немедленно выслал к месту сражения четыреста солдат. Отряд получил задание пройти вдоль реки столь далеко, сколь это позволит весеннее половодье. Однако река разлилась так сильно,

---

²¹⁹ С. KELCH (1875). 373–374; X. ПАЛЛИ (1966). 226–227; *Ajalooline Emajõgi*. Tallinn, 1968. 58–59. Помещик фон Эссен из Кастре намеревался в свое время поднять «Каролус», но идея осталась неосуществленной, поскольку водолазы не обнаружили на останках корабля ничего ценного.

²²⁰ В связи с этим случаем Шютте решил провести в Тарту расследование, опрашивая всех прибывающих в город моряков. Существовал протокол, но позднее он попал к русским, захватившим Тарту.

что дуга, вместе с дорогами, по обоим берегам были затоплены на полмили. Передвигаться можно было только на лодках, поэтому отряд бесславно вернулся обратно. Но лейтенанту Иогану Нандельштеду удалось допросить одного русского офицера, чтобы узнать о дальнейших планах противника. В ответ он услышал, что «теперь возьмут они это крысиное гнездо Тарту».²²¹ Предчувствуя неизбежную осаду города и связанные с этим невзгоды, жена коменданта Шютте 7 мая выехала из Тарту в Ревель. К ней присоединились жены других высших офицеров.

В Петербурге, в только что возведенной Петропавловской церкви, состоялся благодарственный молебен в честь «пресчастливой» победы под Кастре. Царь на радостях написал фельдмаршалу Шереметеву, что остается только от всего сердца Господа Бога благодарить, ибо «таковые случаи Ему единому приписывать достоин». ²²² Русские задержались в устье Эмайыги на пару недель, ожидая прибытия новых судов. Время от времени они предпринимали набеги на окрестности, в результате чего больше всего пострадал район Алатскиви. Согласно записи, сделанной 13 мая управляющим мызы Карлом Киви, враг появился неожиданно и нанес большой урон. Заготовленные крестьянами копны сена были сброшены в воду, солдаты забрали одежду и скотину, угнали четырех лошадей, а остальных пристрелили. В одной относительно богатой деревне, примыкавшей к имению, русские убили трех женщин, а одну живьем посадили на кол и сожгли.²²³ Только в конце мая Шютте смог отрапортовать, что неприятель покинул устье Эмайыги, но о его дальнейших планах пока ничего неизвестно. Предположительно, русские ушли под Нарву.²²⁴ Но угроза, нависшая над Тарту, не миновала.

Уже на следующий день после получения царского приказа, 21 мая, Большой полк Бориса Шереметева, растянувшись длинной цепью, двинулся на город. Сам генерал-фельдмаршал поки-

²²¹ *Skyttes berättelse* (1916). 223–224; A. MOLLER (1755). 94

²²² R. WITTRAM (1964). 258.

²²³ ЕАА, f 278, n 1, s XX–12с, l 215, 217; К. Киви тартускому коменданту 13.5.1704; К.Г. Шютте рижскому губернатору 15.5.1704.

²²⁴ ЕАА, f 278, n 1, s XX–12с, l 223; К.Г. Шютте рижскому губернатору 22.5.1704.

нул Псков двумя днями позже. Часть войск решено было доставить к месту на кораблях, отбитых у шведов, и на своих баркасах. Правда, эти части прибыли с некоторым опозданием, так как им пришлось пережить непогоду в устье реки Великой. Российское военное командование направило на осаду Тарту в общей сложности 21 000 человек с пятьюдесятью пушками, мортирами и гаубицами.²²⁵

2 июня корнет Адольф Готтард фон Бурхаузен, вернувшись из разведки, доложил коменданту, что русские стоят уже около Кирумпя и наводят мосты через реку. Услышав эту новость, Шютте тотчас выслал отряд, дабы помешать переправе войск противника. Но прибывшие на место шведы отступили, увидев, что русские большими силами уже перешли реку. На следующий день эта печальная новость пришла в Тарту.²²⁶ Началась гонка со временем – жители пытались успеть подготовиться к неотвратимой осаде. Кое-кто воспользовался моментом и покинул город, но куда больше было тех, кто пришел искать защиту и укрытие за крепостными стенами.

Для наблюдения за дальнейшими действиями русских Шютте отправил всю имевшуюся в его распоряжении конницу. Командовал эскадроном в 120 лошадей сорокалетний майор Магнус фон Брёмсен, сын тартуского бургомистра Йохана фон Брёмсена.²²⁷ Вскоре поступило известие, что и русская конница пришла в движение, а это означало, что враг вот-вот появится под стенами города. В это же время из Пярну в Тарту отправился обоз из трехсот возов с солодом, прибытия которого можно было ожидать в любой момент. Чтобы ценный груз не достался неприятелю, комендант выслал навстречу обозу отряд под командованием

²²⁵ Х. ПАЛЛИ (1966). 227.

²²⁶ *Skyttes berättelse* (1916). 224.

²²⁷ Магнус фон Брёмсен в 1708 г. попал в плен к русским. Спустя несколько лет ему под залог разрешили на два месяца съездить в Швецию. Но Брёмсен и не думал возвращаться обратно, пока в 1720 г. сам король не распорядился, чтобы он отправлялся в Петербург, поскольку честь офицера превыше всего. В 1729 г. Брёмсен был выслан на поселение в Сибирь, где пять лет спустя умер в Красноярске. См. F.G. BIENEMANN. *Zur Geschichte der Belagerung Dorpats 1704: Major von Brömsen's Observationsjournal. – Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen Russlands*. Riga, 1895. 59–60.

лейтенанта Густава Мейера. Операция по доставке солода прошла успешно, так как у русских пока еще было маловато сил для атаки.²²⁸

Современный читатель может не понять, в чем состояла важность операции по спасению обоза с солодом. Дело в том, что в описываемую эпоху хмель был, можно сказать, стратегическим сырьем. Пиву, как и водке, тогда приписывали дезинфицирующее и даже лечебное свойство. Считалось, что пить пиво гораздо полезнее, чем воду, ибо от воды случаются многие болезни. Таков уж был печальный опыт частых эпидемий. К тому же во многих населенных пунктах и гарнизонах вода действительно была вредной для здоровья, так как загрязнялись не только поверхностные, но и глубинные водоносные слои. Больным и раненым предписывалось выдавать в день по штофу пива, чтобы запивать им лекарства. Иногда пиво заменяли квасом и только в самом крайнем случае – водой.²²⁹ Поэтому вполне понятно, что готовящемуся к осаде городу очень важно было иметь запас солода и хмеля.

В ночь на Троицу, 4 июня, примерно в половине двенадцатого тревожно забил городской колокол. Враг атаковал шведский форпост, вынудив солдат отступить под защиту крепостных стен. Русские подошли довольно близко к городу, и изрядное число всадников демонстративно гарцевали у всех на виду.²³⁰ С тартуских бастионов незваных гостей «приветствовали» пушечными выстрелами.

Немногом ранее, тем же днем, Шютте попросил майора Брёмсена письменно изложить свои соображения касательно вверенной ему конницы и общего положения крепости в свете предстоящей осады. Майор начал отчет с извинений и просьбы не истолковывать превратно его предложения. Брёмсен полагал, что его конный отряд, несомненно, принесет пользу городу, тем более что сухие склоны защитных валов позволяют совершать стремительные вылазки. О запасах фуража, как полагал майор,

²²⁸ *Skjyttes berättelse* (1916), 225; С. KELCH (1875). 377; Х. ПАЛЛИ (1966). 229. Палли почему-то пишет о 700 возах с солодом, тогда как по всем другим источникам их было 300.

²²⁹ M. LAIDRE (1999). 327–328.

²³⁰ ЕАА, f 995, n 1, s 287, l 163; С. KELCH (1875). 377.

комендант осведомлен лучше. Для укрепления крепости ничего существенного сделать уже невозможно, так как враг практически стоит у ворот. Но предвидя жестокий обстрел и вследствие этого разрушение укреплений, Брёмсен предлагал срочно собрать все бревна, жерди и прочий подходящий материал по ту и эту стороны реки Эмайыги, свезти в город и сложить близ бастионов в таких местах, откуда их легко будет взять для восстановления разрушенных стен.

По мнению майора, необходимо также запастись «испанскими всадниками». Так назывались передвижные препятствия для вражеской конницы и пехоты.²³¹ Словом, Брёмсен сделал немало полезных замечаний, хотя сам он подчеркивал, что прибыл в Тарту недавно и далеко идущих выводов делать не решается. Но, видимо, Шютте к нему для того и обратился, чтобы кто-то оценил ситуацию свежим взглядом и указал на уязвимые места, не замеченные самим комендантом. Когда враг на подходе, любой добрый совет на вес золота.

Шютте приказал офицерам готовить свои подразделения к осаде, распределив между ними посты. Численность шведского гарнизона в Тарту вместе с бюргерами и пришедшими в город крестьянами составляла 4 000–5 000 человек. Таким образом, соотношение осаждающих и обороняющихся составляло от четырех с половиной до пяти к одному. Это было меньше, чем в начале XVIII века считалось обычным по европейским понятиям. Нормальным в то время считалось соотношение семь к одному. Но тенденция была такова, что со временем осажденных стали атаковать меньшими силами.²³² Как правило, старались избегать сразу двух осад, потому что это распыляло живую силу и требовало огромных материальных ресурсов. Однако Петр решил одновременно захватить и Тарту, и Нарву, что, в свою очередь, сказалось на соотношении нападающих и обороняющихся. С другой стороны, это, безусловно, свидетельствовало о возросшей военной мощи Российского государства.

²³¹ F.G. BIENEMANN (1895). 56–58.

²³² Х. ПАЛЛИ (1966). 236; М. LAIDRE (1995). 22; Н.Р. СЛАВНИЦКИЙ. *Осада и взятие русскими войсками Дерпта*. – Мир в новое время. Санкт-Петербург, 2004. 81.

Из защитников Тарту примерно тысяча или более были эстонцами, служившими преимущественно в сельском ополчении Тарту, Пылтсамаа (*Оберпалена*) и Нью. Эти воинские части были созданы всего год назад, так что их выучка и боевой опыт оставляли желать лучшего.²³³ Однако, как показал ход дальнейших событий, они с честью выдержали боевое крещение. Эстонцы служили и в личном полку полковника Шютте, состоявшем в основном из лифляндских наемников.

Тартуская артиллерия выглядела довольно бледно. Вместо необходимых двухсот орудий крепость располагала всего 61 пушкой, и только 20 из них были новыми. Остальные пушки были старыми и изношенными, некоторые из них отлили еще в середине XVI века.²³⁴

Как уже было сказано, крепостные стены Тарту до начала боевых действий основательно укрепить не успели. Лучше обстояло дело на южной, юго-западной и западной сторонах, где и располагались все пять бастионов, названных именами шведских правителей. Правда, в источниках того времени они значатся просто под номерами – от первого до пятого.²³⁵ В скверном состоянии пребывала защитная полоса с востока, особенно вдоль реки Эмайыги от нынешнего Ботанического сада в сторону Ратушной площади.²³⁶

Тартуский комендант распределил оборонительные посты следующим образом.²³⁷ Финский полк полковника Магнуса Габриеля фон Тизенгаузена, получивший боевую закалку еще под Нарвой, поставили по линии от Немецких ворот (напротив

²³³ Указанные соединения в конце 1703 – начале 1704 г. были пополнены новобранцами, в результате чего неэстонцы (в основном немцы) составили примерно 30% их состава. См. К. KROON (2007). 271.

²³⁴ *Kungl. Artilleriet: Karl XI:s och Karl XII:s tid* (1993). 390; *Kungl. Artilleriet: Svenska artilleriet i Östergötlandsprovinserna* (2005). 237.

²³⁵ Если от реки Эмайыги двигаться по солнцу вокруг холма Тоомемяги, то порядок бастионов был следующим: Хедвиг Элеоноры (I), Карла IX (II), Карла X Густава (III), Густава Адольфа (IV) и Карла XI (V).

²³⁶ Из-за начавшейся войны остались недостроенными бастионы Густава I, Ульрики Элеоноры и Кристины. Одной из причин была также вязкая тяжелая почва.

²³⁷ *Skyttes berättelse* (1916); Н. SEPP. *Eesti sõjaväeosad ja Tartu kaitses aastal 1704 (Эстонские воинские части и оборона Тарту в 1704 году)*. – *Sõdur* Nr 7/8, 1933. 260.

арочного моста близ современной Ратушной площади) до бастионов Хедвиг Элеоноры (правее Немецких ворот около Эмайыги на месте бывшего Торгового пассажа) и Карла XI (за конторой Сведбанка в конце нынешней улицы Валликраави). Городские стены от бастиона Карла X Густава (на месте бывшего Анатомикума напротив Художественного музея) до бастиона Густава Адольфа (на месте бывшей клиники напротив Национального архива) защищали солдаты полка коменданта Шютте. Бастион Густава Адольфа был отдан под охрану горожан. Далее, бастион Карла XI (напротив долины Касситооме и улицы Ору) и ворота Святого Якова (на перекрестке улиц Якоби и Лай), а также внутренние стены между ними обороняли солдаты комендантского полка. От ворот Святого Якова до круглой башни Праости (в нынешнем Ботаническом саду со стороны улицы Кроонуайа) стоял полк Тартуского ополчения. От Пыточной башни (*Пийнаторн*, в нынешнем Ботаническом саду со стороны реки, на месте бывшей лодочной гавани) до Русских ворот (в конце улицы Лай, примерно на месте нынешнего спортзала) и по другую от них сторону занял позиции полк Пылтсамааского ополчения. Солдаты ополчения из Нью стояли рядом, вдоль Эмайыги до Немецких ворот.

На первый взгляд может показаться, что в менее защищенных местах крепости поставили наиболее слабо подготовленные воинские части. Но это не так. Атаки со стороны реки были маловероятны. Очень уж там был неподходящий ландшафт и заболоченные земли. К тому же той весной река разлилась необыкновенно широко, и даже к началу июня вода не спала, что обеспечивало городу дополнительную защиту.

На Троицу, 5 июня, комендант послал рапорты генерал-губернатору Эстляндии Акселю Юлиусу Делагарди, рижскому губернатору Фрёлиху и главнокомандующему шведской полевой армией генерал-майору Шлиппенбаху. Шютте писал, что будет защищаться, пока хватит сил, честно и храбро, но уже сейчас следовало бы подумать об оказании городу помощи. Силы поддержки, по разумению коменданта, хорошо бы отправить в путь еще до того, как враг подведет все свои войска к стенам города и окончательно окружит Тарту. Тогда пробиться через его ряды

будет гораздо труднее.²³⁸ Численность неприятельских войск комендант оценил в 70 000 солдат и офицеров, что базировалось на сведениях, поступивших от самих же русских, которые, естественно, для устрашения завышали эти цифры.²³⁹ Единственный ответ, который получил Шютте, пришел от генерал-губернатора Эстляндии, да и тот лишь призывал коменданта с честью исполнить свой долг. О спасательной экспедиции не было сказано ни слова.

В день Троицы противник выглядел значительно окрепшим, но его отряды по-прежнему были разрозненными и находились вне досягаемости выстрелов. Основные силы русских окружали Тарту со стороны мыз Ропка, Тамме и Вески. Около десяти вечера неприятеля видели переходящим реку близ мызы Хааслава, а утром 6 июня вражеские солдаты сновали вокруг всего города. К тому же по Тарту поползли слухи, что со стороны Чудского озера вверх по Эмайыги идет множество русских баркасов.

Шютте не оставалось ничего иного, как спалить городские предместья, которые он еще недавно так тщательно и с таким трудом укреплял.²⁴⁰ Исполнить приказ ранним утром 6 июня послали капитана Вильгельма Валентина Винна с сотней солдат. Комендант, понимая горе людей, у которых в предместье оставались дома и имущество, приказал первым поджечь свой собственный дом. Всех отныне бездомных город разместил по квартирам. Русские, заметив дым и пламя, попытались предотвратить большой пожар, но по ним со стен города открыли огонь из артиллерийских орудий и мушкетов. Потеряв несколько человек убитыми, неприятель отступил. Через несколько часов от предместья остались лишь печные трубы, дымящиеся головешки да кое-где чудом сохранившиеся деревья.

Пользуясь дымовой завесой, русские попытались угнать скот, пасшийся у крепостных стен, но конники майора фон Брём-

²³⁸ *Skyttes berättelse* (1916). 226.

²³⁹ В протоколах Тартуского магистрата численность русских войск оценивается в 30 000 человек, что гораздо ближе к действительности. См. ЕАА, f 995, n 1, s 287, l 163.

²⁴⁰ ЕАА, f 995, n 1, s 287, l 163,174; *Skyttes berättelse* (1916). 226–227; С. KELCH (1875),378; А. MOLLER (1755). 95.

сена отбили стадо и вернули в город. Современному читателю, наверное, покажется странным, что во время осады коровы, овцы и козы горожан паслись вне крепостных стен. Но для того времени это было обычным явлением. Так и в Тарту, когда с бастионов палили по врагу, а тот, в свою очередь, бомбардировал защитников, стадо преспокойно паслось на лугу перед крепостью. Объяснение очень простое: в средневековом городе скотину пасти было негде, так как привычных нашему взгляду газонов, парков и скверов меж домами просто не было. А скармливать летом запасенные на зиму корма было верхом глупости, так как возобновить запасы вряд ли бы удалось. Противник, понятное дело, всегда пытался угнать стадо, однако намеренно огонь по нему не открывал. Обеим воюющим сторонам скот нужен был живым.

В тот же день комендант приказал поджечь постройки мызы Тяхтвере, поскольку они находились близко к городу и могли быть использованы русскими в своих интересах. На чрезвычайном совещании, состоявшемся после вечернего богослужения, магистрат напомнил бюргерам о данной ими клятве и призвал сохранять верность шведскому королю. За строптивость и неповиновение грозил трибунал. Фактически это означало, что в городе устанавливаются законы военного времени. Тартуские привилегии уложили в сундук, обитый изнутри жостью, и отнесли в сводчатый подвал под ратушей. Всю переписку и документы канцелярии также поместили в специально предусмотренные ящики и замуровали в глубине подвала. Еще двумя днями ранее всем бюргерам и ремесленникам сообщили, что в связи с опасным положением им запрещается выезжать и выходить из города.²⁴¹ Находящимся же вне Тарту было приказано немедленно вернуться обратно. И неважно, каким образом они могли узнать о таком распоряжении.

Поскольку в город, спасаясь от русских, пришло много крестьянских семей, Шютте требовал, чтобы их размещение не причинило вреда и не повлекло за собой распространения болезней.

---

²⁴¹ F.K. GADEBUSCH (1782), Anhang: 313–314.

Иными словами, беженцев нельзя было селить слишком скученно, что уже само по себе создало бы условия для возникновения эпидемий. Комендант попросил магистрат представить список прибывших в город беженцев с указанием, кого можно использовать при обороне крепости. Он хотел также знать, сколько среди беженцев женщин и детей, старых, немощных и больных. И еще его интересовало, сколько у них при себе съестных припасов.

В ответ секретарь магистрата Филиппиус Келлер сообщил, что на учет приняты 97 человек, годных к обороне города, кроме того женщин, детей и немощных – 221 едок.²⁴² Что же касается продуктов, то картина печальная. У 152 человек, или 47% беженцев, не было с собой вообще никакой еды. Остальным запасов хватит на одну или две недели, максимум на месяц. Только у 14 человек запасов было на два и у пятерых – на четыре месяца. Многие крестьяне, помимо внесенных в список, как-то устроились под защитой крепостных орудий вне городских стен, но об их численности магистрат ничего не знает.

8 июня до обороняющихся дошли сведения, что вверх по Эмайги движется крупная флотилия противника. Услышав об этом, Шютте приказал майору фон Брёмсену под покровом короткой летней ночи выбраться из города на лодках, произвести большой шум у Квиссенталя и учинить там пожар, чтобы враг не мог воспользоваться селением. Но фон Брёмсену не удалось справиться с возложенным на него заданием.

Следующим утром в Тарту слышали, как русские начали палить из корабельных пушек. Всего насчитали 58 выстрелов. На этот раз стреляли не по городу, а в честь главнокомандующего русскими войсками Шереметева, лично прибывшего к войскам.²⁴³ Флотилия бросила якорь у села Ихасте, где ночью с кораблей сошла конница. 10 июня на берег выгрузилась пехота. Вечером шведы открыли с бастиона Карла X Густава яростный пушечный огонь по русской флотилии и поразили несколько кораблей,

²⁴² *Skyttes berättelse* (1916), 227. 289–291.

²⁴³ *Skyttes berättelse* (1916), 228; Н.Р. СЛАВНИЦКИЙ (2004). 82.

подошедших слишком близко к крепости. После этого эскадра отошла на безопасное расстояние.²⁴⁴

Русские приступили к сооружению двух лагерей: для пехоты за мызой Ропка и для конницы у мызы Раади. После ознакомления с местностью составили первоначальный план осады города. Работы начались одновременно с двух сторон. Противник стал рыть траншеи и строить орудийную батарею на горке Вылламяэ на северном берегу Эмайыги (в районе нынешних улиц Яама и Пуйестеэ), а также на горке Сынникумяэ (район Лилле и Рижской горки). Защитники крепости пытались по мере сил пушечным огнем мешать этим работам, надеясь затянуть осаду и дожидаться прибытия помощи. Возможно, кто-то думал, что у неприятеля, встретившего ожесточенное сопротивление, сдадут нервы, и он вообще откажется от штурма.

Согласно действовавшей в то время военной теории, к участку крепости, выбранному для атаки, должны были вести зигзагообразные глубокие траншеи, или апроши, благодаря которым осажденные не могли вести прицельный огонь по атакующим. По этим траншеям, невзирая на встречный огонь, пехота подбиралась к крепости. Когда она оказывалась в непосредственной близости от стен, в дело вступала осадная артиллерия, которая пробивала брешь в укреплениях. Для той же цели широко использовались мины. Затем пехота преодолевала оборонительный ров, и начинался штурм.²⁴⁵ Так выглядела общая схема взятия крепости. В действительности мало кто бился до последней капли крови, хотя и клялся в этом перед штурмом. Как только осажденные понимали, что не в силах больше отражать атаки, они сдавались. Нередко для этого хватало бреши, пробитой в крепостной стене. Фанатизм был чужд профессиональным военным начала XVIII века.

Траншеи, как правило, велись в три параллели. В самой дальней, отстоящей от крепости примерно на 600 метров, делали гнезда для мортир. Мортиры – предшественницы современных

²⁴⁴ *Skyttes berättelse* (1916), 229; С. KELCH (1875).379.

²⁴⁵ M. LAIDRE (1995). 132–133.

гранатометов – палили поверх крепостных валов и стен. Во второй линии траншей, в 300 метрах от крепости, ставились батареи тяжелой осадной артиллерии. Пушки размещались и в ближней траншее, всего в 150 метрах от крепостных стен. Они выдерживали от 900 до 1000 выстрелов. Чем больше был калибр пушек, тем эффективнее шел обстрел. Огонь вели залпами – десять, двенадцать или шестнадцать стволов одновременно. Идеальным считался вариант перекрестного огня по конкретному участку вала или стены.

В ночь на 11 июня русские завершили сооружение батарей на горке Вылламяэ и рано утром дали по городу три артиллерийских залпа.²⁴⁶ Одно ядро пробило тонкую средневековую стену крепости. Батарея на горке Сынникумяэ состояла из восемнадцати пушек и нескольких мортир. Оттуда противник вел обстрел бастионов Карла IX и Карла X Густава, а также башни Длинный Герман. Но пока это была лишь пристрелка. Для серьезной артиллерийской атаки у русских было маловато зарядов.²⁴⁷

Сразу же после первых залпов в городе приняли все меры предосторожности. Магистрат позаботился о воловьих шкурах, дабы горожане накрывали ими крыши домов, спасая от зажигательных снарядов. С деревянных домов приказали снять и спрятать в подвалы обшивку и легковоспламеняющуюся дранку с крыш. Торфяные крыши велели постоянно поливать водой. Весь порох, находящийся в домах у горожан, предлагалось немедленно снести на хранение в замок – так было надежнее. Кроме того, отцы города решили убрать с мощеных улиц булыжники и брусчатку, чтобы вражеские ядра не отскакивали рикошетом от камня и не причиняли лишнего вреда.²⁴⁸ Комендант слегка остудил ретивость ратманов, посоветовав не спешить с разбором крыш и мостовых. Возможно, в глубине души полковник надеялся, что все обойдется и городу не придется предпринимать столь радикальные меры.

²⁴⁶ *Skyttes berättelse* (1916). 229. Кельх ошибочно пишет о 33 выстрелах, что может быть простой опечаткой. См. С. KELCH (1875). 379.

²⁴⁷ Х. ПАЛЛИ (1966). 231; F.G. BIENEMANN (1895). 62.

²⁴⁸ ЕАА, f 995, n 1, s 287, l 159p–162; Протоколы Тартуского магистрата 11.6.1704; Там же: f 995, n 2, s 1752; К.Г. Шютте Тартускому магистрату 11.6.1704; F.K. GADEBUSCH (1782), Anhang: 314–315.

Днем позже комендант приказал повалить все печные трубы и вырубить сады, сохранившиеся на посадском пожарище, так как они закрывали цель осажленным и служили укрытием для нападавших. Шютте также велел скосить на глазах у противника еще не созревшую рожь, доставить ее в город и пустить на корм скоту и лошадям. Мера эта была вынужденная: враг изрядно потоптал посевы и норовил пасти на полях своих коней.

Утром 16 июня комендант известил бургомистра Реммина о том, что первой роте городского ополчения уже этим вечером предстоит занять посты на бастионе Густава Адольфа. Ратман Готфрид Газенфельдер предупредил, что не сможет пойти со всеми, так как все еще нездоров. Да и в аптеке у него дел по горло. Ведь ее надо перенести на холм Тоомемяги. К этому Газенфельдер добавил, что документы и кое-какое имущество богадельни он велел укрыть в подвале Яановской церкви и просит приглядеть, чтобы никто их не трогал без его ведома.²⁴⁹

Суету у городских ворот, где сновали солдаты с копнами свежескошенной ржи, использовал лейтенант Андерс Розелиус. Шведский морской офицер, он участвовал в сражении при Кастре, где потерпела поражение шведская флотилия, и чудом выбрался оттуда живым. Теперь же он самовольно покинул пост у Русских ворот, беспрепятственно вышел за стены города и направился напрямик в лагерь противника. Это было явным дезертирством при свете дня. Полковник Шютте предполагал, что перебежчика, с одной стороны, мучила совесть, с другой – он опасался, что ему еще не раз припомнят гибель кораблей и, возможно, все ошибки спишут на него. Но более вероятным кажется предположение, что Розелиус рассчитывал получить у русских более высокий чин. А поскольку он был опытным артиллеристом, его надежды вполне могли оправдаться.²⁵⁰ После падения Тарту этот, по словам Шютте, «прожженный плут и неверный

²⁴⁹ ЕАА, f 995, n 1, s 287, l 162–162p; Протоколы магистрата 16.6.1704.

²⁵⁰ *Skyttes berättelse* (1916), 230; С. KELCH (1875). 380. По другим данным, Розелиус вместе с несколькими приказчиками поскакал по направлению к Тяхтвере, откуда напрямик, прежде чем спутники догадались о его намерениях, махнул к русским. См. F.G. BIENEMANN (1895). 62.

подданный Его Королевского Величества» вошел в город вместе с русскими, не поднимая глаз. Видимо, стыда Розелнус все же не лишился. Впрочем, вскоре он уже хвастался своим «героическим поступком».

Результатом дезертирства Розелнуса стал более точный огонь противника по Русским воротам. Теперь враг знал слабые места крепости. Некоторое время спустя на позицию, покинутую Розелнусом, прибыл капитан от артиллерии Густав Монпенне и приказал открыть ответный огонь. Во время перестрелки произошел несчастный случай: ствол 18-фунтовой пушки разорвался, один бомбардир погиб, другой был ранен. Сам Монпенне был тяжело ранен в ногу.²⁵¹ В тот же момент рухнула сооруженная над воротами платформа, на которой стояли пушки. Но ее довольно быстро восстановили.²⁵²

В тот пасмурный день по приказу Шютте был произведен обстрел вражеского лагеря, да так удачно, что снаряды легли как раз туда, где укрывались пятьсот лошадей русской конницы. Большая часть перепуганных животных сорвалась с привязи и ускакала в сторону леса. Русским пришлось изрядно попотеть, пока они их искали, ловили и успокаивали. Ответная вылазка не заставила себя ждать. Воспользовавшись густым ночным туманом, русские стали усердно копать траншеи, подбираясь ближе к городу. Противник произвел также несколько пушечных выстрелов по стене у Русских ворот и выпустил в том же направлении три бомбы, но они упали, не долетев до цели.

Рано утром 13 июня, когда рассвело, осажденные неожиданно обнаружили, что несмотря на пушечный огонь, противник, используя переносные фашины,²⁵³ уже достиг пригородов у Русских и Немецких ворот. В своем письме Густаву Адольфу Штрёмфельду комендант выразил тревогу по поводу того, что русские апроши в некоторых местах подошли на расстояние всего

²⁵¹ *Skyttes berättelse* (1916). 231.

²⁵² Если Шютте говорит о платформе (*Etache*), то другие источники называют сооружение, стоящее у ворот, башней. См. С. KELCH (1875). 381; А. MOLLER (1755). 97.

²⁵³ Корзины, сплетенные из высоких прутьев и наполненные землей и камнями. Под их прикрытием можно было обстреливать крепость.

трехсот шагов от оборонительных сооружений.²⁵⁴ В то же время этот эпизод свидетельствует, что кольцо вокруг Тарту к тому времени еще не сомкнулось, и Шютте через людей, хорошо знавших окрестности города, удавалось переправлять сообщения в Пярну, Ревель и другие города.

Шведская конница совершила две стремительных вылазки, пытаясь выбить русских с их позиций. С бастионов и валов открыли пушечный огонь, который продолжался непрерывно день ночь, причинив неприятелю существенный урон. Бюргеры, наблюдавшие за происходящим с ратушной башни, видели, как с наступлением сумерек перед крепостной стеной появились русские и унесли убитых и раненых.²⁵⁵

14 июня осажденные продолжили обстрел батарей и траншей противника. Русские на огонь не отвечали, вели себя тихо. Но около семи часов вечера начали бомбить город сразу из восьми мортир. В ту ночь на Тарту упали 34 бомбы, на другой день – 27 и на третий – 18, после чего обстрел прекратился. Интенсивная стрельба и взрывы бомб поначалу вызывали у горожан ужас, но понемногу они стали привыкать к канонаде. Комендант пытался вдохновить их личным примером, но это, конечно, не защищало от вражеских бомб, наносивших большой урон людям и строениям.²⁵⁶ За короткий срок появилось много раненых, лекарям не хватало перевязочных материалов, и Шютте велел всем гражданам пожертвовать по простыне на повязки.

Тем временем противник прямым попаданием разрушил оружейную платформу, построенную на Русских воротах. Комендант вызвал фортификатора Ларса Глансберга, чтобы вместе обдумать план защиты ворот. Было принято решение соорудить перед Русскими воротами земляной бруствер в виде полумесяца, за которым можно было бы разместить шесть пушек. В тот же день на строительные работы откомандировали триста человек.

²⁵⁴ Х. ПАЛЛИ (1966). 232.

²⁵⁵ *Skyttes berättelse* (1916). 223; С. KELCH (1875). 381.

²⁵⁶ *Skyttes berättelse* (1916). 232. Напротив, по данным Палли, в те дни в результате обстрела Тарту прямым попаданием были разрушены лишь два дома, и погибли три крестьянина. См. Х. ПАЛЛИ (1966). 232.

Несколько дней спустя Шютте обсудил сооружение бруствера с высшими офицерами, которых вызвали на главный сторожевой пост Тоомеяги. Причиной послужило мнение артиллерийского майора Густава Лёфлинга, считавшего, что это строительство не имеет смысла. Майор пояснил, что, по его мнению, место, выбранное для оборонительного сооружения, слишком болотистое и потому не совсем подходит. Сомнительно также, следует ли для выполнения этой задачи привлекать солдат, которым приходится работать по пояс в воде. В ответ майор услышал, что во время осады не следует думать о том, насколько трудна и изнурительна работа солдат, ибо это – их святая обязанность. Решили также, что бруствер – сооружение временное, необходимое, пока не минует опасность. А капитан-фортификатор Глансберг подчеркнул, что бруствер крайне необходим. Он защищает оголенную стену между воротами Светого Якова и Немецкими, а также непосредственно Русские ворота, на которые нацелены неприятельские орудия.²⁵⁷

15 июня в городе заметили, что зигзаги апрошей вновь приблизились к крепостной стене между Русскими и Немецкими воротами. По ним с бастиона Хедвиг Элеоноры метнули бомбы и пальнули из пушек.²⁵⁸ Но при этом ствол 18-фунтовой пушки опять разорвался, убив констебля и ранив шкипера.

Неожиданно по городу распространились слухи о скором прибытии подмоги из Ревеля, что вселило в сердца защитников новые надежды. Так как часть войск неприятеля отошла на Ревельскую дорогу, тартусцы решили, что русские двинулись навстречу приближающимся шведским войскам. Комендант, оставив часть солдат охранять городские ворота и защищать бастионы, направил остальных к оборонительному рву, откуда было удобно атаковать русских и тем самым облегчить проход вспомогательных войск в город. Некоторое время они просто-яли в боевой готовности, но вскоре поняли, что ждут напрасно. С досады шведы открыли пальбу с бастионов по всему, что дви-

²⁵⁷ *Skyttes berättelse* (1916). 235ö 292.294; *Kungl. Artilleriet: Karl XI:s och Karl XII:s tid* (1993). 390; *Kungl. Artilleriet: Svenska artilleriet i Östersjöprovinserna* (2005). 237.

²⁵⁸ *Skyttes berättelse* (1916). 233; С. KELCH (1875). 385.

галось в лагере противника. Белая ночь позволяла видеть, как отходят русские, и слышать, как они говорят друг другу: «Поди, поди».²⁵⁹ Днем стало окончательно ясно, что никакой спасательной экспедиции не было. Просто русские основательно прошлись по окрестным хуторам и мызам, сгоняя скот для своих нужд.

Видя перед городом неприятеля, занявшегося укреплением батарей и траншейных ходов сплетенными из хвороста фашинами, комендант счел не лишним ударить по ним из пушек. Пользы особой это не принесло, ибо русские держались в основном вне досягаемости снарядов. Затем из крепости метнули по врагу несколько бомб, и одна из них разом уложила троих солдат, тащивших фащину. Из города также выпустили отряд конников, который прогнал неприятеля до последних апрошей. Но затем, наскочив на мушкетный огонь, шведы повернули назад.

17 июня, в Прощеный день по лютеранскому календарю, противник вел себя спокойно, но продолжал заниматься осадными работами. В то время как многие бюргеры и солдаты были в церкви, русские решили, воспользовавшись моментом, угнать городское стадо в свой лагерь. Но защитники крепости проявили бдительность и отстояли своих кормильцев. 18 июня противник лениво обстреливал и бомбардировал Тарту. Имела место небольшая стычка между шведскими конниками и русскими драгунами, в ходе которой один драгун был застрелен. Шведы забрали себе его мундир и пику.²⁶⁰

19 июня сосредоточение главных сил Шереметева под Тарту завершилось. Русские навели у Квиссенталя мост через Эмайыги и устроили новый лагерь за сгоревшей мызой Тяхтвере. Тем самым определилось третье направление штурма, нацеленное на длинный участок стены между воротами Святого Якова и Пыточной башней (в конце той стены Ботанического сада, что обращена к реке). С этого момента противник мог обстреливать город со всех сторон.

²⁵⁹ *Skyttes berättelse* (1916). 234.

²⁶⁰ *Skyttes berättelse* (1916). 235; С. KELCH (1875). 386.

С бастиона Карла XI под руководством артиллерийского капитана Густава Монпенне днем и ночью производился обстрел русского лагеря у горки Тяхтвере. Стрельба велась одновременно из семи пушек, больше на бастионе просто не помещалось.²⁶¹ Но учитывая численность противника и то, с какой легкостью русское военное командование жертвовало жизнями простых солдат, положение шведов становилось все тяжелее. Несмотря на интенсивный обстрел, русские траншеи постепенно приближались к крепости. Некоторые драгуны лихо проносились на своих лошадях под огнем шведских пушек, провоцируя защитников. Под одним из таких героев пушечным ядром убило лошадь, но сам он остался цел и стремглав побежал к своим.

Давление русских все возрастало. В течение последующих двух недель осажденные убедились, что ад может быть и на земле. По данным защитников, противник за это время выпустил по городу 1499 бомб, не считая зажигательных снарядов.²⁶² Испытания, выпавшие на долю Тарту, трудно описать словами. Людям было некуда скрыться, не осталось ни одного безопасного уголка, их могли в любой момент убить или покалечить. Страшнее самой смерти стало ожидание близкого конца. По словам Шютте, в городе повсюду слышались крики, стоны раненых и умирающих. Однако в кратком отчете об осадном положении, составленном для Карла XII, он не хотел на этом подробно останавливаться. В то же время комендант считал, что о переживаемых трудностях «лучше было бы покорно доложить Его Королевскому Величеству устно».²⁶³ Как старый вояка он, прежде всего, переживал за свой гарнизон, тяготы гражданского населения представлялись ему второстепенными.

Бомбы, сеющие смерть, настигали горожан даже в церквях, где они искали спасения. В течение двух недель, о которых идет речь, только в церковь Святой Марии попало более пятидесяти бомб. Они полностью разрушили крышу и своды храма, кафедру и скамьи. Одна бомба угодила в церковь в тот момент, когда пастор,

²⁶¹ *Skjyttes berättelse* (1916). 236–237.

²⁶² *Skjyttes berättelse* (1916). 235–240; С. KELCH (1875). 386–388.

²⁶³ *Skjyttes berättelse* (1916). 237; С. KELCH (1875). 387.

стоя перед алтарем, причащал бойцов батальона Пылтсамааского ополчения. За тот же период пятнадцать бомб попали в Яановскую церковь, повредив шпиль и обрушив крышу. Досталось и ратуше, где полностью выгорел зал судебных заседаний, в руины превратилось здание университета. Были разрушены городская важня, два каменных строения на Торговой площади, шведская школа и солдатские казармы на холме Тоомемяги. Сильно пострадали башня Длинный Герман и арсенал. На валу одно из орудий после прямого попадания разлетелось на куски. А на бастионах Карла X Густава и Густава Адольфа огнем противника разнесло все шведские батареи. К счастью, их все же удалось восстановить.

Когда комендант инспектировал бастион Карла XI, противник открыл такой бешеный огонь, что невозможно было поднять головы. Кругом летели пули и рвались бомбы. Дважды, когда Шютте участвовал в богослужении на Тоомемяги и осматривал разрушения в городе, бомбы падали совсем близко. Одна разорвалась буквально в десяти шагах, чудом не причинив ему вреда. Зато находившегося поблизости солдата разнесло в клочья. Русские стреляли по всему городу. Они целились и по оборонительным сооружениям, и по общественным зданиям, если их шпили или крыши возвышались над валами и стенами. Били как по стратегическим объектам, расположение которых было известно, так и просто наугад, по жилым домам. По современным понятиям, противник применил массированную террористическую бомбардировку с целью нанесения максимального урона, чтобы психологически сломить защитников крепости. В Тарту были повреждены или полностью разрушены около ста зданий, причем во многие из них снаряды попадали неоднократно.²⁶⁴ И все это в течение только двух недель.

Выпущенные по городу пушечные ядра и неразорвавшиеся, т.н. немые бомбы защитники собрали в большие кучи. Из них выбирали то, что подходило по калибру к шведским орудиям, и отправляли в обратный путь на головы неприятеля. Боезапасы

²⁶⁴ EAA, f 995, n 1, s 287, l 163p–168; *Skyttes berättelse* (1916). 236–242, 308–314; A. MOLLER (1755). 97; C. KELCH (1875). 387–388; X. ПАЛЛИ (1966). 233. Повреждения получили, по меньшей мере, 99 строений. Но Палли считает, что их было только 28.

расходовались экономно, хотя поначалу в Тарту их вполне хватало.

22 июня после обеда стрельба прекратилась. Около шести часов вечера в русском лагере, расположенном в Ропка, ударили в барабаны. Это означало, что неприятель желает вступить в контакт с защитниками крепости. Шютте велел бить ответный сигнал. Вскоре перед городскими стенами появился русский барабанщик, уполномоченный вручить послание от полковника Рудольфа Феликса Бауэра. В нем содержалась просьба передать друзьям и знакомым письма шведов, попавших в плен при сражении под Кастре. В основном пленники хотели, чтобы им прислали те или иные вещи, в которых они особенно нуждались. Так, лейтенанта Альбрехта фон Нумерса, попавшего в плен к русским, обчистили настолько, что у него из одежды остались только рубаха и подштанники. Теперь же Нумерс хотел, чтобы тартуский бюргер, у которого он жил, переслал ему старый серый сюртук и брюки, а также дорожную котомку. Остальные свои вещи он просил сохранить. В тот момент лейтенант не знал, что свое имущество он больше никогда не увидит. Через 18 лет Нумерс умрет в Калуге, куда будет сослан.²⁶⁵

Комендант ответил русскому барабанщику через своего переводчика Иогана Гера (который через пять дней будет ранен и потеряет ребенка при бомбежке), что письма передадут адресатам. А захочет ли кто из них послать какие-нибудь вещи или нет, он даст знать, хотя и считает это пустой затеей. На этом вопрос был исчерпан. Те же, к кому были обращены письма, также выразили сомнение, что испрашиваемые вещи дойдут до пленников. По указанию Шютте, никакого ответа русским не последовало.

Через четверть часа после того, как барабанщик вернулся в свой лагерь, противник возобновил обстрел и бомбардировку Тарту. Канонада продолжалась всю ночь до середины следующего дня. Некоторые бомбы попали в продуктовый склад, разрушив потолочные перекрытия и повредив мешки с зерном.

²⁶⁵ *Skyttes berättelse* (1916). 238–239, 294–295.

23 июня, около шести часов вечера, ядро угодило в шпиль Домского собора и подожгло сено, припасенное там для лошадей кавалерии. Шютте быстро собрал пожарную команду, и ей, с помощью Неба, ниспославшего сильный дождь, удалось справиться с огнем.²⁶⁶ Между тем неприятель, несмотря на встречный огонь, находился уже на расстоянии тридцати шагов от ворот Святого Якова, где устанавливал батарею из пушек и мортир. Так близко к городу русские еще не подбирались. Основные усилия они сосредоточили на участке шведской обороны от бастиона Карла XI под горкой Тяхтвере до Пыточной башни на берегу Эмайыги. Положение становилось все опаснее.

Совершая очередной обход города, комендант заметил, что пожарные плохо справляются со своими обязанностями, то ли страшась вражеских бомб, то ли попросту из-за небрежности. В тот же день, 27 июня, Шютте направил соответствующее письмо бургомистру и магистрату.²⁶⁷ Он призвал пожарных быть внимательнее и отмечать, в какие дома, как часто попадают снаряды и какие вызывают разрушения. Комендант требовал также точного учета людских потерь.

Вызывало беспокойство и то, что трупы коров и лошадей, погибших от бомбардировок, лежат на улицах и быстро разлагаются, распространяя ужасный смрад и грозя городу эпидемией. Шютте приказал немедленно убрать падаль, закопав ее как можно глубже. Комендант обратил внимание магистрата и на то, что с наступлением сумерек некоторые посадские выходят за ворота. Какбы ночью, под носом у противника, они ловят в реке рыбу. Комендант счел этот довод весьма сомнительным и велел предупредить «рыбаков», что впредь их будут расстреливать на месте. Тех же, кто проскочит мимо стражи и вернется в город, отдадут под суд и приговорят к смерти.

В своем описании осады, составленном годом позже, Шютте признал, что рыбаками оказались, в основном, мальчишки. Виноватыми признали и стражников, разрешавшим юнцам

²⁶⁶ *Skyttes berättelse* (1916). 240; A. MOLLER (1755). 99.

²⁶⁷ ЕАА, f 995, n 2, s 1754; К.Г. Шютте Тартускому магистрату 27.6.1704; *Skyttes berättelse* (1916). 242.

выходить за ворота. Комендант же более всего опасался, что кто-то из горожан переметнется к неприятелю и сообщит важные данные о положении в крепости.

Тем временем на реке под звуки музыки вновь появилась где-то пропадавшая вражеская флотилия. На шведских кораблях, попавших в руки русских, развевались красные флаги, которые, по всей видимости, должны были провоцировать защитников крепости и показать им, на чьей стороне сила.²⁶⁸

Шютте отдавал себе отчет в том, что давление русских на бастион Карла XI и ворота Святого Якова все возрастает, и противостоять ему пока не удается. Опасаясь предстоящего штурма, он решил совершить вылазку и тем самым как-то облегчить положение гарнизона.²⁶⁹ Полковник надеялся вызвать хаос в рядах неприятеля, остудить его пыл и, по возможности, уничтожить траншеи и артиллерийские батареи, подступившие к городу. Кроме того, комендант хотел взять «языка», чтобы узнать о вражеских планах. И главное – удачная вылазка позволила бы выиграть время и дожидаться подкрепления, на что в глубине души все по-прежнему надеялись.

Все эти доводы комендант изложил на специально созванном совете высших офицерских чинов. Некоторые из них не согласились с предложенным планом, а полковник Магнус Габриель фон Тизенгаузен не промолвил ни слова.

Шютте понял, что сомневающиеся ничего не имеют против вылазки, если только им самим не придется участвовать в этой рискованной операции.²⁷⁰ Поскольку же большинство офицеров одобрило выдвинутый план, осуществить его решили как можно скорее.

Вылазку провели утром 28 июня, между девятью и десятью часами.²⁷¹ В ней участвовали 500 пехотинцев под руководством подполковника Юргена Иогана Бранда. Вместе с отрядом послали

²⁶⁸ A. MOLLER (1755). 99–100

²⁶⁹ *Skyttes berättelse* (1916). 242–245; C. KELCH (1875). 389–390; X. ПАЛЛИ (1966). 233–235.

²⁷⁰ *Skyttes berättelse* (1916). 243.

²⁷¹ *Skyttes berättelse* (1916). 243–245; C. KELCH (1875). 390; F.G. BIENEMANN (1895). 63; X. ПАЛЛИ (1966). 234–235.

крестьян и посадских с лопатами, топорами и пилами. Задачей было: уничтожить защитные сооружения неприятеля, засыпать землей и забросать камнями траншейные ходы. К вылазке присоединились также 120 конников майора Магнуса фон Брёмсена и около тридцати молодых бюргеров в новых мундирах и на хороших лошадях. По плану Шютте, шведская пехота в двух местах должна была прорвать русские апроши у ворот Святого Якова. В это время конники Брёмсена пронесутся вдоль траншейных ходов, атакуя противника с тыла и отрезая ему путь к отступлению.

Однако нерешительность участников вылазки не позволила выполнить намеченный план в полной мере. Бранд прорвал неприятельские укрепления только в одном месте и застрял в узких апрошах, где завязалась кровавая схватка. Помощи ему не оказали, так как майор Брёмсен тоже не справился с возложенной на него задачей. Вместо того чтобы атаковать траншеи, его конники вступили в сражение с полевыми постами противника. Русские, наоборот, после первого испуга быстро опомнились и послали к стенам подкрепление из Тяхтвереского лагеря. Против майора Брёмсена был брошен эскадрон драгун на белых конях. Пуля попала в в грудь ротмистра Эрика Иогана фон Хольдена, но, благодаря доспехам, не причинила вреда. Только сильный пушечный огонь с бастиона Карла XI, башни Базилевича²⁷² на холме Тооомяги и из ворот Святого Якова, который открыли защитники города, спас шведскую конницу от гибели.

С пехотой дело обстояло еще хуже. После того, как подполковник Бранд был смертельно ранен, командование взял на себя капитан Вильгельм Валентин Винн. Отчаянный бой продолжался целый час, но из-за превосходящих сил противника пехотинцы были вынуждены отступить в крепость. По утверждению Шютте, неприятель потерял убитыми почти 400 солдат, что, вроде бы, подтвердили и русские офицеры. Но главная цель вылазки так

---

²⁷² Башня Базилевича, или Русская располагалась на вершине холма Тооомяги, в его северо-западной части. Большая двухэтажная орудийная башня, диаметром около 25–30 м, служила также тюрьмой. Она была построена русскими после 1558 года.

и не была достигнута. Данные Шютте о потерях русской стороны были сильно преувеличены и предназначались, скорее, для оправдания неудачи. На самом деле потери русских в этой стычке составили 14 человек убитыми и 50 ранеными. У шведов помимо подполковника Бранда были убиты капитан Эрик Брокман, один лейтенант, три прапорщика и тридцать солдат. Пятнадцать человек попали в плен, в их числе капитаны Густав Фредрик фон Швенгельн и Якоб фон Цвайберг. Скорее всего, потери шведов были еще большими, на что указывают показания самих защитников крепости.²⁷³ Их боевому духу был нанесен непоправимый урон.

Через некоторое время из лагеря противника на имя коменданта поступило письмо от полковника Бауера. Со ссылкой на просьбу двух плененных капитанов, русские предлагали прислать из крепости барабанщика, который опознал бы погибших шведов и предал бы тела земле.²⁷⁴ Одновременно в город пришли письма от Швенгельна, Цвайберга и пастора Бернхарда Олдекопа, которые рассказывали о своем положении в плену. Бедолаги возносили до небес благородство противника и утверждали, что для них наступили благословенные дни, хотя прошло лишь несколько часов с того момента, когда они вкусили все прелести русского «гостеприимства».²⁷⁵

Капитан Швенгельн писал своим родителям, находившимся в Тарту, что он довольно тяжело ранен, но храбрый фельдмаршал Шереметев, неустанно заботящийся о пленных, сразу велел сделать ему перевязку. А еще Швенгельн просил мать и отца переслать ему брюки, рубашку, парик и шляпу. Со своей стороны, он передал родителям ключи и немного денег, которые были с ним во время вылазки. Отца он просил поговорить с комендантом Шютте, чтобы тот переслал ему месячное жалованье. В конце своего письма Швенгельн сообщал, что русское военное коман-

²⁷³ *Skyttes berättelse* (1916). 296. В перечне потерь, составленном сразу после операции, значится: «Помимо этих людей еще многие офицеры и солдаты не вернулись из вылазки (*считай, погибли или пропали без вести*), что невозможно полностью выяснить, пока не будет переговорено с офицерами других полков и батальонов».

²⁷⁴ *Skyttes berättelse* (1916). 296–297.

²⁷⁵ *Skyttes berättelse* (1916). 297–300; С. KELCH (1875). 390.

дование очень удивлено тем, что комендант крепости, допустивший столь большое кровопролитие, не выказывает сочувствия пострадавшим.

Письмо капитана Цвайберга было адресовано жене. Он советовал ей, матери и детям покинуть город, пока еще целы лошади. И тут не обошлось без Шереметева, который якобы клятвенно обещал капитану, пока еще есть возможность, переправить его близких в надежное место, ибо будущее не сулит Тарту ничего хорошего. Цвайберг советовал жене испросить у коменданта разрешение покинуть город. Далее он писал, что Шютте все равно не сможет спасти крепость, поскольку никто не ожидал, что неприятель придет сюда с такими силами. «Будет лучше, если вы выйдете, иначе город будет взят штурмом, и тогда не пожалеют даже грудных младенцев», – убеждал Цвайберг семью. В конце письма он тоже хвалил русских за хорошее отношение к пленным. Подумать только, сам фельдмаршал предложил, чтобы капитан под честное слово сходил в город и поговорил со своими близкими и друзьями! Но он, Цвайберг, боится, что комендант его из крепости не выпустит. И тогда он окажется бесчестным человеком, что для настоящего офицера хуже смерти. Цвайберг предлагал, чтобы комендант не тянул время и сдал город, иначе прольется много христианской крови.

Автор третьего письма, пастор Олдекоп, писал тартуским родственникам о своих приключениях. Это был душераздирающий рассказ о том, как он со своими близкими три недели прятался в густом лесу и на болотах. Каждый день он мог оказаться в руках голодных крестьян или рыскающих повсюду военных. В конце концов, пастор потерял своих спутников из виду. Три дня он бродил без еды и питья, порой по колено в болоте, пока не решился пойти в сторону русского лагеря. Там фельдмаршал Шереметев сразу взял его под свою опеку и дал в помощь сотню драгун, сплошь из дворян, чтобы пастор мог найти в лесу жену, детей и скотину. Их, конечно, сразу же нашли и препроводили в лагерь к русским. Олдекопу выделили роскошную палатку, в которой он прожил три дня, после чего под охраной военных отбыл в деревню Арала, где для содержания скотины были лучшие условия.

Олдекоп просил родственника, чтобы в пятницу перед праздником Троицы тот не забыл проветрить белую алтарную скатерть, которую пастор вынул из сундука. Он просил также сохранить другие его вещи, за что наперед благодарил.

Во всех посланиях бросается в глаза откровенная пропаганда, которая должна была психологически подействовать на защитников Тарту. С одной стороны, им внушали, что дальнейшее сопротивление бессмысленно, повлечет за собой неизбежное разрушение города и большое кровопролитие. С другой стороны, подчеркивалось благородство и великодушие русских по отношению к пленным. Следовательно, так же обойдутся и с другими, если они сдадутся. Расчет был на то, что слова бывших товарищей по оружию окажутся более действенными, чем прямые призывы противника. Особого эффекта эти письма не произвели, но какое-то сомнение в умах защитников посеяли.

Тем не менее, комендант остался верен себе, во всяком случае, внешне. Русскому барабанщику сказали, что Шютте напишет Шереметеву по поводу погребения погибших. Русские похоронили своих павших вечером того же дня и дали орудийный залп в их честь.²⁷⁶

Утром 29 июня шведский барабанщик отнес письмо коменданта командующему неприятельскими войсками. Шютте благодарил Шереметева за возможность похоронить погибших и просил положить их тела у траншей со стороны города, откуда их проще забрать. Он также высказал пожелание, чтобы к шведским пленным относились с уважением, а получение переданных им вещей подтвердили распиской.²⁷⁷ Ближе к полудню гонец с ответом от русских вернулся в Тарту. Как и ранее, писал полковник Бауэр, поскольку Шереметев не считал коменданта равным себе. По предложению Бауэра, из крепости за телами погибших мог выйти старший офицер с десятью солдатами. Русские обещали вынести тела из апрошей и барабанным сигналом оповестить начало их передачи. В письме также упоминалось, что в русском

²⁷⁶ *Skyttes berättelse* (1916). 245.

²⁷⁷ *Skyttes berättelse* (1916). 301.

лагере находится сапожник, два года назад взятый в плен под Хуммули, и он просит коменданта выпустить его жену из Тарту. Еще русские хотели узнать о судьбе своего солдата или обозника, вроде бы захваченного шведами. Фельдмаршал Шереметев пожелал, чтобы этого человека освободили и отправили к своим.²⁷⁸

Как только русские зашевелились в апрошах, из крепости вышел капитан Паули и с ним десять солдат. Далее все происходило согласно договоренности. На край траншеи были подняты два низких гроба, покрытых зеленой тканью. В них покоились подполковник Бранд и капитан Брокман. Остальные тела шведов, внесенных в список, лежали на земле совершенно нагие. Таков был обычай того времени: одежда погибшего противника считалась военным трофеем. Капитан Паули велел поднять павших на носилки и отнести в город, где их, согласно званию и сословию, отпели в церкви и похоронили на кладбище. Во время передачи тел к траншеям подошли полковники русской армии Бауэр и Фридрих Балк, чтобы поговорить со шведскими офицерами.²⁷⁹ В этом не было ничего странного. Офицеры враждующих сторон уже по статусу должны были вести себя по-джентльменски. В конце концов, у них было куда больше общего друг с другом, чем с их солдатами. Войну они воспринимали как честную игру, в которой есть место обмену знаками вежливости с противником.²⁸⁰

В том же контексте следует воспринимать желание полковника Бауэра встретиться с находящимся на шведской службе ротмистром Нольде, которого он узнал в ходе стычки во время вылазки. Оказалось, что Бауэр, будучи еще лейтенантом, служил под началом Нольде в Эстляндии. Вообще, это был человек интересной судьбы.²⁸¹ Родом из Гольштейна, он четверть века назад попал в Лифляндию как слуга знатного дворянина. Через какое-то время пошел на военную службу рядовым кавалеристом, но довольно быстро дослужился до офицера. Как-то в разгар ссоры

²⁷⁸ *Skyttes berättelse* (1916). 301–302.

²⁷⁹ *Skyttes berättelse* (1916). 246; C. KELCH (1875). 391; F.G. BIENEMANN (1895). 63.

²⁸⁰ J. HUIZINGA (2004). 101–118.

²⁸¹ C. KELCH (1875). 125; M. LAIDRE (1995). 139.

Бауэр убил своего сослуживца и, опасаясь наказания, бежал под крыло Саксонского курфюрста.

В августе 1700 г. он неожиданно появился под Рухья в лагере командующего шведскими полевыми войсками генерала Веллингга, представившись саксонским ротмистром. Отличная лошадь и богатое снаряжение подтверждали его статус. Свой переход на другую сторону он объяснил тем, что застрелил на дуэли одного капитана и был вынужден бежать. У шведов он попросил паспорт для проезда по их территории, чтобы попасть в Германию. Веллингк, на всякий случай, велел сопроводить Бауэра в Нарву, подальше от театра военных действий. В Нарве тогда еще было относительно спокойно. Но именно это и нужно было Бауэру. В Нарве он располагал свободой передвижения, его часто видели прогуливающимся по крепостным стенам. После четырех недель пребывания в городе, Бауэр во время послеобеденного богослужения по случаю дня Святого Михаила выехал вместе с английским купцом Сэмюэлем Мексом из города и погнался без передышки прямо в русский лагерь. Те вначале отнеслись к нему с недоверием. Но отношение изменилось, когда стало известно, что перед ними тайный агент саксонского курфюрста, намеренно посланный к шведам для сбора информации. Русское военное командование получило от Бауэра ценные сведения о численности Нарвского гарнизона и о состоянии крепости. Эти данные были признаны столь важными, что впоследствии его приняли на царскую службу.

За встречей Бауэра и Нольде пристально следили с крепостных валов. По жестам офицеров можно было видеть, как они обмениваются комплиментами. Бауэр явно демонстрировал почтительность к бывшему командиру, во всяком случае, внешне. Возвратившись в крепость, Нольде передал коменданту, что Бауэр просил прислать ему из Тарту вина, пообещав со своей стороны русской медовухи.²⁸² Но целью встречи было, скорее, желание Бауэра похвастаться перед бывшим сослуживцем своей успешной карьерой и высоким чином.

²⁸² *Skyttes berättelse* (1916). 246–247; С. KELCH (1875). 391.

Вечером русские возобновили бомбардировку, выпустив за ночь по городу 107 фугасов. Но 30 июня стрельба велась довольно вяло. Шютте, желая подобающим образом похоронить офицеров, погибших в ходе вылазки, послал с барабанщиком письмо в лагерь противника.²⁸³ Прежде всего, он поблагодарил русских за выдачу тел погибших, после чего попросил Шереметева приостановить на время похоронной церемонии бомбардировку города. О начале и конце похорон Шютте обещал просигналить с крепостного вала барабанной дробью. Кроме того, он дал согласие выпустить из города жену сапожника вместе со скарбом, как того желал фельдмаршал. Освобождение же взятого в плен русского драгуна комендант счел невозможным, поскольку на то нужна была королевская воля. Полковнику Бауэру был послан бочонок вина с припиской, что город располагает достаточными запасами, так что при желании его могут и впредь снабжать этим зельем. Плененным капитанам Швенгельну и Цвайбергу Шютте просил передать немного денег, но в подтверждение их вручения желал получить расписку.

Русское военное командование согласилось с просьбой защитников крепости, но не сдержало слова. Немногим после десяти часов вечера, когда народ собрался в церкви Святой Марии и пастор приступил к церемонии прощания, противник неожиданно открыл огонь по городу из всех батарей. Несколько бомб попало в храм.²⁸⁴ По словам Шютте, жизнь участников похорон подвергалась большой опасности. Правда, русские потом извинились. Дескать, случайно пальнули, ошибочка вышла.

Несмотря на трудности осадного положения, люди по-прежнему отстаивали свои личные интересы. Так, коменданту пришлось вмешаться в спор между провиантмейстером и пекарями с Тоомеяги, отказавшимися выпекать хлеб для армии.²⁸⁵ Шютте велел пересмотреть счета и проверить, все ли получили деньги за свой труд. В то же время он напомнил, что каждый, у кого еще осталась казенная мука, обязан выпекать хлеб.

²⁸³ *Skyttes berättelse* (1916). 247, 302–303.

²⁸⁴ *Skyttes berättelse* (1916). 247; A. MOLLER (1755). 101.

²⁸⁵ ЕАА, f 995, n 2, s 1755; К.Г. Шютте Тартускому магистрату 30.6.1704.

В начале июля полковник Бауэр с тремя драгунскими полками совершил разведочный рейд в сторону Ревеля. По дороге разорили и сожгли несколько селений и мыз. Кое-кого взяли в плен и заставили пойти с отрядом. Русские дошли до Ууэмыйза, что в Козеском приходе, но, не обнаружив даже следа шведских войск, вернулись обратно.²⁸⁶ Стало ясно, что осажденные подкрепления не получают. На обратном пути Бауэр освободил некоторых пленных, чтобы те донесли до шведов известие о его подвигах и рассказали, какой военной мощью располагают русские.

1 июля противник начал пробивать брешь в стене между бастионом Карла XI и воротами Святого Якова. Из-за плохого качества строительных работ эта стена и так разрушалась, а оборонительные рвы обваливались. Тем не менее, стена все еще стояла, так как русские стреляли только из четырех пушек. Под огнем оказался и участок стены между Пыточной башней и Русскими воротами.²⁸⁷ После обеда под звуки оркестра на Эмайыги вновь появились русские корабли и ударили по городу из своих орудий. После чего противник стал бомбардировать Тарту из всех мортир.

Ночью, когда обстрел несколько утих, Шютте в сопровождении сотни солдат вышел из Русских ворот. Под покровом темноты он пробрался к хутору, близ которого на берегу Эмайыги были сложены бревна. Комендант опасался, что неприятель рано или поздно может воспользоваться ценным строительным материалом. Чтобы этого не случилось, бревна тихо скатили в реку и пустили по течению в сторону Немецких ворот.²⁸⁸ Напротив хутора, на другом берегу реки, стояла вражеская батарея, но шведам сопутствовала удача.

3 июля после полудня русские стали забрасывать в город зажигательные ядра. Загорелись деревянные дома рядом с церковью Святой Марии, от них огонь быстро перекинулся на соседние строения. Пожар уничтожил значительную часть деревянных и каменных строений на холме Тоомеяги. Дотла сгорел и большой

²⁸⁶ С. KELCH (1875). 392; Х. ПАЛЛИ (1966). 235.

²⁸⁷ *Skyttes berättelse* (1916). 247–248; С. KELCH (1875). 392.

²⁸⁸ *Skyttes berättelse* (1916). 248; С. KELCH (1875). 393.

каменный дом церковного старосты Кристера Моллеруса.²⁸⁹ С большим трудом с пожаром удалось справиться. Видя вздымающееся над городом пламя, русские усилили обстрел, чтобы помешать тушению пожара. Воодушевленные успехом, они всю ночь метали в город зажигательные ядра, но большого ущерба не нанесли. Почти все ядра удалось загасить. Сгорел лишь сарай, где находились лафеты, повозки и прочее артиллерийское снаряжение.

В последующие дни неприятель вел себя тихо, затем в его лагерях началось какое-то маневрирование, которое воскресило у защитников крепости надежду на прибытие подкрепления. Поскольку человеку свойственно верить в то, чего он больше всего хочет, некоторые настолько прониклись мыслью о подмоге, что утверждали, будто своими ушами слышали шведский пароль (двойной пушечный выстрел). По словам летописца Кельха, в надежде на спасение люди были готовы забыть обо всех бедах и несчастьях, которые их постигли.²⁹⁰ Но радость оказалась недолгой, так как передвижения в русском лагере были неверно истолкованы. Осажденные не знали, что около полудня в воскресенье, 3 июля, под Тарту прибыл сам Петр I. Он участвовал в осаде Нарвы и оттуда проделал путь по Чудскому озеру и реке Эмайыги на яхте, отбитой у шведов. Петра раздражала затянувшаяся осада Тарту, и он решил познакомиться с обстановкой на месте.

Шведские власти пустили слух, будто в Прибалтийские провинции в ближайшее время прибудет сам Карл XII или, по меньшей мере, его войско. Через датского посла поступила информация, что шведский король во главе армии идет на Нарву. Русское военное командование отнеслось к этим сведениям со всей серьезностью. Приближенные Петра считали, что если не удастся быстро захватить Тарту, следует прекратить осаду и перебросить войска к Нарве.²⁹¹ Второе поражение под этим городом стало бы для русских психологической катастрофой.

Воспользовавшись непривычной тишиной во вражеском лагере, Шютте смог отремонтировать все батареи и привести

²⁸⁹ *Skyttes berättelse* (1916). 249; A. MOLLER (1755). 101–102.

²⁹⁰ С. KELCH (1875). 393; *Skyttes berättelse* (1916). 249–250.

²⁹¹ F.K. GADEBUSCH (1782), Anhang: 317; X. ПАЛЛИ (1966). 235, 237.

в порядок оборонительные сооружения крепости. У бастиона Карла XI, на который приходились основные атаки, был вырыт пороховой погреб для более оперативного обслуживания пушек. Комендант велел минерам чаще проверять, не подбирается ли противник к крепости по подземным ходам, чтобы взорвать стену. Но подкопов не обнаружили.

Коменданту не давала покоя неосведомленность о дальнейших планах противника. Затишье не предвещало ничего хорошего. Поэтому он решил 5 июля вновь сделать небольшую вылазку, надеясь как-то прояснить ситуацию.²⁹² Однако многие офицеры не согласились с этой идеей, и вылазку пришлось отменить. Тогда, чтобы получить информацию, лейтенант комендантского полка Отто Рейнгольд Стенбах оделся простым крестьянином и вышел из города к апрошам противника. Ему удалось подобраться совсем близко к неприятельским позициям, так как у русских обычный крестьянин не вызвал никаких подозрений. Вернувшись в город, Стенбах сообщил, что видел русских, которые спокойно отдыхают в траншеях.

Вечером к коменданту пришел барабанщик неприятеля и передал письмо, в котором плененные шведские офицеры просили, чтобы им переправили некоторые вещи. Шютте велел одному из своих барабанщиков посидеть с русским и хорошенько подпитать его, надеясь таким образом разузнать, чем вызвано затишье во вражеском лагере. На помощь призвали горожанина, владевшего русским языком. Но ничего вразумительного от гонца услышать не удалось. Русский на все вопросы отвечал поклонами, и его отпустили восвояси.²⁹³ Шведам ничего не оставалось, как держать караул и вести наблюдение за действиями неприятеля.

Вскоре Шютте заметил, что русские батареи и гнезда для орудий сосредотачиваются напротив стены между Русскими воротами и Пыточной башней, где защита была самой слабой. Из-за сложного рельефа местности атака на этом участке ранее исключалась. Теперь же противник, похоже, пренебрег опасностью.

²⁹² *Skyttes berättelse* (1916). 250.

²⁹³ *Skyttes berättelse* (1916). 250–251.

Шютте приказал открыть по нему одновременный огонь с рavelина перед Немецкими воротами, бастионов Хедвиг Элеоноры и Карла XI, а также с Пыточной башни и позиций, располагавшихся полумесяцем перед Русскими воротами. Однако нападавшие, несмотря на потери и разрушения, отправили подкрепление для рытья траншей. На стрельбу со стороны шведов они даже не соизволил ответить. Более того, русские снова предприняли попытку угнать стадо, что паслось у крепостной стены под защитой пушек. По словам Шютте, тартусцам приходилось держать там скотину, так как в городе голодные животные не давали бы покоя своим мычанием.²⁹⁴ После того, как защитники крепости застрелили нескольких русских, полком подбиравшихся к скотине, противник от своей затеи отказался.

Петр был крайне недоволен ходом осады. Царь лично ознакомился с подходами к крепости и обратил внимание на то, что осадные работы велись против самых мощных бастионов. Он писал своему фавориту Александру Меншикову, что все траншеи, за исключением тех, которые за рекой Эмайыги и у горки Тяхтвере, никуда не годятся и были пустой тратой сил. Инженер тут вроде «человек ученый, но zelo смиренный, – а смирных нам здесь не надо». Государь сожалел, что «две тысячи бомбов выметано безпутно», ибо до города долетела только половина. Намекая на то, что кольцо осады находится слишком далеко, Петр иронически добавил: «Я принужден сию их Сатурнусову дальность в Меркуриусов круг подвинуть». И призвал Бога, дабы помог быстрее закончить дело.²⁹⁵ Царь изменил план осады, бросив свежие резервы к крепостной стене, обращенной к Эмайыги, «где фортеция слабже». Полковник Балк получил приказ рыть апроши через болотистые места «до самых палисадов крепости». На том же участке сосредоточили пушечный огонь, чтобы пробить брешь в стене. С других сторон работы продолжились только для видимости, чтобы ввести защитников в заблуждение и рассредоточить их внимание.²⁹⁶

²⁹⁴ *Skyttes berättelse* (1916). 251.

²⁹⁵ Н. SEPP (1933), 262; R. WITTRAM (1964). 259; Н.Р. СЛАВНИЦКИЙ (2004). 82–83.

²⁹⁶ X. ПАЛЛИ (1966). 236.

Упреки царя были справедливы лишь отчасти, хотя историки более позднего времени соглашаются с его доводами почти безоговорочно. Поэтому стоит напомнить, что первую свою батарею русские построили именно на северном берегу Эмайыги, и только многократно упоминавшаяся болотистая местность не позволила им до конца освоить это направление. Хотя ко времени прибытия Петра большая вода уже сошла, и грунт с наступлением лета несколько подсох, русским солдатам приходилось работать подчас по пояс, а то и по грудь в воде, что признавал и сам царь.²⁹⁷ Но Петра это не беспокоило, его подстегивало время. Осада Тарту вступила в решающую фазу.

7 июля, около трех часов пополудни, русские возобновили бешеную бомбардировку города, решив непременно пробить бреши: одну – между Пыточной башней и Русскими воротами, другую – на участке стены между бастионом Карла XI и воротами Святого Якова. На первом направлении установили 25 и на втором – 6 орудий, стрелявших три раза в течение каждого часа. Одновременно 15 мортир непрерывно бомбардировали город. Обстрел Тарту продолжался каждый день по 18 часов!

Огонь на уничтожение длился до вечера 13 июля. За это время по городу было выпущено 2310 бомб и сделано 1450 пушечных выстрелов.²⁹⁸ Теперь уже ни один человек, будь он на улице, дома или в подвале, не считал себя в безопасности. Если служивые и «иной сознательный люд» как-то привыкли к стрельбе, то на старых и немощных, которые едва передвигались, было, по словам Шютте, больно смотреть. Беременные женщины и матери с грудными младенцами, рыдая, то выскакивали на улицу, то возвращались в дома, нигде не находя надежного убежища.²⁹⁹ На улице Лай у нескольких человек пушечными ядрами оторвало голову, когда противник стрелял через брешь в стене. На кладбище взрывами бомб выбросило из могил мертвецов и разорвало их в клочья. Были разрушены и те строения, которые уцелели во время прежних бомбардировок. На всех улицах зияли воронки от разрывов.

²⁹⁷ Х. ПАЛЛИ (1966). 238.

²⁹⁸ С. KELCH (1875). 393–394; Х. ПАЛЛИ (1966). 238; *Skjyttes berättelse* (1916). 255.

²⁹⁹ *Skjyttes berättelse* (1916). 252, 265; А. MOLLER (1755). 102.

Поскольку крепостные сооружения, выбранные Петром для атаки, были частично недостроены, результаты не заставили себя ждать. Уже в первый день, т.е. 7 июня, противник пробил брешь на участке между Русскими воротами и воротами Святого Якова. До 13 июля русские успели пробить в стенах три бреши. Вторая появилась рядом с Пыточной башней и третья – в куртине между ними.³⁰⁰ Шютте, невзирая на стрельбу, пытался восстановить разрушенные участки стены. Для этого он велел разобрать дома, стоявшие в непосредственной близости от брешей, и добытыми материалами заполнить пробоины. У магистрата заняли подводы, лошадей и батраков, чтобы привезти навоз к стене у Русских ворот. Вечером 11 июля на помощь призвали и горожан вместе с их женами и служанками. То же повторилось следующей ночью, когда у Русских ворот работало около четырехсот человек. Но вражеский огонь был настолько разрушительным, что даже комендант признал невозможность восстановления разрушений. К тому же люди часто погибали от пуль противника и боялись участвовать в опасных работах.³⁰¹

Пыточная башня была изрешечена ядрами, в стене зияла брешь шириной в 30 сажений, но бойцы Пылтсамааского ополчения отважно обороняли этот участок. Ночью 12 июля лейтенант Кристофер Берг, стоявший с пятьюдесятью солдатами в карауле перед воротами Святого Якова, заметил, как русские начали усердно копать траншею от горки Тяхтвере к реке. Не раздумывая, он решил атаковать врага. Вспыхнула ожесточенная перестрелка, в которой обе стороны использовали как мушкеты, так и пушки.³⁰² В конце концов, противник был вынужден прекратить работы. Один из защитников был убит и восемь ранены.

На рассвете 13 июля русские вновь начали пробивать брешь между Русскими воротами и Пыточной башней, которую защитники крепости успели укрепить подручными материалами. Под прицел был взят и рavelин перед Русскими воротами: его

³⁰⁰ Х. ПАЛЛИ (1966). 238; Н.Р. СЛАВНИЦКИЙ (2004). 84.

³⁰¹ ЕАА, f 995, n 1, s 287, l 175; *Skyttes berättelse* (1916). 253; С. KELCH (1875), 394; F.G. BIENEMANN (1895). 65.

³⁰² *Skyttes berättelse* (1916). 254.

забросали тяжелыми бомбами, причинив немало вреда. Но после обеда, около четырех часов, все стихло.

Комендант приказал капитану-фортификатору Ларсу Глансбергу оценить нанесенный ущерб и по возможности восстановить разрушенное. Кроме того, Шютте велел конникам целый день возить к Русским воротам бревна, чтобы предстоящей ночью снова отстроить разбитый палисад. Но такую возможность ему не предоставили.

Около семи часов вечера Шютте заметил, что русские готовятся к штурму.³⁰³ Он только что спустился с холма Тоомеяги к Немецким воротам, чтобы проследить за сменой караула, как вдруг услышал пальбу из мушкетов со стороны Русских ворот. Комендант тотчас поскакал туда и увидел, что команда лейтенанта Кристофера Берга вступила в перестрелку с русскими. Шведы успели истратить почти весь боезапас, хотя каждому солдату были выданы порох и пули на 24 заряда.

На этот раз противник не собирался штурмовать город. Просто Шереметев послал отряд из 262 человек во главе с подполковником Михаилом Жидком укрепить завоеванные позиции у частокола перед Русскими воротами.³⁰⁴ Однако поскольку русские возвели мост через Эмайыги, шведы решили, что штурм вот-вот начнется, и решили дать отпор. Под огнем отряд Жидка укреплять позиции не мог, и ему не оставалось ничего лучшего, как пойти в атаку. Такой феномен называется «бегством в сторону фронта». Чтобы спастись от града пуль, пришлось как можно скорее войти с противником в непосредственный контакт, где в ход пошло уже холодное оружие.

Видя, что обороняющимся приходится туго, Шютте тотчас послал за подмогой. То же самое сделал Шереметев. В помощь отряду он направил еще 800 человек. Вспыхнул ожесточенный ближний бой, в ходе которого погибли многие шведские гре-

³⁰³ *Skyttes berättelse* (1916). 255–256; С. KELCH (1875). 394. Часть источников того времени указывают на то, что атака началась около 9 часов вечера. См. ЕАА, f 995, n 1, s 287, 171p; F. BIENEMANN (1895). 65.

³⁰⁴ Х. ПАЛЛИ (1966). 238; *Письма и бумаги императора Петра Великого*. Т III. СПб., 1893. 165–170; *Eesti rahva ajaloo* (1960), Nr 165. 198.

надеры.³⁰⁵ И в этом нет ничего удивительного: воинской элите полагалось идти в огонь впереди всех. Помимо ручных гранат, весивших по три фунта, гренадеры были вооружены саблей и мушкетом с примкнутым штыком. Кстати, простым мушкетерам штыки не полагались. Гренадер после выстрела из мушкета забрасывал его на плечо и брал из специального мешочка ручную гранату, зажигал фитиль и кидал в сторону противника. После этого он снимал с плеча мушкет и шел в штыковую атаку.

Между тем схватка у Русских ворот становилась все ожесточеннее. Оружие шведских мушкетеров настолько раскалилось от беспрестанной стрельбы, что выходило из строя. Чтобы как-то охладить стволы, к ним прикладывали мокрый ил, взятый из ближайшей канавы.³⁰⁶ Русские стреляли из ручных мортир и бросали гранаты. Побойнице порой перерастало в единоборство. Пользуясь численным перевесом, русские пошли в атаку и взяли под контроль полуразвалившийся палисад и рavelин, имевший форму полумесяца. Обнаружив там пять шведских пушек, они развернули стволы и открыли прямой огонь по Русским воротам. Видя такой успех, Шереметев бросил в бой свежие силы, примерно пять тысяч человек. Тем самым численность штурмующих возросла до шести тысяч солдат и офицеров.³⁰⁷

Шютте лично руководил обороной. В ночь на 14 июля, примерно в два часа, голову коменданта задела мушкетная пуля. Он упал и потерял сознание.³⁰⁸ Из правого уха выступила кровь. Находившиеся рядом решили, что Шютте убит, и хотели отнести

---

³⁰⁵ Во время правления Людовика XIV во французской армии имелись специально обученные элитные войска – гренадеры (умевшие обращаться с ручными гранатами). В Швеции последовали этому примеру в 1684 г., когда из каждой воинской части (роты) должны были послать в гренадеры 12 человек. В дальнейшем гренадеры обычно составляли десятую часть от численности мушкетеров. См. M. LAIDRE (1999). 62–63.

³⁰⁶ *Skyttes berättelse* (1916), 256. По Кельху и Моллеру, ил приносили из ближайших прудов. См. С. KELCH (1875). 395; А. MOLLER (1755). 103.

³⁰⁷ F.K. GADEBUSCH (1782), Anhang: 319; X. ПАЛЛИ (1966). 239.

³⁰⁸ *Skyttes berättelse* (1916). 257. Со слов самого коменданта. Тогда как Кельх, а вслед за ним и Палли пишут, что Шютте после полученного ранения уже к двум часам ночи вернулся на поле боя. Автор считает это утверждение ошибочным. См. С. KELCH (1875). 395; X. ПАЛЛИ (1966). 240.

его в город. Когда же бравого воина приподняли, он пришел в себя. Но комендант был настолько слаб, что не мог стоять на ногах, и его унесли подальше от места сражения. До этого Шютте успел передать управление войском полковнику Тизенгаузену и подполковнику Майеркранцу, приказав им стоять до конца. Понимая, что противник штурмует только брешь у Русских ворот, а в других местах атаки не предвидится (до этого нельзя было исключать и обманного маневра), Шютте велел отправить всех солдат крепости на решающий участок, оставив на прежних местах лишь небольшие сторожевые посты. Важен был каждый человек, способный держать оружие. В перестрелку с противником включились даже офицеры, состоявшие при коменданте. Только отдав все распоряжения, Шютте позволил унести себя с поля боя.

Через некоторое время комендант вернулся в строй и убедился, что положение еще более осложнилось. Напор противника возрастал с каждой минутой. Шведов уже выбили из сторожевой башни у Русских ворот, но они еще удерживали стоящую за ней внутреннюю башню. Чтобы задержать продвижение атакующих, защитники выкатили крупнокалиберную пушку и открыли огонь картечью. Но особого эффекта это не дало, разве что ворота, и до того поврежденные, разворотили окончательно.³⁰⁹ Шведам пришлось оставить ворота и отойти к начинающейся за ними улице. Там и продолжилось ожесточенное сражение, в котором обе стороны несли большие потери.

Бойцы Пылтсамааского ополчения под командованием подполковника Вильгельма Таубе обороняли брешь у Пыточной башни, находясь перед стеной за бревенчатым забором. Им тоже пришлось отступить, так как батальон был очень плохо вооружен. Добротного оружия в арсенале крепости попросту не нашлось. Бойцы бросали ставшие бесполезными мушкеты и метали в противника камни и все, что попадалось под руку. Но проку от этого, естественно, было мало.³¹⁰ Многие безоружные бойцы и некото-

³⁰⁹ F.K. GADEBUSCH (1782), Anhang: 319–320; X. ПАЛЛИ (1966). 240.

³¹⁰ *Skyttes berättelse* (1916), 258; C. KELCH (1875). 395; A. MOLLER (1755). 104.

рые офицеры погибли от русских пуль. Таубе отвел своих бойцов по узкому проходу между городской стеной и палисадом к воротам Святого Якова, вошел в город и двинулся к Русским воротам, где к этому моменту сосредоточился практически весь оставшийся в живых тартуский гарнизон. Шютте понимал, что даже стянув все силы, он сможет сопротивляться не более получаса.

Устали не только солдаты. Устал металл. Стволы мушкетов так раскалились, что их невозможно было заряжать. Влажным илом их было уже не остудить. Вернее, на это уходило слишком много времени. Что ждет впереди, тоже было понятно без лишних слов. Тарту падет, а большинство жителей города погибнет. Если крепость не сдавалась на милость победителя, ее отдавали на разграбление и разорение. Таков был закон войны. Полковник Тизенгаузен обратился к Шютте на немецком языке: «Господин комендант, что мы еще можем? Мы сделали все, что было в человеческих силах. Мы готовы сражаться и дальше, но он (противник) все равно возьмет крепость».³¹¹

В каком-то смысле, Шютте был даже рад этим словам, ибо они означали разделение ответственности. Ведь ему со временем предстояло доложить командованию об условиях сдачи крепости и следовало как-то обосновать и оправдать случившееся. Комендант приказал играть «шамад» (сигнал о сдаче) и просить о перемирии. Однако первого посланного барабанщика тут же сразила пуля. Та же участь постигла и второго гонца. Грохот боя заглушал все звуки, так что барабанную дробь никто не слышал, а самих барабанщиков попросту не замечали. Тогда комендант велел выбросить белый флаг и послал на башню трубача, сигнал которого, наконец, услышал противник.

Договариваться об условиях перемирия в лагерь неприятеля послали майора Мартена фон Хейнена. Его возвращение задерживалось, что вызывало большое беспокойство. В то же время в разных местах продолжались стычки, так как офицерам стоило большого труда сдерживать разгоряченных солдат.³¹² Русских

³¹¹ *Skyttes berättelse* (1916). 259.

³¹² *Skyttes berättelse* (1916). 259; С. KELCH (1875). 396; А. MOLLER (1755). 104–105; Х. ПАЛЛИ (1966). 240.

побуждала драться перспектива разграбления Тарту, поскольку до взятия города оставалось всего ничего. Лишь внутренние ворота разделяли защитников и штурмующих, которые уже проникли через Русские ворота. Согласно на перемирие пришло в самый последний момент, когда судьба города висела на волоске.

Два русских полковника протянули руки через отверстия, пробитые в воротах, и потребовали от защитников вина и денег. Комендант велел своему виночерпию отнести им пива. И тут же приказал возбужденным солдатам замолчать, чтобы услышать, о чем говорят русские по ту сторону ворот. На это полковник русской армии, явно из немцев, заметил, что разумнее позволить солдатам выговориться. Ведь они только что из боя и храбро сражались ночь напролет.³¹³

Шютте отозвал тартуских бюргеров, оборонявших бастион Густава Адольфа, к Русским воротам, где они заняли позицию вместе с остальным гарнизоном. Всех обязали внимательно следить за действиями русских и в случае малейшего нарушения перемирия оказывать сопротивление. На улицу Лай перед Русскими воротами выкатили пушку, скорее всего, ради психологического эффекта. Ведь при возможном штурме из нее смогли бы выстрелить только один раз. Комендант назначил своим заместителем майора Карла Густава Лёвенбурга и вместе с высшими офицерами направился на совет в башню Базилевича на Тоомемяги.³¹⁴ Туда же вызвали обоих тартуских бургомистров – Михаэля Боле и Иогана Реммина, а также пастора немецкой церкви магистра Андреаса Виллебранда.³¹⁵ Было четыре часа утра. Все собравшиеся согласились с тем, что дальнейшее сопротивление бессмысленно. Важнее всего избежать погромов, которые неизбежно последуют после взятия города штурмом. Было решено просить у русских подписания договора о сдаче Тарту. С этим

³¹³ *Skyttes berättelse* (1916). 260.

³¹⁴ *Skyttes berättelse* (1916). 260–261; С. KELCH (1875). 396.

³¹⁵ По данным протоколов магистрата, комендант Шютте отправился на холм Тоомемяги, сам нашел там бургомистра Реммина и изложил ему создавшуюся ситуацию. См. ЕАА, f995, n 1, s 287, l 172.

известием к фельдмаршалу Шереметеву снова отправился майор Мартен фон Хейнен.

Русские ответили согласием, и защитники крепости приступили к составлению условий капитуляции, на которых они готовы сдать город. Эти условия должны были, насколько возможно, пощадить их самолюбие. Между тем, по существовавшей традиции, был произведен обмен заложниками, служивший гарантией того, что обе стороны больше не предпримут враждебных действий. В противном случае заложников могли убить. Из Тарту в русский лагерь отправили подполковника Таубе и майора Врангеля. Русские, со своей стороны, послали к шведам двух офицеров соответствующего звания.³¹⁶ Войдя в город, они сразу потребовали немедленного подписания капитуляции. Шведы заверили, что это произойдет сразу, как только будут уточнены условия договора. Однако защитники выработывали свои предложения столь долго, что Шереметев успел послать в город трех курьеров с требованием поторопиться. Шютте велел передать фельдмаршалу, что он справится быстрее, если ему не будут постоянно мешать. На что Шереметев ответил, что он готов ждать, самое большее, часа полтора, после чего штурм возобновится. Нетерпение русских понять нетрудно – ведь победа была совсем близко, к тому же у них не было уверенности, что защитники не тянут время сознательно, передислоцируя свои силы и готовясь к продолжению сопротивления.

Примерно за час до полудня майор Магнус фон Брёмсен и бюргер Йохан Ланге, который понимал по-русски, поскакали в лагерь Шереметева и передали ему условия сдачи города.³¹⁷ В сущности, они повторяли пункты аналогичных договоров о капитуляции, заключавшихся в то время. Комендант хотел, чтобы находившиеся в его подчинении офицеры и рядовые, независимо от национальности и принадлежности к тому или иному роду

³¹⁶ *Skyttes berättelse* (1916). 262; С. KELCH (1875). 396. В протоколах магистрата упоминается, что произошел взаимный обмен тремя плененными офицерами. См. ЕАА, f995, n 1, s 287, l 172. Данные Шютте вызывают большее доверие.

³¹⁷ *Skyttes berättelse* (1916). 262, 303–305; С. KELCH (1875). 397–398; F. BIENEMANN (1902). 4; Х. ПАЛЛИ (1966). 241; ЕАА, f 995, n 2, s 2516, l 2–3р.

войск, могли беспрепятственно покинуть город «с литаврами, с трубами и со всею музыкаю», с развернутыми знаменами, горящими фитилями и пулями во рту (что позволяло при необходимости быстро зарядить мушкеты), а также с пороховым зарядом на 24 выстрела и шестью бронзовыми пушками. Кроме того, он желал (по указанному в списке порядку) взять с собой все ручное оружие, личные вещи, жен, детей и слуг и просил, чтобы багаж не подвергался обыску. Гарнизону следовало выдать месячный провиант и позволить уйти через брешь в стене или иной удобный проем.

Артиллеристам, а также больным, раненым и офицерам для транспортировки личных вещей нужен был обоз, на формирование которого требовалось дней восемь, а то и больше. Шютте намеревался увести гарнизон по кратчайшей дороге в Ревель и просил у русских для охраны отряд сопровождения. Офицеры, имевшие в городе недвижимость, должны были получить возможность ее продать или сохранить на нее права. Ни одного солдата, ни под каким предлогом нельзя было задерживать в крепости. Если же кто вздумал бы дезертировать, то с ним, без вмешательства русских, должно было разбираться непосредственное начальство. Комендант хотел также увести из города всех арестованных и преступников, сидевших в тюрьме.

Далее следовали три пункта, составленные городскими властями и отражавшие их интересы.³¹⁸ Магистрат вместе с духовенством и всеми гражданами хотел сохранить без ограничений прежние привилегии и свободу вероисповедания. Если же любой гражданин города, независимо от сословной принадлежности, решит перебраться со своим имуществом в Ревель, Ригу, Пярну или еще куда-либо, то это должно быть ему позволено. Вход царских войск в город не должен сопровождаться насилием над гражданским населением. Еще выражалось желание, чтобы представители магистрата, духовенства и бюргеров, которые из-за угрозы войны отправили из Тарту своих жен, детей и имущество, могли, с разрешения царя, вернуть их обратно.

³¹⁸ ЕАА, f 995, n 1, s 287, l 72; F.K. GADEBUSCH (1782), Anhang: 321–322.

Наконец, последний пункт выражал надежду коменданта, что ежели царю в будущем придется вернуть Тарту шведской короне, то крепость останется такой же, какой он ее нашел – с уцелевшими сооружениями и орудиями, тем же количеством боеприпасов и оружия. Для этого с обеих сторон следовало назначить лиц, которые проведут соответствующую перепись.

Примерно через час к палисаду бастиона Карла XI из русского лагеря прибыл полковник Денис Ридлер. Через ворота Святого Якова его отвели к Шютте в башню Базилевича. Полковника сопровождали два вооруженных драгуна. По словам коменданта, Ридлер, который был «немецкого происхождения, но истинный русский», пожал ему руку и уважительно передал ответ Шереметева на т.н. аккордные пункты. Заодно Ридлер заявил, что хочет немедля узнать, согласна ли шведская сторона с условиями русских.³¹⁹

Шютте предложил Ридлеру присесть и начал читать послание. В это время прибыл полковник Тизенгаузен вместе с другими офицерами. Петр набросал ответ собственноручно, затем его переписали начисто и послали в Тарту от имени Шереметева. Не без иронии царь от имени фельдмаршала замечал: «Зело удивляется господин фельдмаршал, что такие запросы чинятся от коменданта, когда уже солдаты Его Величества у них в воротах обретаются и которые так озлоблены, что едва уняты».³²⁰ Желаемый аккорд следовало просить много раньше, теперь же предъявлять условия было поздно. Но, подходя к делу по-христиански, всем офицерам, как того просил коменданта, было обещано оставить оружие. Далее указывалось, что гарнизону вместе с сопровождающими лицами разрешат свободно покинуть город. Выдадут и провиант в расчете на один месяц. Что касается рядового состава, то оружие сохранят только три роты, остальные должны уйти безоружными. О знаменах и пушках речи вообще не было. В остальном русские пошли Шютте навстречу, добавив только, что если кто из гарнизона захочет добровольно остаться, то нельзя чинить тому препятствий. Относительно последнего пункта о возможном возвращении Тарту шведской короне было

³¹⁹ *Skyttes berättelse* (1916). 263.

³²⁰ F. BIENEMANN (1902).4–5.

замечено, что этот вопрос может решить лишь Всевышний, коемому одному ведомо будущее.³²¹ В заключение Шереметев приписал, что если предложения покажутся коменданту неприемлемыми, пусть он немедленно освободит русских офицеров, находящихся в заложниках, так как фельдмаршал больше ждать не намерен и прикажет продолжать штурм.

Шютте не был удовлетворен ответом. Особенно тем, что касалось знамен, пушек и оружия. Поэтому он решил направить Шереметеву короткий запрос, чтобы тот уточнил указанные пункты. Полковник Ридлер ответил на это категорическим отказом и потребовал тотчас освободить заложников. Но комендант остался непреклонен, сказав, что и его заложники находятся в русском лагере, а потому отпустить русских офицеров он не может. Господин фельдмаршал не дал четкого ответа по всем аккордным пунктам, из-за чего еще один запрос просто необходим. Ридлер, наконец, принял письмо, но дал понять, что делает это с большой неохотой.

Полковник вернулся уже через четверть часа, имея при себе резолюцию фельдмаршала, написанную на запросе по-русски. Трети гарнизона позволялось оставить оружие, с собой можно было взять две пушки. И это все. Шютте снова выразил недовольство. Разгорелся спор, в котором обе стороны приводили уже известные аргументы. Тогда Ридлер сказал, что столь широко его полномочия не распространяются, и остается лишь ждать штурма. Все же он предложил Шютте встретиться с Шереметевым вне крепости, обещая гарантировать коменданту неприкосновенность. Полковник посоветовался с другими офицерами и принял предложение, несмотря на определенный риск. Вместе с полковником Тизенгаузеном комендант вышел за бастион Карла XI, где их приветствовал фельдмаршал Шереметев. Встреча продолжалась всего три четверти часа. Новых уступок защитникам крепости добиться не удалось. Было лишь сказано, что гарнизон может на четыре дня остаться в городе, но русская пехота в тот же час войдет в Тарту и возьмет под свой контроль валы, ворота

³²¹ *Skyttes berättelse* (1916), 305–306; C. KELCH (1875). 399–400; F.K. GADEBUSCH (1782), Anhang: 326–327; EAA, f 995, n 2, s 2516, 14–4p.

и бастионы. После этого Шереметев поставил свою подпись под договором о капитуляции и скрепил его печатью. Это произошло 14 июля в пятом часу пополудни.³²² Город был сдан.

В ходе штурма русские потеряли, по их же сведениям, 628 человек убитыми и 1897 ранеными. Всего же за время осады их потери убитыми и ранеными составили 3000–3400 человек. Если приведенные цифры верны, то выходит, что три четверти от общих потерь приходилось на один только день, 13 июля, когда начался штурм. Это лишний раз свидетельствует об интенсивности сражения. По сведениям Шютте, русские потери были еще больше – 5 000 убитыми и 3000 ранеными. При этом он ссылается на данные иностранцев, состоявших на службе у царя. Еще несколько дней после штурма русские переносили в Тарту раненых из своих лагерей. Петр-де, покачав головой, сказал, что сей град обошелся ему слишком дорого. Шведская сторона потеряла в ходе штурма 700–900 человек. Всего же за время осады защитники крепости потеряли 1400–2000 человек. Из гражданских лиц погибли 72 человека и 48 были ранены. Но комендант за точность не ручался, так как при столь ожесточенной бомбардировке вести счет потерям было трудно.

Трофеи русских были огромны. Им досталось 97 пушек, 18 мортир, 6 гаубиц, 500 000 мушкетных пуль, более 1500 пушечных ядер, 500 бомб, 4000 бочек ржи, 72 бочки ржаной муки и 100 бочек соли, если перечислять только главное.³²³

В тот самый день, когда Тарту сдался русским, генерал-майор Вольмар Антон фон Шлиппенбах отправил из Ревеля письмо Карлу XII. Он информировал короля о получении послания от коменданта Шютте, датированного 4 июля, в котором тот описывал положение в осажденной крепости. Письмо вынес из Тарту некий крестьянин, сумевший пробраться через ряды противника. Шлиппенбах сообщал королю, что он горит желанием ответить на просьбу коменданта и с Божьей помощью, пока еще возможно, выволочить город из когтей неприятеля. Для этого он хотел

³²² *Skyttes berättelse* (1916). 264–265; С. KELCH (1875). 401; А. MOLLER (1755). 111.

³²³ ЕАА, ф995, n 1, s 287, l 174; Х. ПАЛЛИ (1966). 243; *Skyttes berättelse* (1916), 265; А. MOLLER (1755). 111; F. BIENEMANN (1902). 7.

объединить свои силы с полевой армией генерал-майора Адама Людвиг Левенгаупта в Курляндии, на что, разумеется, необходимо разрешение Его Величества короля.³²⁴ Если учесть, что письмо до Карла XII, который в то время находился в районе Львова, в Червонной Руси,³²⁵ шло бы, по меньшей мере, две-три недели, и ответ короля столько же, то Тарту был обречен выдерживать осаду еще полтора-два месяца. И это при условии, что письма вообще дойдут до адресата. На этом фоне возникает сомнение в искреннем желании Шлиппенбаха оказать помощь Тарту. Скорее, ему хотелось снять с себя тяжкое бремя ответственности. Он не предпринял ни одной серьезной попытки послать войска в осажденный город, где с таким нетерпением ждали спасательной экспедиции.

Правда, Шлиппенбах 14 июля направил письмо рижскому губернатору Фрëлиху, изложив суть послания Шютте.³²⁶ При этом он заметил, что «хорошо бы графу Левенгаупту прийти сюда и соединиться со мной, дабы спасти попавший в беду город». Но принимая во внимание жесткое централизованное управление, свойственное абсолютистской Швеции, никто кроме короля не мог отдать Левенгаупту такое распоряжение. На этом круг замкнулся.

16 июля Шлиппенбах, оставаясь в Ревеле, послал Шютте ответное письмо. Он извещал, что несколько дней тому назад получил от коменданта приятнейшее письмо и с радостью узнал, как мужественно и храбро крепость противостоит натиску неприятеля, с чем он коменданта и поздравляет.³²⁷ Шлиппенбах выражал надежду, что дальнейшее сопротивление тоже будет успешным. Далее следовал частично зашифрованный текст. Шлиппенбах сообщал, что в данный момент прорабатывается возможность объединения сил с Левенгауптом. Когда это произойдет,

³²⁴ RA, Militära ämnessamlingar M 1394; В.А. Шлиппенбах Карлу XII 14.7.1704. Письма Шютте найти не удалось, но сохранилось его послание генерал-губернатору Эстляндии Акселю Юлиусу Делагарди от 3 июля. За исключением обращений в начале и конце письма, послание закодировано и пока не расшифровано. См. RA, Livonica II, vol 298; C.G.Skytte A.J. De la Gardie 3.7.1704.

³²⁵ Историческая территория Червонная Русь входила в состав объединенного Польско-Литовского государства, сейчас относится к Западной Украине (Галиция).

³²⁶ RA, Militära ämnessamlingar M 1394; В.А. Шлиппенбах К.Г. Фрëлиху 14.7.1704.

³²⁷ RA, Militära ämnessamlingar M 1394; В.А. Шлиппенбах К.Г. Шютте 16.7.1704.

он попытается помочь Тарту. А пока он желает коменданту сил для обороны города. Далее было указано, что впредь о положении в крепости не должен писать никто кроме майора Брёмсена, который имеет на то специальный шифр. Всю соответствующую переписку следует полностью зашифровывать. Если же кто из офицеров захочет послать письмо жене или друзьям, то там не должно быть ни слова о крепости.

Тем не менее, время было безнадежно упущено, и спасти Тарту уже не представлялось возможным. Единственным заметным шагом, который предприняли местные шведские власти, стал указ, изданный на эстонском языке, появившийся 8 августа по приказу генерал-губернатора Эстляндии. Указ сей сообщал, что царские войска взяли Тарту, и предостерегал крестьян от проявления дружеских чувств по отношению к русским.³²⁸ Шведов встревожило, что селяне не только тартуской округи, но и более отдаленных мест пытаются найти общий язык с врагом. Поступая таким образом, они-де, навлекают на себя гнев Бога и короля. Вместо сотрудничества предлагалось каждому «причинять неприятелю столько вреда, сколько в его силах». И никто не должен сомневаться в том, что шведский король «не оставит нашу истерзанную землю врагу». Он обязательно спасет ее, как это происходило и раньше. А еще говорилось, что нельзя принимать на веру вражеские посулы, за которыми неизбежно последует гибель.

Согласно договору о капитуляции, остатки тартуского гарнизона (около двух тысяч человек) сосредоточились на холме Тоо-меяги, где им некоторое время позволили оставаться. Вечером 14 июля три русских пехотных полка через брешь в стене вошли в Тарту и заняли позиции в городе. Днем позже в город въехал фельдмаршал Шереметев, а вместе с ним инкогнито, в мундире подполковника, царь Петр.³²⁹ Самодержцу выделили комнату

³²⁸ *Eesti rahva ajaloo* (1960), № 104. 139–140.

³²⁹ *Skyttes berättelse* (1916). 266; С. KELCH (1875). 401. По данным Кельха, что подтверждают и другие авторы, царь въехал в Тарту вместе с первыми русскими частями еще днем раньше. Но более правдоподобным кажется все-таки сообщение Шютте, который находился на месте событий. Надо учитывать также соображения безопасности, так как русские должны были установить над городом полный контроль, что произошло лишь к 15 июля.

в ратуше, где, несмотря на желание царя остаться неузнанным, выпили вина за его здоровье. Русское командование проинспектировало крепость, после чего из тяжелых орудий был произведен трехкратный салют.³³⁰ Этот момент для царя был очень важен. Тарту стал первым крупным городом-крепостью в Лифляндии, взятым русскими в ходе Северной войны. К тому же Петр снова овладел городом, который полвека тому назад сдался и поклялся в верности его отцу. В своем дневнике Петр написал о взятии Тарту следующее: «Мы вернули сей праотеческий град с помощью Всевышнего и благодаря мужеству наших солдат».³³¹ В набросках к сообщению о победе, написанных царем 20 июля, говорится о том, как «сим нечаемым случаем сей славный отеческий град паки получен».³³² И это были не просто красивые слова. С момента капитуляции Петр считал Тарту российским городом.

Примечательно, что в письме королю Августу, отправленном 23 июля, соответствующая историческая ссылка отсутствует. В нем сообщается только, что «сей славный град взят». На краешке черновика рукой Петра добавлено: «Вы можете его использовать при особой необходимости», – но потом зачеркнуто и исключено из письма.³³³ Согласно договоренности с Августом II, Петр должен был отдать Польше все захваченные в Лифляндии территории. В действительности же у царя были совсем другие намерения. Но нуждаясь в поддержке Августа, Петр не хотел раскрывать перед ним свои планы. У всех должно было оставаться впечатление, что завоевания в Лифляндии отойдут ближайшему союзнику царя. Петр даже одобрил манифест, который на немецком, французском и латинском языках извещал, что он завоевал Лифляндию для польской короны и обещает свою защиту местным жителям как верным подданным короля.³³⁴

³³⁰ F.K. GADEBUSCH (1782), Anhang: 330.

³³¹ *Письма и бумаги (1893)*, 170; *Eesti rahva ajaloo* (1960), 198; F. BIENEMANN. *Die Capitulation Dorpat 1704*. – Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands. Bd. XVI. Riga, 1896. 628.

³³² F. BIENEMANN (1902). 13; R. WITTRAM (1964). 260; Н.Р. СЛАВНИЦКИЙ (2004). 84.

³³³ F. BIENEMANN (1902). 14; R. WITTRAM (1964). 260; F. BIENEMANN (1896). 629.

³³⁴ A. VON RICHTER (1858). 2:300; A. MOLLER (1755). 114.

И все же у поляков возникли сомнения в истинности царских намерений. Вскоре выяснилось, что для беспокойства есть серьезные основания. Когда вопрос обсуждался на встрече представителей Августа и Петра в ноябре 1704 г., русские заявили, что они не могут пока передать Тарту Польше, так как противник совершает набеги на его окрестности, и поляки, из-за отдаленности, не смогут удержать город. Поляки предложили, чтобы Тарту оставался до конца войны у русских, которые будут управлять городом от имени польского короля и Речи Посполитой. Но такой вариант Петра не устраивал, так как существовала угроза, что Швеция, в случае заключения мира, может обменять Тарту на какой-нибудь город, захваченный ими у Польши.

Поляки не успокоились и еще раз вернулись к этому вопросу. Тогда царь сделал вид, что пошел на уступки. 30 ноября объявили, что крепости, города и замки в Лифляндии, принадлежавшие Речи Посполитой и находящиеся под угрозой нападения со стороны шведов, до конца войны останутся в зоне влияния русских войск, но распоряжаться ими русские будут как бы от имени польского короля.³³⁵ Однако Тарту в эту категорию не вошел, поскольку с самого начала его рассматривали как неотъемлемую часть Российского государства.

В честь взятия Тарту была отчеканена памятная монета, на аверсе которой изображен осажденный город и река Эмайыги. На первом плане, опираясь на щит, стоит царь в одеянии Римского императора. На щите надпись по-латыни: «*Portis hostilibus effractis*» – «Разрушив вражеские ворота». Перед царем коленопреклоненная женская фигура, протягивающая ему корону. Внизу подпись: «*Torpatum in fidem receptum*» и на реверсе – «*Accipit in medio*». Это можно перевести как: «Он (*т.е. Петр*) принимает под свою власть (*т.е. власть Российского государства*) вернувшийся Тарту».³³⁶ Эти слова Петра ясно раскрывали его намерения – Тарту должен был стать воротами ко всей Лифляндии.

³³⁵ F. BIENEMANN (1902). 14–15.

³³⁶ F. BIENEMANN (1902). 12.

«ЕСЛИ НЕ ХОТИТЕ ВПАСТЬ В НЕМИЛОСТЬ»

Жизнь в Тарту покатила под откос. Как только русские вошли город и выставили свои посты, они тут же нарушили условия капитуляции. Находившийся при царе секретарь германского императора Отто Плеер отмечал в отчете, посланном своему повелителю, что русские заранее планировали репрессивные меры против шведов. Царь мстил шведскому королю за нарушение условий капитуляции русских войск после сражения под Нарвой три с половиной года назад.³³⁷

Как только вечером 14 июля русские вошли в Тарту, солдаты немедленно вторглись в дом Шютте и разграбили его подчистую. Они увели с собой полкового музыканта, фельдшера и повара коменданта. Повару все же разрешили через несколько дней вернуться. 15 июля всему гарнизону, вопреки соглашению, приказали покинуть город и остановиться в Тяхтвере. Во время прохождения через Немецкие ворота у солдат отбирали холодное оружие, патронташи и мушкеты. Это делалось под предлогом, что оружие нужно пересчитать, чтобы затем вернуть треть по договоренности.³³⁸ Солдат обыскивали, досматривали личные вещи и отбирали новые мундиры.

Обыскили также багаж офицеров и коменданта. Обыск проводился с особой тщательностью и занял четыре дня. Причиной

---

³³⁷ R. WITTRAM (1964). 259; X. ПАЛЛИ (1966). 244. Согласно устной договоренности, заключенной после битвы под Нарвой в ноябре 1700 г., потерпевшим поражение русским войскам было позволено беспрепятственно уйти. Часть солдат и офицеров могла взять с собой оружие, остальные должны были его сдать. Каждый мог взять с собой столько имущества (прежде всего, еды), сколько он мог унести. Уставшие, злые и нередко пьяные финские и шведские солдаты нападали на русские отряды, шедшие последними, и грабили их. Дошло до того, что небольшие группы русских просто захватывали и убивали, забирая все мало-мальски ценное. См. подробнее M. LAIDRE (1995). 211–214.

³³⁸ *Skyttes berättelse* (1916). 265–266; C. KELCH (1875). 402.

послужили слухи, будто незадолго до осады на содержание гарнизона из Риги отправили 40 000 риксталеров. Разумеется, русские хотели забрать эти деньги. Распространителями слухов считали перебежчика Розелиуса и пастора Олдекопа. Кстати, последнего за это позднее судили.³³⁹ Денег, естественно, не нашли, но офицерам гарнизона пришлось расстаться со всеми более-менее ценными вещами.

На Тяхтвереском поле к шведам был приставлен драгунский полк. 17 июля в шведском лагере пересчитали всех женщин, вышедших из города вместе с гарнизоном. Их разделили на три группы. В первую вошли жены офицеров, во вторую – незамужние девицы высшего сословия и в третью – солдатские жены и служанки. На следующий день женщин пересчитали еще раз.

Затем наступила очередь шведской конницы, которой 18 июля приказали построиться. Якобы, сам фельдмаршал Шереметев желал пересчитать кавалеристов. На самом деле построение использовали для того, чтобы конфисковать лошадей, седла, сапоги и все казенное обмундирование. Вместо обещанного месячного провианта шведам выдали одни сухари. Вдобавок запретили покупать продукты у крестьян, брать воду из колодцев и добывать дрова для приготовления пищи. Шереметев писал, что шведы находятся в плачевном состоянии, изнывая от голода и жары.³⁴⁰ Чуть ли не каждый день русские придумывали все новые притеснения. Особенно доставалось шведам от полковника Семена Кропотова. Когда он был в карауле, все находившиеся в лагере, будь то мужчины или женщины, подвергались

³³⁹ *Skyttes berättelse* (1916), 266; С. KELCH (1875). 402; А. MOLLER (1755). 112; F. BIENEMANN (1902). 10, 72–75. В сентябре 1705 г. Шютте подал в Ревельский городской суд на Олдекопа, обвинив его в предательстве. После ареста Олдекопа процесс тянулся три года. Содержали арестованного в большой строгости. Всякая переписка была запрещена. Когда Олдекоп получил разрешение увидеться со своей сестрой, то во время свидания его охраняли три солдата. Арестованный продолжал настаивать на своей невиновности. В апреле 1709 г. его отпустили под залог при условии, что он снова предстанет перед судом, если потребует, ибо обвинение против него оставалось в силе. Однако нового суда не последовало, а в конце 1712 г. Олдекоп умер.

³⁴⁰ *Skyttes berättelse* (1916). 266–267; С. KELCH (1875). 402–403; А. MOLLER (1755). 112; F. BIENEMANN (1902). 9.

издевательствам. У них воровали или отнимали приглянувшиеся полковнику вещи. Если же у кого-то была хорошая лошадь, хозяина принуждали обменять ее на клячу или попросту отбирали. Измученные постоянными поборами, шведы боялись загадывать, что будет с ними дальше.

При этом русские пытались разными способами переманить шведских военных на свою сторону, хотя это и не допускалось по договору о капитуляции. Им обещали лучшую долю, хорошее жалование, не брезговали использовать перебежчиков, которых засылали в лагерь для пропаганды. Не стоит удивляться, что при столь скверных условиях существования и весьма туманном будущем усилия русских увенчались определенным успехом. По словам Шютте, он лишился почти половины бывшего тартуского гарнизона. Но это сильное преувеличение. Согласно имеющимся данным, на службу к царю перешли только 140 солдат и ремесленников, а с ними 34 женщины с детьми. Через несколько дней русские отпустили 411 бойцов ополчения, которые смогли вернуться к себе домой. Поначалу, без царского указа, Шереметев не решался их отпускать: «Но содержать тяжело, жаль хлеба, да и охрана затруднительна. Отправлять столько народу в Псков тоже накладно. В Пскове народу мало, а в Москву посылать не с кем», – писал он царю.³⁴¹ Видимо, именно роспуск ополченцев привел в замешательство бывшего коменданта. Он решил, что эти люди тоже перешли на сторону врага. Но и в этом случае речь могла идти только четверти гарнизона, но никак не о половине.

Днем 21 июля, около четырех часов, в Тарту наблюдали странное небесное знамение.³⁴² Небосвод был ясен и чист, если не считать небольшого облака на горизонте. Вдруг неподалеку от него появилась длинная огненная черта, продержавшаяся почти четверть часа. Затем на конце ее образовался большой огнен-

³⁴¹ *Skyttes berättelse* (1916). 267; F. BIENEMANN (1902). 10. Рихтер утверждает, что 1388 защитников крепости поступили на службу царю, из них 481 остался в Тарту. Таким образом, две трети бывшего гарнизона перешло на сторону врага. Однако в других источниках подтверждения этому не найдено. См. A.VON RICHTER (1858). 2: 300; *Eesti rahva ajaloo* (1960), № 166, 199.

³⁴² A. MOLLER (1755). 113–114; C. KELCH (1875). 403. Это явление наблюдалось также в Риге и других городах Лифляндии.

ный шар, напоминавший восходящее или заходящее солнце. Внезапно этот шар, подпрыгивая и грохоча, двинулся по огненной линии, разбрасывая во все стороны яркие лучи. Когда шар столкнулся с облаком, раздалось два взрыва, как будто из большой пушки выдали «шведский пароль». Земля вздрогнула, в домах задребезжали уцелевшие стекла. И русские, и шведы испугались в равной степени, но что означало сие явление, каждый толковал по-своему.

На девятый день после выхода за крепостные стены шведам привезли треть оружия, как и предусматривалось аккордом. Но при ближайшем рассмотрении оказалось, что это старые, ржавые мушкеты с неисправными фитильными замками и сломанными штыками. Шютте отказался принимать неисправное оружие и потребовал соблюдения условий капитуляции. На это русские велели предъявить резолюцию, ими же выданную коменданту. Какой-то полковник принял документ, и больше Шютте его не видел.³⁴³

Утром 24 июля полковник Бауэр сообщил коменданту долгожданную новость: после обеда шведы в сопровождении конвоя могут двинуться в путь. Вскоре появились и тридцать обозных лошадей. Но радость шведов оказалась преждевременной. Между четырьмя и пятью часами в шведский лагерь прибыли генерал-майор Николай фон Верден, а также полковники Бауэр и Волконский в сопровождении сотни солдат, но без знамен и музыкальных инструментов, т.е. без знаков воинской почести. Шютте приказали построить своих солдат. Генерал-майор фон Верден сообщил, что по указанию царя гарнизон делится на три части. Две трети, 1319 человек заодно с комендантом, согласно приказу, последуют за русскими под Нарву. Оставшаяся треть, 697 человек, которые были в самом неприглядном виде, направляются во главе с Тизенгаузеном в Ригу. Им даже вручили ружья, без замков и совершенно разбитые. По словам Шереметева, худшего оружия просто быть не могло.³⁴⁴ Но ружья требовалось взять с собой,

³⁴³ *Skyttes berättelse* (1916). 267–268.

³⁴⁴ *Skyttes berättelse* (1916). 268; С. KELCH (1875). 404; F. BIENEMANN (1902). 9; X. ПАЛЛИ (1966). 243.

хотелось того или нет. О Ревеле, куда по аккорду предполагал уйти весь гарнизон, даже не упоминалось.

Шведов пересчитали еще раз, и тем, кому предстояло шагать под Нарву, велели немедленно перебраться через Эмайыги на мызу Раади. Полковник Тизенгаузен с остальными провел ночь на поле Тяхтвере в окружении казаков. Утром 25 июля начался марш на Ригу. Шведам дали охранную команду, но за нее взяли четверых заложников (майора, капитана, лейтенанта и прапорщика), которые остались в Тарту на случай, если люди Тизенгаузена вздумают напасть на конвой. Тогда заложникам грозила бы верная смерть. Едва колонна отошла от города на четверть мили, как конвоиры, называвшиеся охранной командой, начали грабить шведов, отнимая у них последнее.

Вечером того же дня старший офицер, возглавлявший конвой, уехал восвояси, передав команду двум лейтенантам, которые устроили шведам сущий ад. Около местечка Рынгу их обчистили до нитки, так что многие остались в одних рубашках. Не пощадили и гражданских лиц. Многих женщин тоже раздели чуть ли не догола, а тех, что помоложе, русские забрали себе.³⁴⁵ Затем охранная команда бросила шведов на произвол судьбы и вернулась в Тарту. Тизенгаузену со своими людьми удалось все же добраться до Риги, где они поразили всех своим ужасным видом. В местных церквях даже устроили сбор денег в пользу тартуских офицеров.³⁴⁶

25 июня русское войско, участвовавшее в осаде Тарту, двинулось в сторону Нарвы, оставив в городе 700 драгун и 1300 стрельцов.³⁴⁷ Днем позже в ту же сторону под конвоем драгун отправились и люди Шютте, причем многие из них со связанными за спиной руками. Часть шведов посадили в баркасы и отправили в сторону Нарвы по воде. В десять часов утра 31 июля тартуский комендант в сопровождении полковника русской армии и

³⁴⁵ А. MOLLER (1755). 115; С. KELCH (1875). 404. Шютте упоминает, что при первом грабеже в окрестностях Тарту русские увели одну девушку. См. *Skyttes berättelse* (1916). 268–269.

³⁴⁶ F. BIENEMANN (1902). 9.

³⁴⁷ Х. ПАЛЛИ (1966). 243. По другим данным русские оставили в Тарту около 2700 человек. См. F. BIENEMANN (1902). 18.

двадцати драгун прибыл в ставку царя Петра под Нарвой. Как сложится их судьба, было неясно. 5 августа Шютте посылает царю письмо о несоблюдении Шереметевым договора о капитуляции.³⁴⁸ Комендант напоминал, что весь цивилизованный мир твердо придерживается достигнутых в таких случаях соглашений и пунктов аккорда. Поэтому Шютте просил снабдить его людей соответствующим традициям конвоем, средствами передвижения и довольствием, дабы они, наконец, могли бы достойно дойти до Ревеля. Ответ был дан в тот же вечер. Остатки тартуского гарнизона направлялись в Выборг, а сам комендант и лейтенант Георг Густав Врангель оставались в ставке в качестве «гостей» царя.

6 августа шведам приказали переправляться через реку на берег, входящий уже в состав Ингерманландии. Шютте участвовал в переправе, помогая своим людям. Внезапно на берегу появился Петр с князем Меншиковым и изменил приказ. В Выборг пойдут лишь 1 капитан, 2 лейтенанта и 300 рядовых.³⁴⁹ Меншиков сам пересчитал солдат, не доверив это дело никому из шведских офицеров. Отобранные шведы немедленно двинулись к Выборгу, а остальным наконец-то разрешили идти в Ревель. Но комендант и еще несколько офицеров остались в ставке. Современному читателю такое разделение тартуского гарнизона (часть в Ригу, другая в Выборг, третья в Ревель) может показаться неоправданным произволом. Но русские руководствовались насущными воинскими задачами. Петру не хотел, чтобы какая-то из шведских крепостей получила столь серьезное подкрепление. Ведь это со временем заметно усложнило бы ее осаду.

Царь задумал использовать полковника Шютте в своих интересах. С его помощью Петр хотел склонить Нарву к скорейшей капитуляции. После полудня 7 августа Шютте, по приказу царя, отправился по траншеям под самые стены крепости, чтобы переговорить со шведскими офицерами. Сначала Петр решил, что бывший комендант Тарту побеседует непосредственно

³⁴⁸ *Skyttes berättelse* (1916). 269–270, 324–326.

³⁴⁹ *Skyttes berättelse* (1916). 270

с комендантом Нарвы Хеннингом Рудольфом Горном, однако последний категорически отказался от подобных переговоров. Присутствие Шютте должно было доказать, что Тарту действительно пал, а самому полковнику предписали объяснить защитникам Нарвы, сколь велика царская милость к сдавшемуся коменданту и всему тартускому гарнизону. Вместе с Шютте в апроши отправились лично царь Петр, князь Меншиков, послы Дании и Польши, а также чуть ли не весь генералитет, что лишний раз доказывает, сколь большие надежды возлагал Петр на такого рода «психологические атаки». Шютте спросил у появившихся на валу шведских офицеров, как обстоят дела, на что получил ответ, что все идет прекрасно. Полковник выразил свою радость по этому поводу и добавил, что шведы сами могут видеть, каково ему приходится. Затем он поинтересовался судьбой артиллериста подполковника Йохана Кюннайрда, служившего когда-то в Тарту под его началом. Тот сначала пообещал встретиться с бывшим командиром, но потом раздумал. Была ли тому причиной давняя их размолвка или приказ коменданта Горна, неизвестно. Продав артиллериста до сумерек, русские увели Шютте обратно в свой лагерь.³⁵⁰

8 августа коменданта и других офицеров тартуского гарнизона пригласили на обед к царю и во время перемены блюд объявили, что завтра их отправляют в Ревель. Шютте не преминул обратиться к царю с просьбой: придерживаться условий капитуляции и не посылать им вслед казаков, которые ограбят и разденут шведов догола. Царь ответствовал, что постарается соблюсти добрые немецкие традиции. Шютте, хоть и с приличествующим случаем почтением, не преминул возразить, что шведский договор был бы тут уместнее. В ответ на это царь поднял свой кубок и предложил Шютте вместе выпить за здоровье шведского короля. На прощание Петр очень крепко, явно демонстрируя свою силу, пожал коменданту руку и при этом не отрывал глаз от его лица. Полковник, по его словам, испытание выдержал с честью, после чего

³⁵⁰ *Skyttes berättelse* (1916). 270; Х. ПАЛЛИ (1966). 258; *Kungl. Artilleriet: Svenska artilleriet i Östersjöprovinserna* (2005). 237.

царь удалился, довольно улыбаясь.³⁵¹ Шведам же, прежде чем уйти восвояси, пришлось выпить еще стакан-другой с князем Меншиковым. В путь они отправились на следующий день и 13 августа прибыли в Ревель. Дорога оказалась нелегкой, хотя бы потому, что шведы изрядно оголодали в пути. Русские настолько разорили весь край, что найти какое-либо пропитание близ дороги было совершенно невозможно. Тем не менее, Шютте и его спутники были счастливы, что спаслись от врага. Чего нельзя было сказать о Нарве³⁵² и Тарту.

Первым русским комендантом Тарту назначили Василия Апухтина – генерал-адъютанта фельдмаршала Шереметева. Однако он оказался совершенно непригодным для этой должности и его довольно быстро заменили. Шереметев прекрасно понимал, что командовать недавно завоеванной крепостью должен человек, близкий жителям по национальности, вероисповеданию, языку и культуре. Только тот, кто понимал суть происходящего в таком городе, как Тарту, мог надеяться на укрепление здесь царской власти. Но, сетовал фельдмаршал, такой личности у него под рукой нет. Пришлось остановиться на полковнике

³⁵¹ *Skyttes berättelse* (1916). 271; A. MOLLER (1755). 117.

³⁵² Нарва была взята 10 августа штурмом, начавшимся в 2 часа пополудни. Город на два дня отдали солдатам на разграбление. На первых порах русские убили также немало мирных жителей, в том числе женщин и детей. Погибла и жена коменданта Горна, ее труп вместе с другими был сброшен с моста в реку. По другим данным, тело умершей жены Горна нашли в медном гробу в его квартире и бросили в реку. Жестоко обошлись и с самим комендантом Горном: его заковали в кандалы и бросили в тюремную камеру. Царь, якобы, при аресте ударил Горна по лицу. Сам Горн, вспоминая об этих событиях, правда, много позже, в 1721–1722 гг., ни словом не обмолвился ни о царской пощечине, ни о недостойном обращении с телом супруги. Зато он упоминает о том, как два русских офицера, сопровождавших его в тюрьму, так сильно ударили его по лицу, что из одного глаза потекла кровь. Что же касается ограбления дома, то Горн вспоминает, как русские взламывали его сундуки и забирали оттуда все ценное. Затем Горна вместе с шестью детьми и другими шведскими пленными отвезли в Москву, откуда он освободился только в 1714 году. По случаю взятия Тарту и Нарвы в Москве состоялось триумфальное шествие, в котором участвовал царь вместе со своими военачальниками. Пройти маршем по Москве пришлось и 159 пленным шведским офицерам, в основном из Нарвы, среди которых находился и комендант Горн. Было сооружено семь триумфальных арок, звучали хвалебные речи, сопровождаемые бесконечными салютами. См. R. WITTRAM (1964). 261–262; X. ПАЛЛИ (1966). 257–262; S. GRAUERS. *Henning Rudolf Horn: Narvas försvarare*. – Karolinska Förbundets Årsbok, 1973; Stockholm, 1974. 23–24.

Фридрихе Балке, немце из Москвы. Балк подчинялся непосредственно верховному коменданту Пскова и Тарту Кириллу Алексеевичу Нарышкину.³⁵³

По распоряжению Балка магистрат собрался на заседание 18 июля. Тем же днем датирована первая после покорения Тарту запись в протоколах ратуши.³⁵⁴ И на этот раз новые власти интересовались денежным вопросом. Новый комендант, ссылаясь на царское распоряжение, хотел знать, не осталось ли в кассе ратуши шведских денег, какие финансовые обязательства были возложены на город шведским королем, и каким образом они ежегодно выполнялись. В ответ он услышал, что шведское государство получало лишь акцизные и контрибуционные деньги.³⁵⁵ Половина акцизных денег от продажи пива, водки, медовухи и забитой тартускими мясниками скотины шла королю, половина оставалась городу. Деньги получали ежемесячно и тут же делили. Еще в ратуше хранилось от четырехсот до пятисот талеров «банкротных денег», принадлежащих частично местным, частично рижским бюргерам. Больше ни государственных, ни городских средств в ратуше отродясь не бывало. Между строк легко вычитать горячее желание отцов города убедить новую власть в том, что с них, как говорится, взять нечего.

Но русские думали иначе. Комендант покинул ратушу с подаренной в знак признательности бутылью вина. Однако вслед за ним явился генерал-адъютант Шереметева и потребовал «деньги на бочку». Помимо вышеуказанных «банкротных» русские забрали средства, собранные в качестве пожертвований для Домского собора в Упсале и на строительство молельни в Пфальце. На все протесты генерал-адъютант лаконично отвечал, что недовольные могут обращаться к фельдмаршалу. Шереметев же, как бы мимоходом, заметил, что 40 000 талеров действительно не обнаружилось, но в ратуше, тем не менее, нашлись 600 талеров в разной монете.³⁵⁶

³⁵³ F.K. GADEBUSCH (1782), Anhang: 331; F. BIENEMANN (1902). 16, 18.

³⁵⁴ ЕАА, ф 995, н 1, с 287, л 176.

³⁵⁵ Чрезвычайный государственный налог, взимаемый деньгами или натурой.

³⁵⁶ F.K. GADEBUSCH (1782), Anhang: 331–332; *Eesti rahva ajaloo* (1960), Nr 166, 199.

Почти сразу после овладения городом русские взялись за восстановление крепости. 18 июля в Тарту из Пскова прибыло около трех тысяч рабочих.³⁵⁷ Шереметев сомневался, достаточно ли оставленного в крепости гарнизона, чтобы отбить возможное нападение шведов. Да и держать под контролем Тарту малыми силами было затруднительно, так как речь шла о густонаселенном городе, где проживало более тысячи человек. Шереметев писал, что поначалу все «воистину в руке Божьей». Но стоит лишь задуматься о будущем, как понимаешь, что возможно всякое, и многого нужно опасаться.³⁵⁸ Речь идет о скрытом недоверии к гражданам Тарту, хотя их на самом-то деле больше всего волновало сохранение городских привилегий и своего добра.

По распоряжению Шереметева в городе описали все сохранившиеся строения и беспризорный домашний скarb. До осады в городе имелось почти двести домов, в основном одноэтажных. Все они в той или иной степени пострадали, а многие были полностью разрушены. В составленном перечне пометка «полностью разрушен» значилась рядом с пятьюдесятью адресами. В отношении людей Шереметев заметил: «Эстонцев гораздо много. Велел выдать им охранные грамоты и взять клятву на верность». Для этого из дворян выбрали четверых уполномоченных, которым и поручили написать текст присяги и составить перечень местных жителей. Кроме того, они должны были проследить, чтобы гражданское население не шибко обижали, так как, по мнению Шереметева, эстонцам предстояло работать на помещиков, молотить зерно и косить сено. После ухода военных беженцев в Тарту, согласно списку, составленному в конце июля, оставалось 1427 человек (873 внутри городских стен и 554 в посаде).³⁵⁹

23 июля, после утреннего молебна в Яановской церкви, горожане в присутствии генерал-майора Вердена, коменданта Балка и

³⁵⁷ *Письма и бумаги* (1893). 104; F. BIENEMANN (1896). 626.

³⁵⁸ F. BIENEMANN (1902). 16–17.

³⁵⁹ В составленном в сентябре списке, куда вошли только проживавшие в пределах городских стен граждане вместе с женами, детьми и прислугой, значилась 954 человека. См. ЕАА, ф 995, н 1, s 6485, l 82–86. 96–101; *Eesti rahva ajaloo* (1960). 199; F. BIENEMANN (1902). 15,17.

других офицеров русской армии принесли присягу на верность царю. Днем ранее Балк вызвал к себе бургомистра Реммина и сообщил, что присягу следует скрепить целованием Евангелия. Оторопев от услышанного, городской голова поспешил к пастору Гротриану за советом. Тот порекомендовал Реммину сказать Балку, что многие сочтут целование Евангелия проявлением ереси, и потому от сей процедуры разумнее отказаться. На этот раз комендант уступил.

Наряду с бюргерами присягу принесли оставшиеся в городе дворяне, скрепив ее личной подписью. Помимо привычной формулы, по которой именем Отца небесного тартусцы клялись в верности Его Величеству Петру Алексевичу с наследниками, текст присяги содержал угрозы, соответствующие моменту и отражающие склад мысли захватчиков.³⁶⁰ Бюргеров обязали немедленно сообщать властям о любой известной им опасности или тем паче предательстве, не вступать в контакт с неприятелем, не вести переписку с врагами царя, особенно с королем Швеции и его военачальниками. Всем местным жителям предписывалось оставаться на местах, в городе или в посаде, где кто проживает. Несоблюдение присяги грозило позорной смертью.

Перед тем как основные силы русской армии покинули Тарту, комендант Балк сообщил бургомистру, что город должен организовать постой для трех полков остающегося там гарнизона. Соответствующую подготовку возложили на магистрат.³⁶¹ Ратманы отнюдь не пришли в восторг от такого поворота событий. Бургомистр пытался возродить работу службы размещения, но никто не хотел брать на себя выполнение столь непопулярной задачи. Реммин, по его словам, попытался предотвратить размещение войск, «ибо большая часть домов разрушена, в городе великое множество больных и раненых, а свободной площади очень мало». Но Балк не внял этим аргументам: его полки проведут в полевом лагере еще одну ночь, а следующую уже будут спать под крышами Тарту.

³⁶⁰ F.K. GADEBUSCH (1782), Anhang: 334–335; F. BIENEMANN (1902). 18–19.

³⁶¹ EAA, f 995, n 1, s 287, l 184; *Eesti rahva ajaloo* (1960). 205.

25 июля магистрат и обе гильдии направили своих представителей в лагерь русских у мызы Раади, чтобы попрощаться с фельдмаршалом Шереметевым и пожелать ему счастливого пути.³⁶² Заодно они передали письмо царю с просьбой о подтверждении городских привилегий. Шереметев взял собой оригинал грамоты о привилегиях, выданный Тарту в 1657 г. царем Алексеем Михайловичем, пообещав, что Петр возвратит сей важнейший документ. Фельдмаршал еще раз повторил, что отцы города, коли у них возникнут проблемы, могут направить гонца к нему в Нарву, и он постарается помочь. Но, как показали последующие события, все обстояло не так просто. Шереметев также приказал магистрату поскорее нанять переводчика, ибо в дальнейшем все обращения к властям, равно как и внутренние распоряжения, должны быть составлены не только на немецком, но и на русском языке.

Как только русские солдаты сняли охрану со здания ратуши, магистрат вернулся в свои помещения. Первым делом решили починить крышу, чтобы дожди не нанесли урон всему строению. Решено было достать из подвала, распаковать и разложить по местам документы канцелярии.³⁶³

Петр покинул Тарту уже на третий день после падения города, поскольку торопился под Нарву, чтобы лично руководить осадой. Но через несколько дней русское командование распространило весть о скором возвращении самодержца. 20 июля бургомистр ознакомил магистрат с приказом фельдмаршала Шереметева поднять на Яановскую церковь колокола, снятые и укрытые в начале военных действий. Также следовало привести в порядок церковное кладбище. Царь, якобы, в следующее воскресенье намерен прийти в церковь послушать проповедь.³⁶⁴ Комендант Балк, со своей стороны, дал понять, что кроме хлеба и соли царю, по случаю его прибытия, следует преподнести достойный подарок, «если не хотите впасть в немилость».³⁶⁵ Магистрат намек понял.

Весь июль царя прождали напрасно. Осада Нарвы продолжа-

³⁶² ЕАА, ф 995, н 1, с 287, л 183р; Протоколы магистрата 25.7.1704.

³⁶³ ЕАА, ф 995, н 1, с 287, л 185Б Протоколы магистрата 26.7.1704.

³⁶⁴ F.K. GADEBUSCH (1782), Anhang: 332.

³⁶⁵ ЕАА, ф 995, н 1, с 287, л 182; Протоколы магистрата 23.7.1704.

лась. Зато было время подготовить дары. Комендант подсказал, что желательнее, соответственно обычаю, преподнести изделия из серебра. Но городская казна была пуста. Кто-то вспомнил, что в Большой гильдии должны находиться два кубка общим весом в шестьдесят лотов.³⁶⁶ Почему бы не преподнести их царю? Представитель Большой гильдии запротестовал: больно уж роскошный выйдет подарок! Коменданту следует постоянно внушать, что Тарту город бедный, и пусть он об этом доложит царю. Но магистрат решил, что так поступать неуместно. Наконец, стоговались на том, что кубки царю все же презентуют, однако к следующей Пасхе ратуша выплатит Большой гильдии по риксталеру за лот серебра.³⁶⁷

Но беда не приходит одна. Верховному коменданту Нарышкину так приглянулся этот подарок, что он не постеснялся потребовать один из кубков себе. Причем просто приказал забрать сей предмет из ратуши и доставить ему. Пикантность ситуации состояла еще и в том, что случилось это как раз в день прибытия Петра в Тарту. Спассти положение помог комендант Балк, выдавший из своих запасов красивый меч. Благодарные ратманы позже решили отлить еще один кубок и подарить его коменданту.³⁶⁸ Городская казна опустела настолько, что даже вино, пиво и сладости, необходимые для царского приема, один из ратманов оплатил из собственного кармана. Приближенных Петра также щедро одарили. Князь Меншиков получил шпагу и пару пистолетов, маршал Головин – позолоченную чайницу, а фельдмаршал Шереметев целых три сабли.

Магистрат вновь вернулся к необходимости ремонта протекающей крыши. Ведь Его Величество мог остановиться именно в ратуше. Почти сразу после покорения Тарту русские водрузили на ее шпиль двуглавого орла. Теперь велено было изобразить над

³⁶⁶ Лот – мера веса, равная 12,8 г. Таким образом, серебряные бокалы, о которых идет речь, весили 844,8 г. По понятиям той эпохи, наряду с тонкой ручной работой, очень важным показателем ценности предметов из серебра и других благородных металлов был их вес. Так, статус серебряного сервиза определялся не только численностью тарелок, но и их общим весом.

³⁶⁷ ЕАА, ф 995, н 1, с 287, л 204; F. BIENEMANN (1902). 26.

³⁶⁸ ЕАА, ф 995, н 1, с 287, л 207; Протоколы магистрата 31.8.1704.

входом царский герб. Заодно потребовали закрасить герб шведского короля и написанный на латыни девиз.³⁶⁹

Наконец наступил долгожданный день. В полдень 31 августа депутация от магистрата и бюргеров приветствовала царя у городских ворот. Церемония оказалась на удивление короткой. Еще накануне городским властям настойчиво рекомендовали обойтись без своеволия, помятуя об указанном им месте, ибо в день прибытия самодержцу недосуг встречаться с отцами города, а тем паче принимать от них подношения. Зато на следующий день в шесть утра пусть все будут готовы.³⁷⁰ Петр еще раз подтвердил, что не только сохранит за городом все привилегии, но даже готов их расширить. Однако, как известно, царская канцелярия теперь располагается в Нарве. Так что придется посланникам магистрата прибыть в царскую ставку, где им привилегии и вручат.

Во время пребывания Петра в Тарту произошел инцидент, который мог иметь далеко идущие последствия для всего города. На обеде в ратуше царь поначалу пребывал в хорошем настроении и обещал бюргерам в десять раз больше свобод, чем они имели при шведах. В ходе застольной беседы Петр, говоривший по-голландски, как бы между прочим заметил, что на самом деле виновником этой войны является не кто иной, как генерал-губернатор Дальберг. И тут его перебил ратман Юрген Шлюттер, воскликнув: «О, Ваше Величество, этот губернатор был весьма почтенным господином!» Царь пришел в ярость. Чуть позже он признался, что еще немного, и Шлюттеру не поздоровилось бы. «У этого ратмана в груди осталось шведское сердце», – сказал царь и пообещал оное вытравить.³⁷¹ Пастор Гротман, поведавший об этом инциденте, полагал, что именно с него начались многие беды, постигшие затем Тарту. Но такое объяснение представляется слишком поверхностным,

Сразу после визита царя заметно ужесточились меры безопасности, и для города настали трудные времена. Поводом послужило возвращение 11 сентября в Тарту через Ригу двух местных

³⁶⁹ ЕАА, ф 995, n 1, s 287, l 186p, 194; F. BIENEMANN (1902). 26.

³⁷⁰ ЕАА, ф 995, n 1, s 287, l 204, 206p–207; Протоколы магистрата 31.8.1704.

³⁷¹ F. BIENEMANN (1902). 1:27; Там же. *Zweiter Teil: Zeitgenössische Aufzeichnungen*, 6.

бюргеров, выехавших в Германию еще до начала осады города. Друзья их встретили еще за городскими стенами, проводили в город, но забыли сообщить об этом коменданту. Балк в роли коменданта чувствовал себя неуверенно, к тому же патологически боялся шведских шпионов. Поэтому он запретил под угрозой смертной казни приводить в город посторонних лиц без оповещения властей. Спустя четыре дня Балк велел магистрату представить именной список всех бюргеров и их жен с указанием, сколько у них сыновей, дочерей, батраков и служанок. Все, кто хотел въехать в Тарту со стороны Риги, Ревеля или Пярну, должны были остановиться за три-четыре мили до города и ходатайствовать о получении паспорта. После вечернего отбоя никто больше не имел права появляться на улице, всем предписывалось тихо-мирно сидеть по домам. А уж коли сигнал об отбое заставал кого-то в гостях, то и ночевать следовало там же. Необходимость последнего пункта объяснялась заботой о честных гражданах, которые в ночное время могли стать жертвами пьяных солдат или злоумышленников.³⁷²

16 сентября верховный комендант Нарышкин сделал от имени царя еще одно предписание, тем самым существенно вмешавшись в жизнь города. Содержание этого документа отражает, опять-таки, недоверие властей к своим новым подданным и опасение, что шведские войска могут вернуть себе Тарту, хотя в действительности никаких оснований для этого не было. Большинство из тринадцати пунктов предписания регулировало отношения горожан с внешним миром, который, по разумению Нарышкина и его сподвижников, начинался сразу же по ту сторону крепостной стены.³⁷³ Бургомистра и магистрат обязали распорядиться, чтобы граждане города и все остальные его жители сообщили, сколько обслуги обоего пола требуется им для ведения домашнего хозяйства. После составления списка уже никто не имел права никого ни нанимать, ни отпускать, не известив о том власти. Ни в одном доме, ни у одного хозяина не могли остановиться (или жить) больше людей, чем это было указано в списке. Прибытие и

³⁷² ЕАА, f 995, n 1, s 287, l 209p; Протоколы магистрата 15.9.1704.

³⁷³ ЕАА, f 995, n 1, s 2780, l 2–4; *Eesti rahva ajaloo* (1960), Nr 169. 205–207.

отъезда посторонних лиц, опять же под страхом смертной казни, требовалось регистрировать. Бюргеры сами не смели покидать город, да еще и за прислугой обязаны были приглядывать, чтоб никто не сбежал.

Если какой-нибудь бюргер хотел арендовать мызу, он мог вести хозяйство только через управляющего. Сам же арендатор должен был жить в городе, не имея права посещать свою мызу без специального на то разрешения. А управляющий мызой мог встречаться со своим хозяином только на постоялом дворе в посаде, да и то лишь по предварительной договоренности через офицера постоянной службы. Входить в город ему не разрешалось.

Никто не имел права отправлять из города письма, не доведя их содержание до сведения высокого начальства. То же правило распространялось на письма, приходящие из Риги, Ревеля и Пярну. Эти послания без комендантского досмотра не разрешалось даже брать в руки. Ослушникам грозила смертная казнь. Далее все шло в том же духе: ни в городе, ни в посаде, ни при каких условиях не должен появиться ни один лазутчик. Того же, кто, проведав про шпиона, о том властям не доложит, ждет виселица.

Бургомистра, магистрат и всех граждан известили о том, что в случае какого-либо неприятного происшествия, случись оно днем или ночью, все обязаны оставаться по домам и ни при каких условиях со своего двора не отлучаться. Те, кого на месте не окажется, будут приговорены к смертной казни. С наступлением темноты запрещалось кричать и драться на улицах, а дома не следовало громко ссориться. Ночью нельзя было долго жечь огонь в жилых помещениях. Засидевшимся в корчме тоже грозили серьезные неприятности. Всем бюргерам предписывалось сдать свое оружие.³⁷⁴ За сокрытие оружия, если оно затем будет обнаружено, предусматривалось строгое наказание.

³⁷⁴ По перечню, составленному в октябре 1704 г., от граждан было получено: 41 нагрудный щит, 3 средневековых ружья, 12 карабинов, 8 пар пистолетов с кремневым затвором, 7 мушкетов с колесцовым затвором, 28½ пар пистолетов с колесцовым затвором, 132 мушкета с кремневым затвором, 151 фитильный мушкет, 7 мушкетов без затвора, 17 мушкетных стволов, 54 меча, 4 сабли, 2 птыка, 2 лезвия меча и т.п. См. F. BIENEMANN (1902). 17.

Наконец, главный комендант упомянул об инциденте, имевшем место 11 сентября, когда два бюргера, вернувшись через Ригу, не доложили властям о своем приезде. Вывод, который сделал Нарышкин, шокировал всех: «Посему отныне из города никого не выпускать».

Граждане Тарту были очень напуганы и разочарованы происходящим. Городские ворота закрылись как для всех входящих, так и выходящих из города. Помимо ограничения свободы передвижения это было равнозначно полному прекращению торговли и ломке привычного уклада жизни горожан. Люди уже не знали, имеют ли они право прийти на помощь соседу, если у того возник пожар, можно ли зажечь ночью свечу у изголовья больного. Питейные заведения можно, конечно, закрыть, но как быть, если в дом ломятся подвыпившие солдаты? Вопросов возникало множество.

Магистрат немедленно обратился к Нарышкину с челобитной на имя царя. В ней напоминалось, что горожане присягали царю как верные подданные, они ни в чем не провинились и ни малейшего греха за собой не знают. Указывалось на аккорд, заключенный при сдаче Тарту, и на обещание сохранить городские свободы. Нарышкин велел показать договор о капитуляции и, ознакомившись с ним, пошел на некоторые уступки.³⁷⁵ Он разрешил покупать и продавать продукты и другие товары, но только в торговом дворе при посаде. Правда, для этого требовалась предварительная регистрация в караульной службе. Кроме того, на городских воротах при страже всегда должен находиться один из бюргеров, хорошо знающий сограждан, чтобы вести запись всех входящих и выходящих. Разрешили также приходить на помощь соседу, если у того загорелся дом или к нему заявили незваные гости. Огонь в ночное время зажигать можно, если ухаживают за больным, варят пиво или забивают скотину.³⁷⁶ Когда же Нарышкину заметили, что хозяин просто не может уследить сразу за всеми чадами и домочадцами, тем более за чужаками,

³⁷⁵ F. BIENEMANN (1902). 31

³⁷⁶ 12 июня 1705 г. сюда внесли дополнение: ежели из-за кого-то начнется пожар, тот оплатится жизнью.

стоявшими в доме на постое, тот, недолго думая, запретил постояльцам самовольно пользоваться огнем и даже курить трубку. Грозное распоряжение не мешало, однако, самому верховному коменданту хранить в доме ратмана Шлюттера несколько тонн пороха, который увезли лишь после настоятельных просьб.

Движение между городом и посадом по-прежнему оставалось под запретом. Исключения делались только в индивидуальном порядке. На мельницу разрешали посылать лишь посадских. Все остальное осталось без изменений.

Фактически снова наступило осадное положение, продолжавшееся три с половиной года. Отношения между городом и окрестностями крайне затруднились. Тарту был закрыт для внешнего мира. Неотъемлемым спутником горожан стал постоянный страх. Любой неосторожный шаг, малейшая оплошность или забывчивость могли повлечь за собой немилость властей, а то и арест.

Тем не менее, разговоры о правах города не утихали. Тарту хотел получить подтверждение своим привилегиям у Петра. Но Нарышкин решительно отказывался выдать хотя бы одному бюргеру паспорт для поездки в Нарву, где пребывал царь. Когда же он, наконец, сменил гнев на милость, царь Петр уже был в Москве, а в городской кассе попросту не нашлось денег на столь дальнюю дорогу. Бургомистр Реммин предложил провести сбор пожертвований. Гильдии тут же выразили готовность послать пару человек за свой счет. Но магистрат непременно хотел иметь в делегации своих представителей. Тогда гильдии заявили, что на поддержку посольства (*читай: на финансирование*) они не дадут ни одного риксталера. В конце концов, обе стороны пришли к компромиссному решению: направить депутацию в Псков к Шереметеву. Но из этого тоже ничего не вышло, поскольку верховный комендант опять отказал в выдаче паспортов.³⁷⁷ Вопрос о привилегиях так и повис в воздухе.

В феврале 1705 г. заседание магистрата пришлось провести в доме бургомистра Боле, так как ратушу снова заняли русские солдаты. Они не допускали в здание даже членов магистрата. По

³⁷⁷ F. BIENEMANN (1902). 35–36.

этому поводу Реммин заявил, что негоже магистрату перед каждым заседанием просить у дежурного офицера разрешение на вход в ратушу.

Строгие меры, направленные на подчинение Тарту, отражали неуверенность новых властителей. Русские отнюдь не чувствовали себя здесь как дома. Они находились среди чужих, и пока что было совсем не ясно, останутся ли завоеванные территории в составе Российского государства. И уж совсем плохой новостью стало известие о нападении шведов на только что основанный Петербург. Тысячный отряд, которым командовал полковник Карл Густав Армфельд, 26 января неожиданно ворвался в новую столицу Российской империи, уничтожив часть города и большое количество всевозможных припасов.³⁷⁸ Этот рейд не имел большого стратегического значения, но сильно разгневал царя.

Петр решил по весне непременно разгромить армейский корпус Адама Людвиг Левенгаупта в Курляндии, представлявший для него определенную опасность. Против этого соединения было послано 12-тысячное войско под командованием фельдмаршала Шереметева. Левенгаупт ожидал русских южнее Митавы, у Гемауерхофа, где 16 июля и произошло сражение. У шведов было под ружьем всего семь тысяч человек, тем не менее, они одержали полную викторию. Карл XII возвысил Левенгаупта до звания генерала от инфантерии и назначил его губернатором Риги. Упомянутое сражение несколько отодвинуло завоевание Курляндии Россией, но предотвратить его не смог. В августе Левенгаупт отвел свои войска в сторону Риги, что, с точки зрения русских, усилило давление на Тарту.

В ноябре 1705 г. полковник Герман Брокгаузен с полуторатысячным отрядом драгун вторгся по Рижской дороге в тартуские

---

³⁷⁸ U. SUNDBERG (1998). Армфельд, родившийся в Ингерманландии, получил военную выучку, прослужив восемнадцать лет во французской армии, где поднялся до звания капитана. У последующих поколений его имя связано, прежде всего, с катастрофическим отступлением из Норвегии в конце 1718 – начале 1719 года. Его войско, и без того страдающее от голода и холода, попало на обратном пути в сильную снежную бурю. Из пяти тысяч человек 2300 замерзли насмерть и еще 1400 умерли в течение последующих двух месяцев от последствий обморожения. См. A. HANSSON. *Armfeldts karoliner*. Stockholm, 2003.

земли. Он имел приказ реквизировать зерно, собранное русскими на окрестных мызах. 21 декабря шведские всадники появились всего в версте от Тарту, вынудив русских отвести свои передовые посты за городские стены. Нарышкин не на шутку испугался и приказал облить крепостные валы водой, чтобы обледеневшие склоны затруднили возможные действия шведов. Утром 18 января 1706 г. совсем близко от Тарту прошел в сторону Печор отряд из трехсот драгун под командованием майора Фрейденфельда. По ним даже открыли огонь с крепостных валов и башен. Русские вывели из города свою пехоту и конников, которые заняли перед стенами боевые позиции под защитой орудий. Но атаковать шведов они не решились. Фрейденфельд направился в Луунья, где поджег стоявшие там русские корабли и запасы сена.³⁷⁹ Шведы блокировали Тарту всю зиму, так что ничего нельзя было ни ввезти, ни вывезти из города. Их действия оказались настолько эффективными, что к весне тартуский гарнизон, образно говоря, положил зубы на полку.

С появлением шведских отрядов по округе поползли разные слухи. В декабре они дошли и до Нарышкина. Говорили, будто ожидается прибытие большой армии во главе с генералом Левенгауптом, которая должна взять Тарту, «чтобы этот город снова стал нашим».³⁸⁰ Управляющих мызами уговаривали не поставлять в Тарту зерно и другие продукты. Тем, кто не слушался, угрожали расправой. Например, у них угоняли скот. Некоторых, чья лояльность шведской короне вызывала сомнение, арестовывали. Для сельских жителей настали суровые времена, так как они оказались между двумя мощными жерновами – русским и шведским.

В первых числах февраля 1706 г. Нарышкин покинул Тарту. Ему поручили строительство оборонительной линии против шведов между Псковом и Смоленском. Попутно он информировал царя о том, что жители Тарту выходят из города, чтобы добыть себе продовольствие.³⁸¹ Они вполне могут встречаться со

³⁷⁹ С. KELCH (1875). 521–522; F. BIENEMANN (1902). 50–52; A. MOLLER (1755). 120.

³⁸⁰ F. BIENEMANN (1902). 54.

³⁸¹ Положение в Тарту до подхода к городу шведов немного улучшилось. С августа бюргерам снова разрешалось выходить из города.

шведскими конниками, которые рыщут по округе, то есть, возрастает риск шпионажа. Но если людей вообще не выпускать из города, то скоро им нечего будет есть. Как прикажет царь действовать? Петр ответил, что жителей из города выпускать нельзя, и вообще за ними нужен глаз да глаз. 12 марта решение царя довели до бюргеров. Отцы города и горожане, осознав, что теперь и вовсе не смогут прокормить свои семьи, обратились с прошением сохранить свободу передвижения.³⁸² Но нарушить приказ царя никто не осмелился.

Когда в марте русские ушли из Курляндии, Левенгаупт снова занял эту территорию и отозвал свою кавалерию из окрестностей Тарту. Внешнее давление на Тарту ослабело. В апреле город почувствовал некоторое облегчение, но коснулось оно, в основном, ратманов и торговцев государственной водкой, которые могли свободнее выходить из города и возвращаться домой. В отношении остальных жителей по-прежнему действовал приказ оставаться в городских стенах. На всякий случай, в мае и июне, им вновь напомнили о введенных ограничениях. Никто не мог отправить из города письмо родственникам или знакомым, не показав его предварительно коменданту. Меры предосторожности, введенные русскими, доходили порой до абсурда. Так, 9 мая была опечатана дверь, ведущая на башню ратуши. Опасались, что оттуда могут подать тайные сигналы шведам, хотя те уже давно ушли из-под города. По распоряжению коменданта Балка бюргерам снова запретили засиживаться в корчме после сигнала «отбой», пригрозив суровым наказанием.³⁸³

25 мая в Тарту вернулся Нарышкин. На пятнадцати баркасах он привез гарнизону тысячное пополнение, оружие и боеприпасы. Русские почувствовали себя значительно увереннее.

Лето прошло относительно спокойно, но к осени ситуация в Тарту снова осложнилась. Чтобы исключить возможные контакты со шведскими войсками, чего русские опасались больше всего, выходить в посад без приставленного надзирателя запре-

³⁸² ЕАА, f 995, n 1, s 289, l 77; Протоколы магистрата 22.3.1706.

³⁸³ ЕАА, f 995, n 1, s 289, l 96; Протоколы магистрата 22.3.1706.

шалось даже ратманам. В октябре еще раз напомнили, что каждый бюргер лично отвечает за поведение своей прислуги. Бюргеры сочли такое требование невыполнимым и даже чреватым большими неприятностями. Вдруг какой-нибудь батрак или служанка вздумают убежать, а вся хозяйская семья будет за это в ответе. Выслушав протесты, комендант Балк внес некоторые уточнения. Он предоставил бюргерам возможность выходить из города группами по три-четыре человека, а слугам по одному, в сопровождении стражи и при условии взаимного поручительства.³⁸⁴ Кроме того, из городских ворот приказали никого не выпускать без денежного залога.

Члены магистрата впали в уныние и никак не могли прийти к единому мнению. Реммин считал, что с охраной можно примириться, но залога и поручительства следует как-то избежать. Другие, напротив, не имели ничего против поручительства, третьи предложили еще раз пойти к Балку за разъяснениями, коли уж сам царь разрешил свободно выходить из города. Бургомистр Боле, в свою очередь, и слышать не хотел ни о каком залоге, скорее он готов был выходить из города под конвоем.³⁸⁵ Согласия они так и не достигли. Наконец, решили сообщить Балку, что магистрат, за невозможностью сохранить прежние свободы, не возражает против сопровождения стражников при выходе из города.

Балка ответ не устроил, он настаивал на взаимном поручительстве. Магистрату ничего не оставалось, как согласиться и с этим требованием.³⁸⁶ Текст, под которым ратманы поставили свои подписи, звучал примерно так: «После того, как мы, бургомистры и магистрат, ознакомились с означенным приказом Его Царского Величества, мы стали друг для друга поручителями и можем под залог выходить из ворот со стражей или без оной, возвращаться, но не убегать. У нас нет предательских намерений, мы не хотим выходить дальше пригородов, и не будем разъезжать по округе. Мы остаемся во всем верны Его Царскому Величеству,

³⁸⁴ ЕАА, f 995, n 1, s 289, l 181; Протоколы магистрата 16.10.1706.

³⁸⁵ F. BIENEMANN (1902). 61–62.

³⁸⁶ ЕАА, f 995, n 1, s 289, l 211–212p; Протоколы магистрата 23.11.1706.

коему присягали. Если же кто из связанных залогом поименованных лиц убежит, то поручитель будет наказан смертью».³⁸⁷ Далее следовало, что по залоговому списку Иоган Реммин отвечает за ратмана Петера Табора, тот, в свою очередь, за ратмана Готфрида Газенфельдера и т.д. Для более строгого контроля власти велели уже в третий раз составить точный список тартуских бюргеров. На учет поставили всех ремесленников с указанием того, чем они конкретно занимаются. В перечень граждан попали 688 человек, в т.ч. 35 детей-сирот. В списке ремесленников оказалось 103 имени.³⁸⁸ По профессии преобладали сапожники, прядильщики льна и портные. Для чего все эти сведения понадобились, оставалось непонятным. Вопрос прояснился через несколько месяцев. Жители Тарту испугались еще больше.

Одной из первых жертв строгих правил военного времени стал пастор Адриан Виргиниус из Отепя, чья судьба стала предостережением для прочих.³⁸⁹ Пастор привлек к себе внимание еще в 1702 и 1703 гг., когда вместе с крестьянами выступил против русских отрядов, совершавших опустошительные набеги. Именно тогда он получил прозвище «крестьянский полковник».³⁹⁰ После того, как противник сжег в Отепя церковь и здание пастората, Виргиниус отправил свою жену и шестерых детей в Тарту. Когда же русские осадили город, он забрал семью и направился в поисках убежища в Эстляндию. Но вскоре после падения города Виргиниус вернулся и остался в Тарту, хотя его дом с большой библиотекой был разграблен и занят военными. По требованию коменданта Фридриха Балка, пастор тоже присягнул на верность царю в Яановской

³⁸⁷ ЕАА, f 995, n 1, s 2480, l 295; *Eesti rahva ajaloo* (1960), Nr 171, 208. Аналогичный порядок поручительства русские ввели и в Нарве.

³⁸⁸ F. BIENEMANN (1902). 62–63.

³⁸⁹ Виргиниус родился в 1663 г. в Камбья в семье пастора. Получил образование в Рижском лицее и Ревельской гимназии, затем изучал теологию в Кильском университете. С 1693 г. был пастором в Отепя. См. *Curriculum vitae Adriani Verginii Pastoris in Odenpae descriptum Dorpat ao. 1706. 9 Apr.* – Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Kurland's. Bd IX, Heft 1. Riga, 1858. 118–125; A. MOLLER (1755). 118–119; S. VANHRE. *Adrian Verginius: hingekarjane, eesti kirjakeele arendaja, Põhjasõja märter (1663–1706)*. Kambja, 1996.

³⁹⁰ См. об этом К. KROON (2007). 101–103. Называть крестьянские отряды, действовавшие под руководством Виргиниуса, силами обороны, как это делает К. Кроон, автору представляется преувеличением.

церкви, однако на следующий день ушел в Отепя к своим прихожанам. Туда из Ревеля вернулась и его большая семья.

Спокойная жизнь пастора продолжалась недолго. В последний день сентября 1704 г. Виргиниуса арестовали и препроводили в Тарту. Вместе с ним арестовали кистера Отепяского прихода Якоба Эрдманна. Поводом послужило то, что шурин Виргиниуса, служивший в чине капитана в Ревельском гарнизоне, велел сержанту своего отряда Герману Стаммеру, кстати, бывшему школьному учителю Виргиниуса, доставить тому несколько писем. Стаммер передал их пастору поздним вечером 20 сентября, а остановился на ночь у своего родственника кистера Эрдманна. Поутру он приступил к розыску прятавшихся в округе дезертиров из шведской армии. Русские прознали о пребывании Стаммера в Отепя и приказали его задержать. В Тарту Стаммера допросили, и он под пыткой дал показания, бросавшие тень на Виргиниуса и Эрдманна. Русские заподозрили обоих в измене.

Виргиниус не мог отвергнуть обвинения, поскольку он велел кистеру сжечь письма, вместо того, чтобы предъявить их коменданту. Власти обвинили Виргиниуса в получении из Ревеля «предательской почты» и намерении тайно провести Стаммера в Тарту, дабы тот мог оценить ситуацию в крепости и гарнизоне. Кроме того, Виргиниус якобы собирался отправить со Стаммером ответное письмо в Ревель.

В действительности, два письма, полученных Виргиниусом, не содержали ничего предосудительного, но доказать это было невозможно. Автором одного был профессор греческого языка Ревельской гимназии Исаак Аулиниус, другое написал пастор Каарловской церкви Иоган Циммерманн. Это были письма частного характера, ничего компрометирующего и опасного в них не содержалось. Нашлось еще и третье письмо. Лейтенант Ладау обращался к своей жене, оставшейся в Тарту у родителей. Муж советовал ей, переодевшись в крестьянскую одежду, выбраться из города и дойти до Отепя, откуда пастор Виргиниус переправит ее в Ревель.

Стаммер не выдержал пыток и вскоре отдал Богу душу, что исключило очную ставку с Виргиниусом, хотя последнему это вряд ли бы могло. Пастор упорно отвергал все выдвинутые

против него обвинения. Тогда его стали пытаться, бить кнутом и нагайкой. Чтобы сломить волю Виргиниуса, его поднимали на дыбе. Но несмотря ни на что, пастор настаивал на своей невиновности. Последовало строжайшее тюремное заключение, которое продолжалось год и девять месяцев. От пастора оставались лишь кожа да кости, когда относительно него и Эрмманна суд вынес окончательное решение.

Виргиниус не раз просил замолвить за него слово. И ему пытались помочь. Прежде всего, к Тартускому магистрату обратилась жена пастора, утверждая, что для содержания ее супруга в тюрьме нет никаких оснований: «Клянусь перед Богом, что он не совершил ничего вероломного против Его Царского Величества». Женщина сетовала на то, что она со своими несовершеннолетними детьми находится в крайне бедственном положении. Пастор и сам в феврале 1705 г. обратился за помощью к обеим тартуским гильдиям, которые проявили готовность выступить в его защиту. Старейшины гильдий предложили ратманам составить совместное прошение о спасении Виргиниуса. Четверо ратманов считали, что попытка того стоит. Но большинство членов магистрата сочло такую затею небезопасной, и единого решения принять не удалось. Тем временем магистрат получил совместное обращение церковных старост Отепяского прихода, которые писали, что куда их пастор томится в тюрьме, некому нести людям слово Божие, а ратманы и бюргеры могли бы проявить сострадание и попытаться спасти человека. В частности, церковные старосты надеялись на освобождение Виргиниуса под залог и были готовы поручиться за него своей жизнью и имуществом в уверенности, что их пастор не сбежит, так как не совершил ничего дурного.

Магистрат, конечно, был далеко не безразличен к судьбе Виргиниуса, но робок не в меру. Ратманы так боялись за свою шкуру, что не рискнули обратиться с открытым ходатайством к властям. К тому же, они не знали точно, в чем собственно Виргиниуса обвиняют. А ведь обвинения могли быть тяжкими, и тогда магистрат, в случае вмешательства, навлек бы на себя большие неприятности. Решили еще раз узнать мнение гильдий. Там по-прежнему считали, что нужно помочь пастору и направить пись-

менное прошение верховному коменданту Нарышкину, чтобы заключенного перевели хотя бы в городскую тюрьму и позволили ему, пусть под наблюдением стражи, иногда встречаться с близкими. По мнению Реммина, такая просьба к главному коменданту была бы вполне уместной. Но из осторожности он все-таки добавил, что ходатайствовать можно лишь в том случае, если проступки пастора это позволяют. На большее Реммин не решился, а о внесении залога и вовсе не сказал ни слова. Остальные члены магистрата с ним согласились. Впрочем, нашлись два ратмана, Боле и Шлюттер, которые заявили, что вообще не желают заниматься делом Виргиниуса. Днем позже Реммин тоже изменил свое мнение, засомневавшись в целесообразности подачи прошения, так как о преступлении Виргиниуса мало что известно.

Услышав о состоявшемся обсуждении, Виргиниус обратился непосредственно к магистрату. Прежде всего, он поблагодарил ратманов за то, что те взяли на себя труд ходатайствовать за него перед Нарышкиным. Как ему стало известно, некоторые боятся, что он может сбежать и присоединиться к шведам. Поэтому пастор клялся, как перед Богом, что из-за него магистрат и горожане никакой опасности не подвергнутся. Он даже не просил о полном освобождении и был согласен оставаться под надзором в посаде. Он молил лишь об избавлении от ужасных мук, которыми его подвергают.

После второго обращения, поступившего из Отепяского прихода, ратманы все-таки решились просить Нарышкина, чтобы Виргиниус, с преступлением которого они никак не связаны, мог находиться под арестом в собственном доме на холме Тоомеяги. Один из ратманов вместе со старостой Большой гильдии взяли на себя выполнение этой задачи. Нарышкин их выслушал, но пожелал иметь письменное ходатайство, которое через несколько дней ему и доставили. Что конкретно за этим последовало, история умалчивает. Но когда в середине мая 1705 г. кто-то вновь решил в магистрате замолвить слово за Виргиниуса, ему сразу дали понять: ратманы этим делом больше не занимаются.

Известно, что пастор Иоган Хорнинг получил от Виргиниуса письмо с просьбой прислать 20 граммов опиума. И это зелье ему

достали. Не совсем понятно, для чего пастору понадобился опиум. То ли он хотел им приглушить боль, причиняемую пытками, то ли намеревался покончить жизнь самоубийством. Хотя последнее представляется маловероятным.

После долгого ожидания суд приговорил Виргиниуса к смертной казни через отсечение головы. Когда это стало известно, была предпринята последняя попытка спасти его жизнь. Члены магистрата в полном составе вместе с представителем бюргеров пошли к коменданту Балку и передали ему петицию, адресованную царю. Государя просили смилостивиться и сохранить Виргиниусу жизнь. Балк обещал повременить с казнью и послать письмо Нарышкину. По некоторым данным, в поддержку Виргиниуса выступили и многие русские люди. Но результата это не возымело. Думается, Нарышкин просто не соизволил или не рискнул передать прошение царю.

27 июня 1706 г. настал день казни. Пастора провели к рavelину перед Немецкими воротами (впоследствии место торговой площади), где был зачитан приговор. Виргиниус отвечал по каждому пункту тихо, но уверенно, что обвинения не соответствуют действительности. Он взывал к Небу и утверждал, что никогда не замышляя измены и ничего не ведает о шпионах. Пожелав Его Величеству счастливого царствования, что никак нельзя истолковать как иронию, а скорее как знак верности государству, Виргиниус разделся до рубашки и положил голову на плаху. Его губы шептали молитву. Опустился топор палача.

Вместе с Виргиниусом казнили и кистера Якоба Эрдманна, которого признали соучастником пастора. Он тоже до конца отрицал свою вину, поправил одно неверно зачитанное имя, а в конце добавил, что никогда не присягал царю и потому не может быть наказан за измену, которая ему приписывается. Тела казненных, с соблюдением всех христианских традиций, предали земле 30 июня в Камбья на местном кладбище. Виргиниуса похоронили рядом с его отцом. По свидетельству присутствовавших, когда гроб с телом пастора опускали в могилу, слышалось два громких удара, которые всех привели в ужас.

Драматические события и жесткие ограничения свободы

передвижения, наложившие мрачный отпечаток на жизнь города, все же не мешали магистрату заниматься будничными делами. Например, наймом городского музыканта. Тему обсуждали три раза – в мае, июне и июле.³⁹¹ Она возникла в связи с тем, что комендант Балк высказал магистрату пожелание возобновить существовавший еще в шведские времена обычай трубить по вечерам сигнал отбоя с ратушной башни. Комендант уже говорил на сей счет с неким трубачом Петером Закау, но тот не согласился. Закау вызвали в магистрат, где он обосновал свой отказ тем, что никто его официально не нанимал. К тому же, для такой работы у него нет помощников. Разговор ничем не закончился, но комендант, проявляя настойчивость, вскоре вернулся к этому вопросу. Магистрат, учитывая сложную обстановку в городе, не решился ему перечить.

Бургомистр Реммин обязал Закау обучить за полгода двух мальчиков игре на трубе. До сведения коменданта довели, что трубач вступит в должность не раньше, чем подготовит юных помощников, тем более что ни у церкви, ни у магистрата нет денег, чтобы платить музыканту. Балк выразил недовольство и решительно потребовал, чтобы город взял трубача на свое довольствие. В конце концов, магистрат, сославшись на пустую казну, договорился с Закау, что тот поработает год без жалования.

Вечером 29 ноября комендант Балк доверительно сообщил в ходе беседы проконсулу Боле, что в ближайшие два-три дня в Тарту ожидают прибытия царя.³⁹² Боле должен был известить о высочайшем визите других членов магистрата, чтобы город успел подготовиться соответствующим образом. Балк также пожелал, чтобы трубач играл в момент прибытия Петра к ратуше. Но на сей раз тревога оказалась ложной – Петр в Тарту не приехал.

Как уже упоминалось, к Рождеству 1706 г. все жители Тарту были в очередной раз переписаны. Что за этим крылось, стало понятно через несколько месяцев. Благодаря сохранившимся дневникам бургомистров Боле и Реммина можно проследить

³⁹¹ ЕАА, ф 995, n 1, s 289, l 96–96р, 109–109р; Протоколы магистрата 24.5., 10.6. и 14.7.1706.

³⁹² ЕАА, ф 995, n 1, s 289, l 215; Протоколы магистрата 30.11.1706.

весь ход событий.³⁹³ Во вторник, 13 мая 1707 г., в 9 часов утра комендант Фридрих Балк вызвал к себе Михаэля Боле, исполнявшего тогда обязанности бургомистра. Через полчаса послали и за другим бургомистром Иоганом Реммином. Им сообщили о личном приказе государя. Документ требовал «отправить из Тарту в Москву лиц означенных профессий».³⁹⁴ Бургомистрам велели записать услышанное, но до особых распоряжений под страхом смерти держать все в тайне.

Реммин записал со слов коменданта следующее: «Требуются дворяне, высшие и низшие офицеры, капралы, солдаты, все с женами и детьми.³⁹⁵ Арестованные мужчины, женщины и дети поименно: Хейнрих Шлюттер с женой и детьми, Петер Шульц с женой и детьми, Кристоф Моресин с женой и детьми, Йохан Аренд.³⁹⁶ Три золотых дел мастера, переплетчик, два горшечника, два столяра, три шорника, четыре парикмахера, пять шляпников, каретник, скорняк, кожемяка, семь сапожников, четыре слесаря, пороховщик, два стеклодува. Все ткачи, кроме одного, который должен остаться. Господин полковник и комендант сказали, что купцы должны основать в Москве свое дело, а мастеровых используют для обучения тамошних людей разным ремеслам. Когда они со своим делом справятся, но больше оставаться в Московии не пожелают, их отправят обратно, щедро с ними расплатившись. Добро, что быстро продано не будет, пусть оставят другим людям, а дома передадут определенным лицам». Комендант приказал бургомистрам незамедлительно составить соответствующий персональный список.

Боле и Реммин пошли к секретарю магистрата за ролевой книгой, в которую были вписаны все горожане, после чего засели в ратуше составлять затребованный комендантом список. Спра-

³⁹³ ЕАА, f 995, n 1, s 289, 191–93; *Diarium wegen der von Dorpat nach Moscou geführten Leute Anno 1707*; F. BIENEMANN (1902). 110–112; *Eesti rahva ajaloo* (1960). 219–220.

³⁹⁴ Первую партию нарвлятия, в их числе городского печатника Йохана Кёлера, вывезли в Москву уже в 1705 г. Более многочисленную группу отправили в Россию из Нарвы в 1706 г., а затем, как и из Тарту, в 1707 г. (автор благодарит доктора Энна Кюнга за предоставление приведенных данных – М.А.).

³⁹⁵ Имелись в виду лица, служившие в шведской армии и оставшиеся в Тарту.

³⁹⁶ Все, названные поименно, были купцами.

вившись с заданием, они вернулись к Балку. Комендант в их присутствии просмотрел список, после чего вынул небольшую книгу в белом пергаментном переплете и сверил количество стеклодувов. Балк велел бургомистрам кое-что изменить, подправить и не отпускал их, пока Реммин не переписал список набело. Дело затянулось до девяти вечера. Тем временем комендант вызвал к себе упомянутых в списке шведских офицеров, дворян и купцов, чтобы лично известить их о царской воле. Когда все прибыли, он вместе с майором Иваном Шуваловым вышел к ним в большую комнату и повел там разговор.

Вернувшись, комендант забрал как чистовой, так и черновой варианты списка, строго-настрого запретив разглашать его содержание. Слуга коменданта Иоган Петерсон отправился еще по некоторым адресам сообщать горожанам, чтобы они приготовились к предстоящему отъезду, который намечен на пятницу. В городе начался переполох, из домов неслись вопли и стенания. Бургомистрам велено было уточнить список. Боле и Реммин покинули комендатуру в подавленном настроении, решив следующим же утром сообщить магистрату о происходящем. На заседании, состоявшемся 14 мая, Реммин доверительно показал членам магистрата копию списка, тайно сделанную в отсутствие коменданта.

Подлежащие высылке бывшие военные вместе с женами и детьми 16 мая собрались по приказу коменданта на Тоомеяги. С ними говорил сначала Шувалов, а затем и Балк. Из списка отбраковали не годных к длинной дороге, и секретарь магистрата занес их в свой реестр. На следующий день людям приказали отнести свои вещи на корабли. В воскресенье, 18 мая, когда закончилось послеобеденное богослужение, Боле и Реммин получили распоряжение явиться вместе с секретарем к городским воротам, провести переключку погрузившихся на корабли и снова всех переписать. Явившись на место, они застали там майора Шувалова с переводчиком и двумя русскими писарями, у которых были свои списки. Далее людей вызывали по имени, после чего каждый должен был сойти на землю, а затем снова подняться на судно. Когда эта долгая процедура закончилась, корабли подняли якоря и отправились в путь. Оказалось, что шесть или семь солдатских

жен где-то спрятались, и стражу послали на разыски. В течение ночи всех женщин нашли и доставили в ратушу. Но утром, до нового распоряжения, их отпустили.

Под списком сосланных в Россию велели расписаться и членам магистрата, а копию приложили к протоколу. Потом секретарю пришлось несколько раз переписывать список, поскольку комендант внес в него несколько поправок относительно ремесленников и военных. В общей сложности из Тарту в Москву в мае 1707 г. отправили 279 человек.³⁹⁷ Супругу лейтенанта Дукевича с тремя малолетними детьми сопровождала кормилица-эстонка Лизо. Дочь солдата Ханса Хенриксона Мадле отправили одну, так как ее отец и мать скончались. Единственная «вина» девочки состояла в том, что она отвечала условиям, предписанным самодержцем – солдатское дитя. А петровские приказы на местах выполнялись с рабским подобострастием. То же можно сказать и о шестнадцати солдатских вдовах, которым пришлось расплачиваться за оставшееся в прошлом замужество. Непонятно зачем отправили в Россию и случайно оказавшуюся в Тарту жену нарвского мясника Элизабет Рогге. Возможно, причина в том, что она, как и многие другие сосланные, была раньше подданной шведского короля или просто шведкой по происхождению.³⁹⁸ А раз так, то эти люди воспринимались как «шведская рука» и возможный источник угрозы. Другую часть сосланных составляли ремесленники. Петр торопился собрать в России как можно больше мастеровых людей и специалистов, которые помогут ему заложить прочные основы империи.

Одновременно это была и своеобразная мера предосторожности, связанная с неопределенностью внешней политики. Царь допускал, что Тарту может уйти из-под его влияния. Все еще к тому времени было зыбко, неясно, и воспринималось совсем не так, как видится нам, скольльзящим умудренным взором по зеркалу

³⁹⁷ ЕАА, ф 995, n 1, s 290, l 93p–95p; F. BIENEMANN (1902). 113. Среди отправленных в Москву было 67 мужчин, 102 женщины, 52 мальчика и 58 девочек. В 1707 г. к ним добавились 40 тайно репрессированных лиц, о которых отсутствуют какие бы то ни было данные. См. *Tartu* (2005). 115.

³⁹⁸ A. MOLLER (1755). 121.

истории. Основанием для беспокойства стали события, получившие начало в небольшом селении Альтранштад, в десяти километрах западнее Лейпцига.

После почти пятилетнего пребывания в Польше, Карл XII в конце августа 1706 г. пересек во главе своего войска границу Саксонии. Никакого сопротивления, достойного упоминания, шведы на своем пути не встретили. Германский император выразил формальный протест по поводу вторжения короля во владения своего вассала, но реальных встречных шагов не предпринял. 14 сентября в Альтранштаде был заключен мир между Швецией и Саксонией.³⁹⁹ Карлу наконец-то удалось загнать в угол вечно ускользающего Августа, который отрекся от польского трона, но до конца своих дней сохранил титул короля. Пришлось ему отказаться и от союза с Россией.

Известие о сепаратном мире пришло к Петру лишь в конце ноября. Потеря последнего союзника, пусть даже не самого надежного, заметно ослабила позиции царя. Несколько подсластила пилюлю важная победа Меншикова над шведами при Калише в середине октября. До того русским ни разу не удавалось в открытом бою одолеть столь большое шведское войско. Царь в Петербурге три дня подряд праздновал победу, объявив ее величайшей из всех, дотоле бывших.⁴⁰⁰

По иронии судьбы, в этой битве на стороне русских, вопреки заключенному со шведами союзу, сражался и Август. Он в это время как раз гостил в Литве. С ним, естественно, был и большой отряд саксонской конницы. Меншиков пригласил Августа примкнуть к русскому войску. Август же не захотел признаваться русским, что уже заключил сепаратный мир со шведами. Но он послал с доверенным лицом сообщение шведскому главнокомандующему Арvidу Акселю Мардефельду о том, что у него, Августа, заключен с королем Карлом мир, но на данный момент он находится в руках у русских, и нет ни малейшей возможности

³⁹⁹ R.M. HATTON (1985). 253–255; U. SUNDBERG (1997). 305–306; B. LILJEGREN (2000).

139. Мир был заключен без посредников, его третьим участником был возведенный на польский трон шведами Станислав Лещинский.

⁴⁰⁰ R. WITTRAM (1964). 281.

вырваться. Шведскому военачальнику Август действительно советовал уклониться от битвы. Письмо Августа было искренним и бесхитростным. Он от души желал предотвратить предстоящую неудачу. Но на протяжении многих лет письма и заверения короля не отличались правдивостью. Не поверили ему и на этот раз. Мардефельд решил, что это очередное коварство, военная хитрость и вежливо ответил, что не в его традициях следовать советам противника. Ему ничего не ведомо о замирении его государя с польским королем, а посему он будет действовать так, как сочтет нужным.⁴⁰¹ Карл XII в результате так разгневался, что даже отказался отобедать с Августом, хотя тот, во искупление своей вины, сразу после битвы освободил всех плененных шведов.

Царь Петр, несмотря на одержанную победу, тоже пребывал в тревоге. Ему уже мерещилось серьезное наступление шведов на Россию. Во избежание этого он через англичан предложил Карлу XII серьезно продуманные предложения о мире. Еще до выхода Августа из войны Петр очертил русским дипломатам четкие границы, которых они должны придерживаться, идя на уступки во имя мира. На худой конец царь готов был довольствоваться одной гаванью на Балтийском море, но от недавно заложенного Петербурга отказываться ни в коем случае не позволялось. При необходимости Петр мог вернуть шведам Тарту, в худшем случае и Нарву. Но Карл ответил отказом. Предложения царя показались ему несерьезными. С его точки зрения, Петр лишь хотел показать, будто он жаждет мира, а шведы ищут войны. На самом деле все упиралось в нежелание русского царя отказаться от Ингерманландии, а Карл, в свою очередь, не собирался уступать ему ни пяди шведских территорий. Царь готов был выложить за нужные шведам земли кругленькую сумму, но и это не произвело на Карл никакого впечатления. Он ответил, что в его планы никогда не входила продажа своих подданных.⁴⁰²

Могла ли история пойти по другому пути, если бы в тот момент Карл проявил предусмотрительность истинно государ-

⁴⁰¹ F.G. BENGTSSON (1993). 321–322; B. LILJEGREN (2000). 139.

⁴⁰² R. WITTRAM (1964). 282; B. LILJEGREN (2000). 148; R.M. HATTON (1985). 288–289.

ственного мужа и согласился на предложение Петра, что позволило бы России вернуть себе «естественные», с сегодняшней точки зрения, границы? Вполне возможно, но лишь на какое-то время. В XVII столетии мирные договоры заключались и разрывались довольно легко, чему примером – поведение Августа, а позже и самого Петра. Не исключено, что мирный договор 1706 г. привел бы к сохранению *status quo* на какой-то период, но это было бы лишь передышкой. Учитывая растущую силу московских правителей, а также их жажду приумножать российские земли, можно с уверенностью сказать, что к восточному побережью Балтийского моря Россия все равно прорвалась бы.

Известие о заключении сепаратного Альтранштадского мира окончательно убедило Петра в том, что Карл готовит нападение на Россию. На рубеже 1706–1707 гг. царь неоднократно обсуждал сложившееся положение на военном совете. Было решено, что на польской территории, несмотря на недавнюю победу, затевать сражения со шведами не следует. Да и на русских землях в серьезную битву вступать можно лишь в самом крайнем случае. Вместо этого врага предполагалось истощать мелкими наскоками, быстрыми и краткими атаками. 3 января 1707 г. был издан приказ о создании между русскими и шведскими армиями мертвой зоны, призванной серьезно затруднить снабжение и вообще нахождение там неприятельских сил.⁴⁰³ Людям, живущим в двухсоткилометровой приграничной полосе (начиная с Пскова, через Смоленск и до Черкасс, по прямой линии около 1400 км), предписывалось прятать зерно и сено в лесу или закапывать в землю, чтобы шведы, если они вздумают вторгнуться в Россию, не встретили на своем пути ни единой живой души и не нашли провианта для своей армии. В свете этого решения можно рассматривать и частичную депортацию тартуских жителей как меру предосторожности на случай возможного вторжения Карла XII в Лифляндию. Ведь русские тогда находились в неведении относительно конкретных замыслов шведов. Тяжелейшим испытаниям, выпавшим на долю Тарту, не предвиделось конца.

⁴⁰³ R. WITTRAM (1964). 288–289.

«ОТНЫНЕ ЭТО ПРИНАДЛЕЖИТ ЦАРЮ»

Лето 1707 г. проходило в Тарту без особых событий, покуда в августе не произошел инцидент, навлекший большое несчастье на двух ратманов и ужесточивший без того строгий надзор за горожанами.⁴⁰⁴ 14 августа русские схватили крестьянина мызы Садукюла, собиравшего разведывательные данные для шведов. Лазутчика доставили в Тарту. На допросе он признался, что еще год назад, находясь в пригороде, получил от акцизного инспектора Кристофа Моресина и ратмана Клауса Кроппа сведения о русских войсках, размещенных в Тарту. По словам Нарышкина, Кропп признал себя виновным в оказании помощи противнику.

Пастор Гроттиан подтверждает, что крестьянин городской мызы, которого шведы послали шпионить, признался в получении от Кроппа данных о численности русского гарнизона. По приказу Нарышкина, 15 августа в башне Базилевича на Тоомемяги крестьянина допросили в присутствии Кроппа. Для получения признаний применялась пытка «качели», схожая с пыткой пастора Виргиниуса. Крестьянин повторил свои показания. Кропп поначалу отрицал свою вину, но когда в отношении него тоже решили применить пытки, ратман, видевший их своими глазами, сдался. Умоляя о пощаде, он написал письменное признание, содержание которого, к сожалению, неизвестно. Благодаря этому Кропп на какое-то время избежал пыток, но не тюремной камеры. Его имущество описали, а дом опечатали.

4 декабря в Тарту вернули высланного в Москву Кристофа Моресина, чтобы получить разъяснения относительно выдвинутых против него обвинений. Уже в день прибытия состоялась очная ставка с лазутчиком. Но тот снял с Кристофа все подозре-

---

⁴⁰⁴ F. BIENEMANN (1902). 114–121.

ния, сказав, что он имел дело с братом купца, ратманом Абрахамом Моресином. 5 декабря Абрахама схватили прямо в постели, а все его имущество опечатали. Следующим утром в башне Базилиевича в присутствии Абрахама Моресина, чтобы развязать ему язык, устроили «качели» Клаусу Кроппу. Вдобавок подвешенному на веревках Кроппу дали двадцать ударов кнутом. Абрахам поначалу «отделался» только кнутом. Ратманов держали в тюрьме порознь. Время от времени допрос повторяли, пуская в дело кнут и прижигая спины раскаленным железом.

Бытовала и другая версия, согласно которой беду на головы ратманов накликал подполковник Брёмсен в то время, когда со своими драгунами осаждал Тарту. Именно он послал с крестьянами, возившими в город дрова, открытую записку своим старым друзьям Кроппу и Моресину. В этой записке, попавшей в руки городской стражи, Брёмсен выражал желание купить у ратманов выделанную кожу.⁴⁰⁵ Такой контакт распенили как связь с противником. В любом случае, как ни крути, а русским картина казалась совершенно ясной. Абрахаму Моресину и Клаусу Кроппу вменили в вину заведомое предательство. 19 мая 1708 г., после мучительной полугодовой отсидки в тюрьме, их лишили жизни на поле Яана Клемента близ Нарвской дороги, где построили новую виселицу. Вместе с ними казнили двух крестьян как сообщников в шпионаже. А Кристофа Моресина сочли невиновным и освободили.

Описанные события имели далеко идущие последствия для тартусцев, которым и без того приходилось туго. 22 августа 1707 г. верховный комендант Нарышкин наложил полный запрет на посещение пригорода.⁴⁰⁶ На жителей Тарту была возложена коллективная вина за предательство Кроппа и Моресина. Как заявил Нарышкин, горожане нарушили клятву, данную царю, и вели себя бесчестно. Бюргерам велели назначить трех или четырех доверенных лиц, которые в сопровождении русских солдат получают право выходить в посад и совершать там закупки для

⁴⁰⁵ А. MOLLER (1755). 123.

⁴⁰⁶ F. BIENEMANN (1902). Zweiter Teil: 106–107.

всех жителей. Причем за пределами городских стен им разрешалось говорить только о припасах. А чтобы доверенные лица не вздумали шпионить заодно с крестьянами или уйти к врагу, все остальные граждане должны были за них поручиться. Каждому следовало собственноручно расписаться под залоговым письмом, которое будет храниться у коменданта.

Возмущенные бюргеры не желали соглашаться с условиями Нарышкина. Тем не менее, магистрат и обе гильдии не нашли ничего лучшего, как направить верховному коменданту прошение, которое переводчик Иоган Гер изложил на русском языке. Челобитная начиналась с обычного для того времени выражения благодарности царю за великую милость, оказанную Тарту. С учетом создавшейся ситуации, эти слова звучали горькой иронией, но таковы были непрременные правила, соблюдаемые при переписке. Далее господина Нарышкина покорнейше просили не насылать гнев на целый город из-за преступлений отдельных людей. Указывалось на то, что три или четыре доверенных лица просто физически не в состоянии закупать в посаде еду, сено и дрова на всех жителей. Предлагалось даже определить нескольких русских купцов, которые могли бы завозить в город жизненно необходимые товары и продавать их по приемлемым ценам. Заслуживает внимания, что в прошении нет ни слова в защиту свободы передвижения. Это говорит о том, что бюргеры были уже психологически сломлены и смирились со своим положением.

Прошение передали Нарышкину во время аудиенции 1 сентября. В ответ он сказал, что можно увеличить число доверенных лиц или привлечь к завозу товаров некоторых русских торговцев. Магистрат больше склонялся ко второму варианту, ибо он освобождал людей от коллективного поручительства. И Нарышкин вроде соизволил согласиться с ратманами. Бургомистр Реммин оставил в своем дневнике следующую запись: «То, что отныне мы все должны сидеть по домам, есть справедливое наказание Господа за грехи наши».⁴⁰⁷

⁴⁰⁷ F. BIENEMANN (1902). 119.

Однако 3 сентября ситуация снова изменилась. Верховный комендант через переводчика Гера сообщил Реммину, что магистрату все же придется выбрать шесть человек, которые получат право делать коллективные закупки в посаде: двоих из Большой гильдии, двоих из Малой гильдии и двоих из числа не немецкого населения. Нарышкин изменил свое решение, поскольку считал, что из-за языкового барьера использовать русских купцов в качестве посредников вряд ли удастся. Магистрат не рискнул возражать. Но это означало, что незамедлительно потребуются подписи под залоговым письмом. Магистрат же по-прежнему не желал такого поворота событий. Ратманы изложили новые контраргументы, но Гер высказал сомнение в целесообразности их перевода на русский язык. Через несколько дней он предложил свой проект, в котором среди прочего намекал на то, что жизнь в Тарту могла бы быть устроена по примеру Пскова. Но такая параллель показалась членам магистрата несколько опрометчивой и потому неприемлемой.

18 сентября Гер пришел к Реммину с известием, что Его Превосходительство верховный комендант желает после обеда видеть магистрат у себя, чтобы обсудить вопрос поручительства. Когда ратманы явились, оказалось, что Нарышкин куда-то отбыл. На следующий день аудиенция все же состоялась. Его превосходительство выслушал отцов города и решил, что он подселит в дом каждому, кто пожелает, одного русского солдата, который и будет закупать в посаде необходимые для хозяйства припасы.

Тем не менее, Нарышкин не отказался и от идеи залогового письма. 29 сентября он выказал недовольство тем, что магистрат слишком затягивает дело. Реммин ответил, что вопрос вроде бы решен, и закупки станут делать русские. И все же бургомистр обещал после богослужения снова переговорить с ратманами. На совещании решили просить об освобождении города от залоговой обязанности, так как выбранные лица совершали покупки только для своих нужд, а остальным от их выхода в посад никакой пользы не произошло. Поэтому многие не хотели из-за них рисковать своей жизнью и имуществом.

1 октября Нарышкин уже в который раз передумал и принял решение впустить в город русских купцов, занеся их в специальный список. Товары они станут перепродавать по низким ценам. Тех же, кто вздумает на этом нажиться, обещали строго наказать и сослать до конца жизни на галеры. Резолюция верховного коменданта особых выгод купцам не сулила, во всяком случае, на бумаге. Но этих указаний, если верить пастору Гротуану, в действительности не придерживались. Закупленные у крестьян дрова, сено и продукты русские продавали в Тарту значительно дороже, на что Нарышкин и Балк никак не реагировали. Последующие три месяца город жил в полнейшей изоляции от внешнего мира. Магистрат не получал даже известий от арендаторов городских мыз.

В июле 1707 г. Петр писал из Варшавы: «Дела над Европой сгустились, как тучи во время шторма. Время покажет, какой ветер их развеет».⁴⁰⁸ Ветер подул со стороны шведов. После того, как Англия и Голландия гарантировали мир, заключенный между Карлом XII и Августом, шведский король покинул Саксонию и решил пойти войной на Россию.⁴⁰⁹ Этот шаг окончательно определил и судьбу Тарту. Карл XII стоял на символическом распутье. Он мог двинуться через Вильнюс (*Вильню*) в северном направлении и попытаться прогнать русских из своих Прибалтийских провинций, но мог пойти и на восток, прямо на Москву.

Осенью 1707 г. местное шведское командование, чтобы сорвать русским заготовки зерна в окрестностях Тарту, вознамерилось блокировать город с севера и юга. Но получилось все иначе. Во-первых, в распоряжении шведов была армия, в несколько раз уступавшая по численности русской. Во-вторых, шведы запоздали с началом операции. Когда они прибыли под Тарту, русские уже успели увезти большую часть урожая. Шведский план провалился, но русские переоценили силы против-

⁴⁰⁸ R. WITTRAM (1964). 282.

⁴⁰⁹ Решение Карла XII предпринять военный поход в Россию было предметом оживленных дискуссий многих поколений историков. О новых дополнениях к этим дискуссиям см. P. FROM. *Katastrofen vid Poltava: Karl XII:s ryska fälttåg 1707–1709*. Lund, 2007. 43–59.

ника и истолковали появление шведов близ Тарту как сигнал о скором прибытии большого королевского войска. Верховный комендант Нарышкин, несмотря на гарнизон из 3500 человек, чувствовал себя в Тарту крайне неуверенно. Царь направил ему в поддержку из Петербурга конный полк под командованием генерал-майора Отто Рудольфа фон Шаумбурга. Причем в задачу полка входила не только защита города, но и разорение окрестных земель. Приходы Пылтсамаа, Пилиствере, Вильянди, Тарвасту и Пайсту были почти полностью выжжены русскими. Через некоторое время состоялся опустошительный набег на Рыngu, Сангасте и Анстла, а 4 января 1708 г. войско Шаумбурга сожгло город Валга.⁴¹⁰

Между тем, 28 января Карл XII захватил Гродно. Петр со своим войском едва успел унести ноги. Шведский король попытался его преследовать, но шестисот человек, имевшихся в его распоряжении, оказалось для этого маловато.⁴¹¹ Царь был уверен, что Карл XII пойдет дальше на север. Еще 22 января Петр написал Нарышкину, что противник намерен двинуться через Ригу на Псков. Неделей позже он пишет об этом же Меншикову. Царь полагал, что шведский король поначалу не тронет Тарту и Нарву, ему важнее взять Новгород и пресечь связь русских с Ингерманландией. Петр также опасался, что Карл объединит свои силы с армейским корпусом генерал-лейтенанта Адама Людвиг Левенгаупта, который стоял в Курляндии. Чтобы пристальнее следить за действиями Левенгаупта, генералы Бауэр и фон Верден сосредоточили свои войска в районе Тарту.

Русские предприняли серьезные защитные меры. Воеводы Пскова и Новгорода формировали народное ополчение. Людей под страхом смерти обязали вооружиться и собраться в предписанных местах. Крестьянам приказали немедленно свезти свои запасы в крепости, не то все будет сожжено дотла, и они сами будут виноваты в потерях. 25 января Петр приказал Нарышкину как можно быстрее собрать весь провиант и корм для скота за

⁴¹⁰ F. BIENEMANN (1902). 131–137

⁴¹¹ R.M. HATTON (1985). 293.

крепостными стенами Тарту. Город должен принять все меры для успешной обороны. Жителей следует незамедлительно выслать в Вологду, а саму крепость на случай подрыва заминировать.⁴¹² 3 февраля царь шлет из Вильнюса приказ адмиралу Федору Апраксину и князю Меншикову: всех жителей Нарвы, в том числе эстонских пасторов и управляющих мызами, выслать в Вологду; артиллерию, военное и прочее имущество из Тарту перевезти в Псков, саму крепость взорвать, а жителей выслать вместе с нарвитами.⁴¹³

Таким образом, план Петра предусматривал вывоз из Тарту не только военного арсенала, провианта, но и всего мало-мальски ценного. При приближении шведов крепость предстояло разрушить до основания, а сам город и его окрестности полностью разорить. И все это ради того, чтобы шведы не могли превратить Тарту в свой опорный пункт. Страх перед шведами был столь велик, что Нарышкин осмелился спросить у государя, нельзя ли срочно покинуть город, оставив артиллерию. Дело в том, что тяжелые пушки можно было переправить через реку лишь по надежному льду, а морозов еще долго ждать. Но Петр повелев удерживать город, елико возможно.

Царь не исключал, что шведы «вопреки ожиданиям» могут двинуться через Великие Луки и Смоленск, но ему уж очень не хотелось верить в поход Карла напрямик на Москву. К концу марта русская тактика выжженной земли стала действовать. Нехватка провианта все больше донимала основную шведскую армию. Петр надеялся, что голод вынудит Карла вернуться в Курляндию или на Вольту, ибо без хлеба двигаться вглубь России «дело нечеловечески трудное, а шведы все же люди и потому сотворить того не могут».⁴¹⁴

На самом же деле первоначальные военные планы Карла XII существенно изменились. До отбытия из Саксонии король действительно сказал генерал-квартирмейстеру Акселю Гулленкроку:

⁴¹² F. BIENEMANN (1902), 141; R. WITTRAM (1964). 291.

⁴¹³ *Письма и бумаги императора Петра Великого*. Т. VII. 54–55; *Eesti rahva ajaloo* (1960), № 184. 220–221.

⁴¹⁴ F. BIENEMANN (1902) 143.

«У нас не может быть иного плана, кроме как изгнать русских со шведских земель и захватить Псков».⁴¹⁵ В соответствии с этим Гулленкрот разработал основательный план действий. Но после взятия Гродно Карл, любивший принимать неожиданные решения, думал уже иначе. До него дошли слухи о политических волнениях в России, брожениях на Украине, башкирском мятеже и восстании казаков под предводительством Кондратия Булавина. Положение Петра показалось ему более шатким, чем оно было на самом деле. И Карл передумал, хотя некоторые его советники и пытались возражать, отдавая предпочтение изгнанию русских из Прибалтийских провинций. Но король был непоколебим. Он решил разбить противника, ударив в самое сердце России: «Нам должно сметь, ибо удача с нами».⁴¹⁶ Правда, на судьбу Тарту это уже никак не повлияло.

9 января 1708 г. бургомистр Реммин, открывая первое в новом году заседание магистрата, пожелал коллегам и всем горожанам «милости Господней, любви и мира». Затем он выразил надежду на то, что в новом году «Господь наш возлюбленный уберезит бюргеров и прочих горожан от всевозможных неприятностей, особливо тех прихожан, кои в минувшем году изрядно претерпели от разного рода бед и несчастий и испытали много горя. Да избавит их и всех нас Господь всемогущий от подобных бед в году нынешнем».⁴¹⁷ Но, увы, это простое и столь понятное человеческое желание оказалось неосуществимым. И хотя самим жителям Тарту казалось, что хуже быть уже не может, час самых суровых испытаний для города еще не пробил.

9 февраля бургомистру сообщили приказ главного коменданта Нарышкина, согласно которому все обитатели богадельни, а также многие батраки и слуги, общим числом 206 человек, без всякого на то основания и без объяснения причин, еще до заката солнца должны быть выдворены за пределы городских стен. Бургомистр Реммин, узнав о приказе, записал в своем дневнике, что

⁴¹⁵ P. FROM (2007) 62.

⁴¹⁶ F. BIENEMANN (1902). 128; U. SUNDBERG (1998). 300; P. FROM (2007). 69.

⁴¹⁷ ЕАА, ф 995, н 1, с 290, 198; Протоколы магистрата 9.1.1708.

ничего хорошего это означать не может.⁴¹⁸ Всего три дня спустя, 12 февраля, когда весь немецкий приход, как обычно по четвергам, слушал проповедь пастора Гротiana, комендант Балк приказал всем ратманам и олдерманам обеих гильдий явиться к нему. Несомненно, собираясь к коменданту, они гадали, какой сюрприз опять приготовили русские. Однако услышанное поразило собравшихся, как гром среди ясного неба. Уж, кажется, ко всему они привыкли, но тут ушам своим не поверили. Царь Петр, выразив сомнение в верноподданнических чувствах жителей города Тарту, требовал, чтобы все они при первой же возможности переехали на жительство в Вологду. На поиски «первой возможности» отводилось всего три дня. Правда, потом власти продлили срок до шести дней. Такое же коллективное наказание постигло и бюргеры Нарвы.⁴¹⁹

Люди были потрясены. Что можно взять с собой, чтобы не пропасть посреди зимы? Что им придется оставить, заведомо зная, что добро это пропадет? Официально разрешалось взять с собой столько, сколько удастся погрузить на два воза. А ведь зажиточным горожанам и десятка возов не хватило бы. Все пытались продать то, что нельзя увезти с собой. Но кому продавать? Бюргеры подлежали высылке, русским офицерам и солдатам запретили покупать что-либо у отъезжающих, а городские ворота оставались на запоре, и ни один потенциальный покупатель не мог попасть в город.

Но тут возник следующий вопрос: кто даст лошадей? Ведь конные повозки были далеко не у всех. 13 февраля бургомистр Реммин отправился к коменданту обсудить эту проблему. Балк обещал дать лошадей лишь малоимущим, остальным предлагалось позаботиться об этом самим. Однако без лошадей переезд был невозможен, и русские выставили на продажу несколько тощих кляч.⁴²⁰ Все оставляемое горожанами имущество тщательно переписывалось счетчиками, которые ходили из дома

⁴¹⁸ F. BIENEMANN (1902), Zweiter Teil: 21.

⁴¹⁹ Из Нарвы, которая по численности населения была вдвое больше Тарту, 5 марта 1708 г. выслали в Москву, Петербург, Новгород, Казань и другие города России около 1700 жителей. В городе осталось примерно 300 немцев и финнов.

⁴²⁰ A. MOLLER (1755). 121–122; F. BIENEMANN (1902), Zweiter Teil: 10, 22.

в дом. В перепись заносили даже количество окон, видимо, из-за стекол, бывших в ту пору дорогим товаром. Переписывали и жбаны с пивом, стоящие в подвалах и погребях. Заодно тут же отбирали и ключи от оных.

Впрочем, педантичность эта особого смысла не имела. Сразу после отъезда владельцев русские солдаты хорошенько похозяйничали в оставленных домах и потом еще долго продавали награбленное окрестным крестьянам по копеечным ценам. Не обошлось и без разорения могил, что, кстати, объяснило задним числом некоторые вызвавшие удивление эпизоды. Вот лишь один пример. 7 февраля в церкви Святого Яана отпевали не ко времени усопшую супругу ратмана Кристиана Зехера Доротею. По капризу судьбы это было последнее официальное захоронение в Тарту того периода. На траурную церемонию пригласили Нарышкина и Балка. Когда гроб устанавливали в сводчатом склепе, оба представителя русской власти внезапно встали с мест, подошли поближе и, не скрывая любопытства, начали разглядывать, кто там еще похоронен. Причина их интереса стала понятна, когда ссыльные покинули город: могилы и гробы, по распоряжению Нарышкина, вскрыли на предмет поиска золота, серебра и иных драгоценностей.

Этот печальный эпизод описал пастор Гротриан, переживавший из-за потери восьми ящиков, в которые была бережно упакована его уникальная библиотека. Пастор писал, что даже за тысячу рублей он не согласился бы расстаться с книгами.⁴²¹ Часть оставленного в Тарту и разграбленного имущества, в том числе и вышеназванная библиотека, оказались в Пскове, где были, в свою очередь, расхищены или погибли при пожаре.

Известно, что накануне массовой высылки произошло серьезное недоразумение с церковным серебром. Возможно, оно было вызвано недопониманием, но послужило причиной споров и обид. Пастор Гротриан и проповедник эстонского прихода Михаэль Виттенбург, узнав, что и они подлежат высылке, пришли к бургомистру Реммину с просьбой отдать им церковное серебро

---

⁴²¹ F. BIENEMANN (1902). Zweiter Teil: 13, 15.

в качестве жалования, которое они не получали многие месяцы.⁴²² Пришли они потому, что бургомистр и магистрат считались патронами Яановской церкви. Хочется думать, что священнослужители не столько пеклись о своем жаловании, сколько надеялись укрыть от военных властей и хоть частично спасти церковную утварь.

Бургомистр обещал обговорить этот вопрос с ратманами. В субботу, 14 февраля, Реммин собрал ратманов, однако сообщил им лишь следующее: он, бургомистр, намерен во главе процессии из всех ратманов отправиться в дом коменданта Балка, чтобы передать ему ключи от ратуши и городскую печать. Так они и сделали. Комендант, усмехнувшись, поднес каждому по стаканчику вина. Одновременно Реммин послал своего слугу к пасторам с распоряжением доставить церковную утварь, согласно описи, в дом коменданта Балка, что и было исполнено. Днем позже бургомистр встретил в церкви пастора Гроттиана, но ни словом не обмолвился о произошедшем.⁴²³ Гроттиан, оскорбленный до глубины души, назвал поведение бургомистра предательским.

Реммин в своем дневнике упоминает об этом инциденте лишь мимоходом. По словам городского головы, комендант сообщил ему 14 февраля, что все церковное имущество также требуется отдать. Каждый пастор мог оставить себе только самое необходимое для церемонии причастия. Полученную информацию Реммин, якобы, передал в церковь.⁴²⁴ О разговоре с Гроттианом он умалчивает. Судя по всему, Реммин даже не заикнулся о возможности оставить церковное серебро священникам. Он знал наверняка, что русские на уступки не пойдут.

Существующие исторические документы свидетельствуют, что Реммин как примерный чиновник безотказно и педантично выполнял распоряжения русских властей, проявляя порой даже излишнее усердие. Так, через своего верного слугу Иогана Петерсона он довел до сведения каждой семьи, чтобы под страхом смерти

⁴²² Гроттиан, по его же словам, получил последнее жалованье в 1704 г., да и то лишь за три месяца.

⁴²³ F. BIENEMANN (1902), Zweiter Teil: 9.

⁴²⁴ F. BIENEMANN (1902), Zweiter Teil: 22.

никто не вывез из Тарту ни листочка бумаги, будь тот с какими-то записями или совершенно чистый. Всю бумагу следовало отнести в дом коменданта. Некоторые бюргеры привезли на комендантский двор горы многолетней переписки. Балк же выпроводил их вон, заявив, что в качестве пыжей для патронов годится только чистая бумага.⁴²⁵ Впрочем, не стоит забывать о страхе, принуждавшем людей безропотно исполнять любые приказы захватчиков, так как все видели, чем кончается конфликт с новой властью. Через несколько дней комендант велел прогнать со своего двора стадо коров, принадлежащих Реммину. Пастушку Бритту за доставленное беспокойство арестовали уже в посаде.

17 февраля в Тарту прибыл ближайший сподвижник царя адмирал Федор Апраксин, чтобы лично проследить за ходом депортации. На всякий случай он поинтересовался у некоторых бюргеров, не хотят ли они пойти к нему в услужение. Перед отправлением в дорогу пастор Гротриан посетил коменданта Балка, который хотел с ним попрощаться. Тот вроде бы даже прослезился по поводу несчастья, свалившегося на тартуских граждан, и посоветовал пастору, лучшему своему другу, взять в дорогу побольше еды, овса и сена, ибо по пути вряд ли удастся пополнить запасы. То же самое комендант доверительно сообщил и некоторым бюргерам. В городе за деньги еще можно было приобрести и провиант, и прочее, что могло пригодиться в долгой дороге.

В среду 18 февраля пришла пора прощаться. Рано утром было велено запрягать лошадей и съезжаться на рыночную площадь. После переключки всем приказали немедленно покинуть город и за воротами построиться в колонну. Тем, кто уже тронулся с места, не позволялось вернуться в свои дома, даже если они там что-то забыли. К дверям сразу приставили караульных, которые отгоняли всех подальше со словами: «Отныне это принадлежит царю!» Внезапно среди отъезжающих прошел слух, что при обыске у ворот у них отберут «все лишнее» или вовсе обчистят до последнего, а затем убьют. Повезло тем, у кого в хозяйстве имелись сани.

---

⁴²⁵ F. BIENEMANN (1902), Zweiter Teil: 10. Это был не первый случай, когда власти требовали у магистрата бумагу.

Остальным пришлось как-то устроиваться на дровнях или даже на привязанных к чужим возам небольших санках.⁴²⁶

Согласно приказу, который исполнялся педантично и неукоснительно, депортации подлежали все без исключения граждане города. Не жалели ни глубоких стариков, ни больных, ни женщин на сносях.⁴²⁷ Так, вместе со всеми пришлось уехать и 74-летней Хелене Мюллер (в девичестве фон Врангель), три года назад ослепшей и слегшей в постель. Через несколько дней, не выдержав дороги, она умерла, как и 77-летняя вдова ратмана Хагедорна Анна. Какую опасность они могли представлять для русских? Но царскому приказу никто перечить не смел.

Уже умирающей вывезли из Тарту и жену Юргена Хилле Хедвигу Кастарнус. Ее погубила привязанность к родному дому. Хедвигу и ее мужа Юргена в 1707 г. захватил какой-то шведский отряд и доставил в Пярну. Но женщина по своей воле вернулась домой и сообщила русским, что скоро прибудет и ее супруг. Но Юрген не пришел. Тогда ее сочли за шпионку и арестовали. Женщину избивали розгами и пытали на «качелях». Несмотря на это, Хедвига ничего к сказанному добавить не могла. Она выдержала дорогу до Вологды, но душевные и физические страдания, в конце концов, ее добились. 1 мая 1708 г. женщину без гроба, завернутую в ковер, закопали в чужую землю.⁴²⁸

В общей сложности из Тарту депортировали 824 человека.⁴²⁹ Их проверка продолжалась с утра до десяти часов вечера. Несчастливым пришлось томиться целый день, одним в городских стенах, другим, прошедшим контроль, уже за воротами. Наконец, несмотря на темень, длинная колонна двинулась в дальнюю дорогу. Причем с такой скоростью, словно по пятам гнался неприятель. И днем, и ночью привалы устраивались только по прихоти конвоя. На первый взгляд кажется невероятным, что на протяжении всего пути, да и раньше, в ожидании депортации, никто даже

⁴²⁶ А. MOLLER (1755). 122; F. BIENEMANN (1902), Zweiter Teil: 10, 23.

⁴²⁷ По пути в Вологду и вскоре после прибытия туда 26 марта, у высланных из Тарту родилось в общей сложности 12 детей.

⁴²⁸ F. BIENEMANN (1902), Zweiter Teil: 12, 15.

⁴²⁹ По другим данным, было выслано 813 человек. См. *Tartu* (2005). 115.

не пытался сбежать. Хотя, если подумать, кто смел в те времена, когда законопослушание было нормой, перечить воле самодержца? Кроме того, в Тарту военных было в два с лишним раза больше, чем гражданских лиц, каждый шаг которых находился под наблюдением. Тем не менее, власти опасались побегов. На каждые сани они посадили по солдату с мушкетом, а впереди, сзади и по бокам колонну сопровождали вооруженные всадники.

Когда растянувшийся на добрую милю обоз ожидал сигнала к отправлению у стен города, со всех бастионов неожиданно был произведен трехкратный орудийный залп. Гул выстрелов прокатился вдоль крепостных стен и затих в белесой мгле заснеженных полей.⁴³⁰ Это было похоже на странный прощальный салют в честь тех, кто вынужден расстаться с привычным укладом, милым сердцу городом и отчим домом. Отныне их жизнь изменится навсегда. Многие, в том числе бургомистры Реммин и Боле, больше никогда не увидят Тарту.

Нарышкин поспешил доложить царю об успешной, в сжатые сроки проведенной депортации.⁴³¹ В своем рапорте он отметил, что прибывший для выдворения жителей адмирал Апраксин предложил проживавшим здесь эстонцам, не пожелавшим уезжать вместе с бюргерами, отправляться вон из города на все четыре стороны. По его, Апраксина, приказу отпущено эстонцев, мужчин, женщин и их детей в количестве 657 человек. В Вологду же отправлены бургомистры, ратманы, ремесленники и прочее население. Среди них мужеского полу – 562, женского – 207. Прислуги из эстонцев выехало 9 мужчин и 28 женщин. Господин адмирал вычеркнул из этого списка и пожелал отправить через Псков в Воронеж добрых ремесленников – шорника, пуговичника, столяра, кожевника, работающего по замше, гончара, сапожника, двух колесных дел мастеров, шляпника и музыканта с учениками их и подмастерьями. Итого 17 душ. К тому же в городе оставлены два столяра и музыкант для того, чтобы разобрать органы, доставить их в Петербург и там собрать не хуже

⁴³⁰ ЕАА, f 995, n 1, s 1468; A. MOLLER (1755). 122–123; F. BIENEMANN (1902), Zweiter Teil: 12, 14.

⁴³¹ *Eesti rahva ajaloo* (1960), Nr 185, 221–222.

прежнего. По приказу адмирала порох заложен в мины, чертеж заминированных мест прилагается. Согласно распоряжению господина адмирала, легкие артиллерийские орудия отправлены из Тарту во Псков вместе с обозом, доставившим в Тарту муку. Однако отныне приказано весь следующий в Тарту провиант направлять в Псков. Далее следовало обещание вскорости отправить в путь и тяжелую артиллерию.

Судя по записям выехавшего из Тарту позже других Кристофа Моресина, 20 февраля из города выдворили и отправили куда глаза глядят всех жителей не немецкого происхождения, работников, батраков и девиц, позволив им взять с собой самую малость нехитрого скарба. Всего 447 человек. Неделей позже, 28 февраля, к ним добавились 26 ткачей во главе с Хенриком Херья. Орган из Яановской церкви 9 марта отправили в Нарву, чтобы оттуда доставить в Петербург. Его сопровождал уже знакомый читателю музыкант Петер Закау с двумя столярами. Вместе с ними в Петербург отправились их семьи, всего десять душ. 15 марта в Тарту по пути в Псков заехал Петр, переночевал и рано утром отправился дальше.⁴³²

По сведениям, поступавшим из Тартуского округа, местное шведское командование было довольно хорошо осведомлено о происходящем в городе и о намерениях русских. Шведам хотелось избежать самого неприятного с военной точки зрения – разрушения крепости. По приказу генерал-губернатора Эстляндии графа Нильса Штрёмберга⁴³³ шведские войска с севера и юга подтянулись как можно ближе к городу. Генерал-лейтенанта Левенгаупта попросили прислать в поддержку пехоту.

⁴³² F. BIENEMANN (1902), Zweiter Teil: 14, 15.

⁴³³ При рождении будущий генерал получил фамилию Браттман и был сыном почтмейстера города Йончёпинга. В молодости он служил в Голландии, поднявшись до звания подполковника. В 1674 г. его семье было пожаловано дворянское достоинство и новая фамилия. Окончательно Нильс начал подписываться как Штрёмберг в 1699 г. после того, как король пожаловал ему титул барона. В 1705 г. его назначили генерал-губернатором Эстляндии. В 1706 г. вместе с Карлом XII он посетил Германию и получил титул графа. В 1709 г. был также назначен генерал-губернатором Лифляндии. Наиболее важной задачей Штрёмберга стала оборона Риги. В конце концов, ему пришлось сдать русским. Проведя несколько месяцев в тюрьме, получил разрешение вернуться в Швецию.

Подполковник Арвид Иоган фон Кульбарс, шедший с войском в сторону Тарту, писал в марте главному интенданту Штрёмфельду, что в крепости, по слухам, находится еще три русских полка, имеющих достаточно боеприпасов и провианта. Но особую тревогу Кульбарса вызвало известие о прибытии в Печоры многочисленной русской конницы, в составе которой, по слухам, было много татар. Перед кавалеристами-де, поставлена задача опустошить окрестности Тарту. Поэтому идти дальше Кульбарс не рискнул. Рапортовал о также том, что встретил много беженцев – совершенно разоренных крестьян из окрестностей Тарту.

Беженка Малле, оставившая свой дом в Камбья, рассказала, что русские увели всю ее скотину и унесли домашнюю птицу.⁴³⁴ Поскольку русский офицер к ней благоволил, ее хозяйство раньше не грабили. И на этот раз женщина слезно молила оставить хотя бы одну корову, так как маленьким детям нужно молоко. Но офицер ответил, что помочь не может, ибо по приказу следует забрать все. Заодно он предупредил Малле, что через несколько дней в Камбья в составе русской конницы появятся татары. А уж они-то не пожалеют даже грудных младенцев. Поэтому женщине надо поскорее уносить ноги. По слухам, русские получили приказ разорить всю Лифляндию и никого не щадить. Офицер посоветовал Малле предупредить своих соседок и бежать прямо в Ригу, где она сможет найти приют.

Получив такую информацию, Штрёмфельд обратился к вице-губернатору Риги и Лифляндии Реммерту Функену: «Если противник добьется своей цели, то есть полного разорения всего Тартуского округа и окрестных крестьян, то этой земле будет нанесен невозполнимый ущерб». По мнению Штрёмфельда, такому развитию событий следовало воспрепятствовать. Вице-губернатор решил послать под Тарту дополнительные войска, но собрать ему удалось менее четырехсот человек, к тому же плохо вооруженных и голодных. Люди жаловались, что у них не осталось еды даже на один день. Граф Штрёмберг не скрывал своего возмущения, так как надеялся на более существенную поддержку.

⁴³⁴ F. BIENEMANN (1902). 148.

Он заметил, что солдат следовало снабдить провиантом хотя бы на четыре недели.⁴³⁵ Мало того, лошади у шведов были настолько измучены переходом, что на восстановление их сил потребовалось две недели. Кульбарс пришел к заключению, что от бывшего подкрепления все равно толку никакого, и для изгнания русских из Тарту у него слишком мало сил.

В последней декаде апреля люди Кульбарса совсем оголодали. Из своих скудных запасов командир, бедствуя вместе со всеми, мог выделять буквально крохи, чтобы у солдат душа держалась в теле. Лошади тоже давно не получали хорошего сена, их кормили разве что соломой с крыш. Некоторые животные были настолько истощены, что падали от слабости и больше не вставали. По оценке Кульбарса, у него осталось только пятьдесят лошадей, которые еще как-то стояли на ногах и могли выдержать в лучшем случае переход в две шведских мили (*примерно 20 км*). Таким ранней весной 1708 г. было положение в шведском лагере. И картина вряд ли заметно изменилась бы даже при улучшении снабжения.

Тартуский округ находился под полным контролем превосходящих русских сил. В первых числах марта под Тарту прибыл генерал фон Верден во главе пяти- или шеститысячного войска. После недели, проведенной под городом, фон Верден разместил своих солдат в укрепленном лагере близ Камбья. Теперь численность русской армии в Тарту и его окрестностях достигла девяти тысяч человек.⁴³⁶

Взятые в плен шведские офицеры сообщили о прибытии в Лифляндию самого короля. Царь этим байкам уже не верил, но все еще побаивался, что Левенгаупт пошлет дополнительные силы, которые ударят в северном направлении. 25 мая Петр отдал приказ разместить около Тарту всю пехоту по линии реки Эмайгги. В начале июня в Тарту вошел генерал Бауэр и остановился в лагере у Тяхтвере, пехоту же разместили на полях имения Раади. На самом деле в Лифляндии русским уже нечего было опасаться. Левенгаупт неожиданно получил приказ короля присоединиться

⁴³⁵ F. BIENEMANN (1902). 149–150.

⁴³⁶ F. BIENEMANN (1902). 153–154, 162–163.

со своим войском к основной армии, взяв с собой большие припасы.⁴³⁷ Лифляндия и Эстляндия, за исключением гарнизонов в Риге, Пярну и Ревеле, практически остались беззащитными.

Согласно отчету, составленному в середине июня 1708 г., в Тартуском дистрикте царила неопикуемая нищета. Многие крестьяне были вынуждены оставить свои дома. Мучимые голодом, они искали спасения в лесах. Стариков, попадавших в руки русских солдат, попросту убивали, молодых брали в плен, а разоренные дома предавали огню. Дистрикт обезлюдел, и «не осталось никаких надежд, что в течение поколения эту землю удастся возродить». Русские запретили крестьянам, которые после реквизиции лошадей и повозок остались в окрестностях Тарту, засеивать поля. Тех же, кого заставляли за работой, жестоко наказывали.⁴³⁸

В первых числах июля русские возвели близ Луунья мост через Эмайыги и отправили три полка через Ряпина во Псков. К этому времени из Тарту по воде вывезли воинский магазин, все вооружение и порох. В драме города наступил последний акт. Русские забирали с собой все мало-мальски ценное: жезль с церковных спилюй и колокола, люстры и даже приглянувшиеся им надгробные плиты.⁴³⁹ 8 июля они совершили последнюю крупную вылазку в разведывательных целях, дойдя почти до Риги, но шведских войск так и не обнаружили.

12 июля началось уничтожение Тарту, которое продолжалось несколько дней. Фортификационные сооружения сносили или взрывали. Правда, делалось это не столь основательно, как

---

⁴³⁷ В июне Левенгаупт вышел из Риги с 12-тысячным войском и гигантским обозом. Русские разгромили его 29 сентября в сражении у деревни Лесная. Шведы потеряли 1000 убитыми и 4000 без вести пропавшими. К основным силам Карла XII пробилось лишь 6 000 человек, позднее разрозненными группами в Курляндию вернулись еще полторы тысячи. Но самым тяжелым ударом была потеря богатого обоза в несколько тысяч повозок с продовольствием и снаряжением, который достался русским. Какую-то часть обоза шведам удалось спасти, но и это немногое им пришлось уничтожить из-за непроходимых дорог. Скот зарезали, а повозки вместе с различным скарбом подожгли. То, что русские не стали преследовать шведов, свидетельствует о том, что они тоже понесли тяжелые потери. См. подробнее *Svenska slagfält* (2003). 287–293.

⁴³⁸ F. BIENEMANN (1902), 165, 171; F. ARFWIDSON. *Försvaret av Östersjöprovincerna 1708–1710*. I–II: 1. Gefle, 1936. 12.

⁴³⁹ A. MOLLER (1755). 124; F. BIENEMANN (1902). 169.

предусматривалось первоначальным планом. Взрывали только крепостные стены и прочие каменные сооружения. Земляные укрепления, разрушение которых требовало много времени и сил, в основном остались целыми. Затем подожгли церкви и дома. Огонь еще долго бушевал над городом. Последние русские войска покинули Тарту 17 июля.

Обстановку в разрушенном городе описал крестьянин из Рынгу, Март Ханн Иваске, которого шведы допросили 22 июля в Пярну.⁴⁴⁰ Этого человека шведы и раньше использовали как лазутчика, всегда получая от него достоверную информацию. На этот раз у него было при себе письмо от пастора Андреаса Штольфота, подтверждавшее правдивость рассказа. Март Ханн Иваске прибыл прямо из Тарту, где он 14 и 15 июля видел своими глазами, как русские подожгли посад. Он видел, как противник взорвал крепостные сооружения. В стенах образовались большие проемы, уцелели только земляные валы. Мосты через Эмайыги были сожжены, ворота сняты, все металлические детали из них вырублены и увезены. От сгоревших церквей и каменных домов остались только стены. В городе уцелела лишь старая баня, которую противник вплоть до ухода использовал по назначению. Все остальное было обращено в руины и пепел. Город все еще горел, когда около полудня в воскресенье, 18 июля, Иваске покинул Тарту. Уже днем раньше в городе и его окрестностях он не видел ни одного русского солдата.

Депортация жителей Тарту и разрушение города ужаснули современников. Под впечатлением страшных бедствий, обрушившихся на город, кистер и школьный учитель из Пухья Ханс Кясу написал длинную песню-жалобу на южно-эстонском диалекте. Известны восемь списков этой песни, из которых только четыре можно признать изначальными. Самая старая и потому наиболее достоверная версия была в 1714 г. переписана в церковную книгу пастором Гроттианом.⁴⁴¹ Тематически «плач» делится на

⁴⁴⁰ F. BIENEMANN (1902). 170–171.

⁴⁴¹ EAA, f 1253, n 3, s 1; F. BIENEMANN (1902), 2: 82–98; A. ANNIST. *Käsu Hans ja tema „ikulaul” Tartu hävitamisest a 1704–1708*. – Akadeemia nr 1. 1993, 125–149; A. VALMET. *Käsu Hansu kaebelaul ja selle keelekasutus*. – Akadeemia nr. 1, 1993. 161–173.

три части, симметричные по продолжительности, причем первая начинается со вступления, а последняя кончается нравственным наставлением. В первой части рассказывается о былом богатстве и благополучии Тарту, но также о его высокомерии и жестокосердии. С десятой строфы второй части начинается повествование о приходе русских, взятии ими Тарту в 1704 г. и последовавших притеснениях. Кульминацией второй части стала казнь ратманов. Третья часть «плача» повествует о том, как жителей города высылали в чужие земли, как разоряли и жгли город, как жутко выглядят руины когда-то богатого, славного Тарту. В заключение автор песни призывает слушателей к покорности, справедливости и верности королю. Последние строки как бы подводят итог случившемуся и звучат утрачающе просто: «Время милосердия миновало. Пришла пора молчания. Теперь я просто груда камней, ох, бедный я город Тарту!»

В Швеции в общих чертах были осведомлены о действиях русских, однако столь стремительный уход неприятеля с захваченной территории оказался для них сюрпризом. Шведы и охнуть не успели, как русских уже след простыл. Мосты за собой русская армия разрушила, поэтому было решено, что назад она не вернется. В Ревель до генерал-губернатора Штрёмберга известие о том, что разоренный и сожженный Тарту оставлен противником, дошло лишь на пятый день.⁴⁴² Еще через несколько дней он узнал о победе Карла XII над втрое превосходящими силами русских у селения Головчино, что логически объясняло отход русских войск из-под Тарту.⁴⁴³ К такому же выводу пришел и рижский вице-губернатор Реммерт Функен. Недавнее уныние сменилось надеждой на лучшее.

⁴⁴² F. ARFWIDSON (1936). 97.

⁴⁴³ Битва под Головчином произошла 4 июля 1708 года. Войску Карла XII, насчитывавшему 12 500 человек, противостояла 40-тысячная русская армия во главе с Б. Шереметевым и А. Меншиковым. Русские очень умело сгруппировали свои силы и считали себя хозяевами положения. Но Карл XII неожиданно сосредоточил войска в единый кулак и словно клином расколол ряды противника. Шведы потеряли в этом сражении 270 человек убитыми и около 1000 ранеными. Потери русских составили, по меньшей мере, 5 000 человек. Карл XII считал победу под Головчином самой выдающейся за свою военную карьеру. См. *Svenska slagfält* (2003). 280–286.

Тарту и его окрестности превратились в ничейную зону. Эти земли следовало вернуть шведской короне. Активнее других такую точку зрения поддерживал Штрёмфельд, уже 23 июля направивший Левенгаупту и Функену соответствующие предложения.⁴⁴⁴ Он писал, что по имеющимся у него данным, противник, частично разрушив фортификационные сооружения и спалив Тарту, полностью увел свои войска с прилегающих к городу земель. Далее он описывал бедственное положение местных крестьян, изгнанных из своих домов, но жаждущих вернуться на родимые пепелища и убрать остатки урожая. Это невозможно осуществить, если крестьянам не предоставят защиту. Штрёмфельд предлагал разместить в Тартуском округе драгун генерал-майора Шлиппенбаха, чтобы внушить обнищавшим, измученным селянам хоть какое-то чувство защищенности. Он также задавался вопросом, не следует ли разместить несколько подразделений пехоты в самой крепости Тарту, которую враг не разрушил до основания. Ведь многие защитные сооружения вполне пригодны для использования. Для этой цели, по его мнению, лучше использовать солдат полковника Магнуса-Вильгельма Нирота из Пярнуского гарнизона.

Однако к тому времени Левенгаупт уже покинул Лифляндию, а осторожный Функен не решился осуществить план Штрёмфельда. Он полагал, что крестьяне, узнав об уходе русских из Тарту, сами вернутся к своим пепелищам. Кроме того, Функен не видел смысла возвращать Тарту Швеции в столь неприглядном состоянии. Во всяком случае, полагал он, прежде надо обратиться в высшие инстанции. Впрочем, чего еще можно ожидать от государственного чиновника при абсолютной монархии? К тому же, по мнению вице-губернатора, русские войска по-прежнему располагались в опасной близости от Тарту и могли в любой момент вернуться.

В самом Тарту после ухода русских развернулась «вторая страда».⁴⁴⁵ Некоторые бюргеры, покинувшие город еще до осады и

⁴⁴⁴ F. BIENEMANN (1902). 172–173.

⁴⁴⁵ A. MOLLER (1755). 124–125.

избежавшие горькой участи сограждан, решили, что пришло время возвращаться в родные места. В их числе были ратман Лоренц Фальк и купец Вергин, возвратившиеся из Пярну. Они верили, что скоро наступит мир, и жизнь войдет в привычную колею. В Тарту они застали множество крестьян, рыскавших повсюду и рывших землю в поисках денег, серебра и прочего добра, припрятанного высланными бюргерами. И надо сказать, их старания не были тщетными. Так, в подвале дома ратмана Олау обнаружился богатый клад, о чем пошла слава по всей округе. Приехала и жена Олау, нашедшая себе приют в Ревеле. Она потребовала у крестьян вернуть хотя бы часть имущества.

Русские также прослышали о богатствах, спрятанных в Тарту, и 16 августа неожиданно-негаданно нагрянули на тридцати баркасах. Солдаты прогнали крестьян и сами принялись раскапывать развалины. Для надежности с ними был кавалерийский отряд, рассредоточившийся по округе для отражения возможной атаки шведов. Раскопки шли полным ходом, так что скоро был перерыт весь город. Пришельцы не оставили в покое даже церковные захоронения, вскрыв чудом уцелевшие могилы. Мертвецов извлекали из саванов и складывали у церковных стен. Все, что удалось найти ценного, солдаты второпях погрузили на корабли и ушли тем же путем по Эмайги.

Внезапная вылазка противника побудила Штрёмфельда еще раз напомнить о защите подверженных опасности территорий.⁴⁴⁶ Функен же по-прежнему считал, что выступать малыми силами слишком рискованно. Наконец генерал-губернатор Штрёмберг решил действовать и приказал полковнику Нироту с пехотным батальоном двинуться в сторону Тарту.⁴⁴⁷ В Тартуской экспедиции приняли участие около шестисот человек. В задачу отряда входила не только защита территории от вражеских набегов, но и заготовка зерна, которое предстояло доставить в Пярну. Южная часть Тартуского дистрикта, по сравнению с ближними городскими окрестностями, пострадала меньше, и там еще могли

⁴⁴⁶ F. BIENEMANN (1902). 175.

⁴⁴⁷ О последовавших событиях подробнее см. F. ARFWIDSON (1936). 112–123.

сохраниться посевы. Шведов беспокоило то, что запасы зерна на пярнуских складах подходили к концу, и местному гарнизону грозил голод. Зерна требовалось собрать как можно больше, но в то же время нельзя было отбирать у крестьян последнее. Правда, селян не мешало несколько приструнить, так как затянувшаяся война заметно их деморализовала. Озлобленные, отчаявшиеся, они не желали признавать никаких авторитетов. Поначалу крестьяне отнеслись к Нироту и его солдатам доброжелательно. Но очень скоро они поняли, что поведение освободителей мало отличается от манер захватчиков. Отношение к шведам изменилось, сменившись тайным, а то и откровенным неповиновением.

Похоже, шведы все-таки не до конца понимали, какой хаос царил в Тартуском округе. Положение оказалось намного хуже, чем представлялось. В начале сентября Нирот перешел реку Эмайыги, но дальнейшее продвижение экспедиции сдерживало отсутствие конницы. Тогда он решил реквизировать у крестьян лошадей и посадить на них хотя бы половину своих солдат. Но несмотря на все усилия, Нироту удалось раздобыть лошадей только для двадцати человек.⁴⁴⁸ В разоренном крае их больше не нашлось. Да и вообще брать здесь было нечего. Не хватало пропитания даже для шестисот участников похода. Помимо опустошительных набегов сказался разразившийся в том году неурод. В Эстляндской провинции несколько сот крестьян умерли с голоду, в городах снова появились нищие. Голод свирепствовал также в Лифляндии и Курляндии. Положение усугубилось тяжелыми погодными условиями. Снег, выпавший сразу после Михайлова дня, доходил взрослому человеку до пояса и остался лежать надолго.⁴⁴⁹ Словом, военный поход Нирота был обречен на провал.

После осени 1708 г. до самого конца войны шведов в окрестностях Тарту больше не видели. Какое-то время осторожничали и русские. Их информированность также оказалась не на высоте.

⁴⁴⁸ F. BIENEMANN (1902). 177.

⁴⁴⁹ F. ARFWIDSON (1936). 12–14; C. KELCH (1875). 604; R.M. HATTON (1985). 375.

Так, пребывавший в Пскове Нарышкин оценивал численность шведских войск в 3000 человек – то есть в пять раз выше, чем было в действительности. В донесениях начальству он утверждал, что Нирот дошел до Печорского монастыря, и только там его, якобы, удалось остановить.⁴⁵⁰ Что, конечно, не соответствовало действительности. Однако русские довольно быстро опомнились и в январе 1709 г., еще до Полтавской битвы, приняли решение вновь обжить Тарту. Начиная с марта, русские войска все чаще стали появляться близ города, а с августа их присутствие здесь можно считать более-менее постоянным.⁴⁵¹ С той поры последующие 209 лет над Тарту безраздельно властвовал двуглавый орел.

Совершенно безжизненным городом Тарту не оставался никогда. Хотя русские войска сожгли посад, местные жители его не покинули. Похоже, от огня сильно пострадала лишь часть пригорода на правом берегу Эмайыги, тогда как левобережье в основном уцелело. После ухода русских здесь и поселились посадские, почти исключительно эстонцы. Еще в 1860-е годы в народных преданиях встречались указания на то, что сто лет назад Тарту был большим эстонским городом.⁴⁵²

Помимо эстонцев в посаде остались и некоторые русские люди. В 1712 г. среди посадских, особенно русских мужчин, было немало тех, кто не соблюдал шестую заповедь («Не убий»). Со временем численность русских заметно выросла, что порождало определенные бытовые проблемы. В августе 1721 г. магистрат обратился к коменданту с письменной просьбой о помощи.⁴⁵³ В письме говорилось, что здешние русские, многие из которых обосновались на участках бюргеров, построили свои крытые соломой дома слишком близко друг к другу. Большая часть этих домов не имеет печных труб, однако в них каждый день пекут на продажу хлеб и булочки. Соседи этим очень обеспокоены, так как денно и ночью опасаются пожаров. Магистрат покорнейше

⁴⁵⁰ F. ARFWIDSON (1936). 120–121.

⁴⁵¹ F. BIENEMANN (1902). 180.

⁴⁵² F. BIENEMANN (1902). 182–183.

⁴⁵³ *Eesti rahva ajaloo* (1960), Nr 296, 377–378.

просил установить для этих русских срок, в который они должны оснастить свои дома трубами и снять с крыш солому.

Другая беда – нашествие чужаков, покупающих дома у местных русских и остающихся жить в городе. Продавшие жилье тут же начинали рядом возводить для себя новый дом, не считаясь с издавна действующими порядками, обеспечивающими противопожарную безопасность и уважительное отношение к собственности соседа. Магистрат просил коменданта отдать соответствующее распоряжение и оповестить русских, желающих продать свой дом, что они не вправе совершать сделку с кем попало, а только с теми, на чьем участке дом стоит. Сделку с посторонними может заключать лишь хозяин участка в том случае, если дом ему не нравится или он не хочет его покупать. Магистрат ревностно следил, чтобы дома вдоль улиц возводились в должном порядке. Русским новоселам внушали, чтобы они, строя дома, выдерживали уличную линию, но чаще всего это правило нарушалось. Бытовые проблемы возникали по мере того, как город начал постепенно залечивать тяжелые раны. Но прежде гражданам города Тарту пришлось до конца пройти свой путь на Голгофу.

В пятницу, 26 марта 1708 г., первые депортированные, выдержавшие многотрудный переход, прибыли в Вологду. Там их, словно солдат, определили на постой в избы. Тот, кто имел больше денег, мог позволить себе жилье получше и жизнь побогаче. Науку о взятках и подношениях тартусцы освоили еще по дороге в Вологду, выговаривая себе за деньги и серебро минимальные уступки со стороны русских офицеров.⁴⁵⁴ Вскоре после прибытия к месту назначения царю направили челобитную. Самодержца покорнейше просили определить прожиточное пособие, не селить людей порознь и не посылать дальше Вологды. Просьбы во внимание приняты не были. 30 июня царь приказал разделить тартуских граждан на три группы. Одни остались на месте, других послали в Великий Устюг, а третьих – в Казань. Небольшую часть ремесленников отправили в Москву, Печенгу

⁴⁵⁴ F. BIENEMANN (1902), Zweiter Teil: 11, 23.

и Воронеж. Распределение по группам оказалось нелегким делом. Не всем хотелось ехать именно в то место, которое выпало по жребии. В августе в Вологде появился стольник Григорий Племянников и окончательно утвердил места ссылки. 27 августа в Великий Устюг отправились 211 человек, а 10 сентября бургомистр Реммин вместе со 198 спутниками отбыл в Казань. На месте остались 254 человека.⁴⁵⁵

Заслуживает внимания то, что разные социальные группы высылались в разные места. Так, членов семей военных депортировали исключительно в Подмосковье. Граждан высших сословий, бургомистров, ратманов, священников и членов Большой гильдии отправили в основном в Вологду и Казань, а членов Малой гильдии – в Москву и Великий Устюг. Больше всего депортированных, 36,6%, двумя партиями направили в Москву и Подмосковье, в Вологде остались 23,4%, в Великий Устюг выслали 19,3%, в Казань – 18,2% и в Воронеж – 2,5%.⁴⁵⁶ Среди высланных было много офицерских семей, что вполне объяснялось военным положением. Впрочем, в большинстве семей мужей и отцов уже не было в живых. Всех подмастерьев, учеников и слуг депортировали из Тарту вместе с семьями их хозяев.

Известно, что в Вологде ссыльные материально были более-менее обеспечены. Многие не просто выживали, но и начали прилично зарабатывать, строить себе дома. Поначалу им помогали местные англичане и голландцы. Некоторым тартуским бюргерам удалось даже сколотить определенное состояние. Тут следует назвать, прежде всего, ратмана Петера Табора, который сыграл значительную роль в создании Российской коммерческой коллегии. Заслуживает упоминания и высланная в Москву Доротея Брус, ставшая позднее кормилицей детей Екатерины I.⁴⁵⁷

Но многие ссыльные прозябали в страшной бедности. Для них несколько раз собирали пожертвования в Архангельске, Москве, Риге, Ревеле, Эрфурте и других иноземных городах.⁴⁵⁸

⁴⁵⁵ F. BIENEMANN (1902), 185, Zweiter Teil: 76–81.

⁴⁵⁶ *Tartu* (2005). 116.

⁴⁵⁷ *Tartu* (2005). 117.

⁴⁵⁸ F. BIENEMANN (1902). 189–190.

Дележ денег, присылаемых с самыми лучшими намерениями, нередко вызывал раздоры и недовольство, что свидетельствует как о сложном психическом состоянии высланных, так и об эгоистическом самосознании бюргеров.

Через несколько месяцев после полной капитуляции Лифляндии в 1710 г.⁴⁵⁹ депортированные из Нарвы направили царю челобитную, прося разрешения вернуться домой, поскольку причина их высылки теперь отпала. Об аналогичном прошении со стороны граждан Тарту ничего неизвестно, хотя можно предположить, что оно было. Освобождения пришлось ждать еще много лет, хотя договор о капитуляции Ревеля предусматривал возвращение на родину без выкупа всех депортированных из Нарвы и Тарту.⁴⁶⁰

Однако нельзя утверждать, будто русские просто не соблюдали договоренности. Причины задержки были, в основном, внешнеполитического характера. Разгром полевой армии Карла XII под Полтавой в 1709 г.⁴⁶¹ еще не стал для Петра окончательной победой. Война продолжалась, и не хватило малого, чтобы колесо истории повернулось вспять. В июле 1711 г. у реки Прут 100-тысячная турецкая армия окружила 48-тысячную армию русских.⁴⁶² Ситуация оказалась крайне драматической еще и потому, что в капкан попал сам Петр, пребывавший там вместе с Екатериной. Положение окруженных казалось безнадежным. Демонстрируя серьезность своих намерений, турки обстреляли противника из 250 орудий, размещенных на высотах вокруг лагеря противника. Все это напоминало прицельную стрельбу, так как русским негде было укрыться. Петр почти смирился с неминуемой

⁴⁵⁹ В июле 1710 г. русским покорилась Рига, в августе – Пярну и в сентябре – Курессааре и Ревель. В письме главе Преображенского приказа князю Ф.Ю. Ромодановскому (от 10 октября) царь подводит итоги военного похода: «Лифляндия и Эстляндия от противника полностью очищены. Одним словом – нет у неприятеля левее Балтийского моря ни городов, ни земли». См. подробнее R. WITTRAM (1964). 323–354.

⁴⁶⁰ F. BIENEMANN (1902). 191.

⁴⁶¹ См. подробнее P. ENGLUND. *Poltava: Berättelsen om en arméns undergång*. Stockholm, 1988.

⁴⁶² См. A.N. KURAT. *Prutfälttåget och Prutfreden 1711*. – Karolinska Förbundets Årsbok, 1939; R. WITTRAM (1964). 381–395; L. HUGHES. *Russia in the Age of Peter the Great*. New Haven, 1998. 48–49. Виттрам, а за ним и Хьюз считают, что численность русской армии составляла 38 000 человек.

гибелью или пленом и находился на грани нервного срыва. Его смогли успокоить только благодаря вмешательству Екатерины.

Царю не оставалось ничего другого, как просить 48-часового перемирия. На переговоры с великим визирем он послал вице-канцлера Петра Шафирова. Ситуацию обостряло то обстоятельство, что в Турции, точнее, в Бендерах как раз нашел временное пристанище Карл XII. Этот факт был Петру известен. На случай, если турки заведут разговор о шведах и потерянных ими территориях, царь приготовился пожертвовать Лифляндией. А коли того окажется мало, то можно будет, по мере торга, отдать и другие завоеванные земли, исключая Ингерманландию. Вместо нее предполагалось предложить Псков с окрестностями. По своей инициативе, понятное дело, Шафиров эту болезненную тему не затрагивал.

Опасения Петра оказались напрасными. Великий визирь вообще не коснулся «шведского вопроса». Турция удовлетворилась тем, что вернула себе крепость Азов, а также контроль над низовьями Дона и Северным Кавказом. Свою роль тут сыграли, бесспорно, и щедрые дары со стороны русских, в том числе деньги, преподнесенные великому визирю и его сподвижникам. Отчаяние царя сменилось холодным политическим расчетом. В то же время требования Константинополя были с военной точки зрения вполне реалистичными. Турки получили то, чего хотели, и что представлялось возможным. Царь, в свою очередь, был готов обещать все, что угодно, лишь бы спастись. А потом под удобным предлогом всегда можно было нарушить договоренность.

Этот инцидент произвел на Петра сильное впечатление. Самодержцу стало ясно, что несмотря на значительно выросшую военную мощь России, шахматную партию на дипломатическом поле ему еще долго предстоит доигрывать. В октябре 1713 г. Тарту был выведен из состава Рижской губернии, образованной несколькими месяцами ранее. Этот предусмотрительный ход царь предпринял на случай, если при заключении мирного договора ему не достанется вся Лифляндия. С 1719 г. Тартуский дистрикт получил особый статус и своего коменданта, подчиненного

главному коменданту с резиденцией в Нарве. Сам же округ в качестве одной из двенадцати провинций включили в состав Санкт-Петербургской губернии.⁴⁶³

На неуверенность царя указывает и то, что до конца войны он не верил в лояльность населения Эстляндии и Лифляндии. Вскоре после завоевания этих территорий, в декабре 1710 г., был введен официальный контроль над перепиской, которая велась со Швецией. А через два года Петр решил, что русский гарнизон в Риге слишком слаб, учитывая угрозу, исходящую от жителей города. Зимой 1718–1719 гг. царь уже подумывал о депортации на незаселенные земли России всего населения Эстляндии и Лифляндии, зачислив его в разряд «конспиративных подданных».⁴⁶⁴

В свете сказанного не стоит удивляться тому, что только 13 января 1714 г. Петр разрешил бывшим тартуским жителям направить своих представителей в Петербург, чтобы обговорить условия освобождения. В феврале ссыльных наконец-то отпустили, но вместо Тарту местом жительства им была определена Нарва. Старейшина Большой гильдии Петер Сюдербег, который вел с русскими переговоры в Петербурге, допускал, что Его Величество назначил тартусцам Нарву, поскольку там они могли найти для себя кров. К тому же главному коменданту в Нарве был отдан приказ восстановить и отремонтировать все жилые дома. По мнению Сюдерберга, аналогичные распоряжения о восстановлении не мешало бы сделать и в отношении Тарту, который депортированные хотели снова увидеть возрожденным.⁴⁶⁵ Но в данном случае царь скорее руководствовался соображениями безопасности, нежели заботой о людях.

В марте первые переселенцы, в их числе и пастор Гроттиан, прибыли в Нарву, где их поселили в пустующих домах. Можно лишь догадываться о чувствах людей, вернувшихся, образно говоря, к воротам родного города Тарту, но вынужденных по-прежнему ждать, когда их допустят на родные пепелища. Тем более что они даже не представляли, каким увидят свой город. Многие

⁴⁶³ R. WITTRAM (1964), 2:83.

⁴⁶⁴ R. WITTRAM (1964), 2: 93–95.

⁴⁶⁵ *Eesti rahva ajaloo* (1960), Nr 292. 373.

бывшие тартуские бюргеры добровольно остались в изгнании, так как имели там надежный доход, построили дома и обзавелись землей. Для них собственность и личное благосостояние стали важнее свободы. Другие не двинулись в обратный путь, так как не имели для этого необходимых средств.

Первым, кому назначенный в Нарву Нарышкин дал разрешение на возвращение в Тарту, был пастор Гротриан. Он прибыл в родной город летом 1714 г., но, не найдя там работы и жилья, стал пастором прихода Отепя. Другим пришлось еще долго ждать возвращения домой. Только в 1715 г. некоторые бюргеры, оставившиеся в Нарве, смогли, по примеру Гротриана, добраться до Тарту. Люди возвращались с чужбины еще и в 1720-е годы. По имеющимся данным, из сорока семей, депортированных в 1707 г., в Тарту вернулись четырнадцать. Из высланных в 1708 г. 183 семей обратный путь преодолели 86. В общей сложности вернулось менее половины (около 45%) депортированных.⁴⁶⁶ Им пришлось начинать жизнь практически с нуля. Многие подолгу не могли отстроить свои дома. Поначалу строили в посаде деревянные хибары. Построили и деревянную церковь с соломенной крышей.⁴⁶⁷ Несмотря на трудности, все начиналось сызнова. Медленно, но верно, Тарту восставал из пепла.

---

⁴⁶⁶ F. BIENEMANN (1902), 193.

⁴⁶⁷ A. MOLLER (1755). 126.

ЭПИЛОГ

ПЕТР I И КАРЛ XII В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИИ

Неоднократно доказано, что события многовековой давности оказываются для нас размытыми, так как смотрим мы на них сквозь зеркало истории. Так обстоит дело и с Северной войной. Нет ясности, кто именно и когда ее развязал. Повторим еще раз: речь идет о заговоре Дании, Саксонии и России против Швеции. Последняя же была отнюдь не нападающей стороной, а скорее жертвой. Причем только русский царь объявил войну Швеции официально. Остальные действовали исподтишка. Впрочем, рыцарский поступок Петра был лишь данью действующему в то время кодексу чести и не имел практического значения. Связь, почта и прочие средства коммуникации работали столь медленно, что вражеские армии нередко опережали официальное извещение о начале военных действий. Хотя, с другой стороны, и внезапные нападения были затруднены. На то, чтоб собрать близ границы неприятеля большие силы, требовалось много времени, и такого рода активность, естественно, вызывала подозрения.

Среди деятелей Северной войны наиболее противоречивые оценки и чувства вызывают две заметные фигуры: российский царь Петр Великий и шведский король Карл XII. Оба правителя окружены безнадежно запутанной сетью мифов, фактов и оценок пропагандистского толка. К Петру в России и за ее пределами относятся явно положительнее, чем к Карлу. В Петре видят Победителя, новатора, реформиста, обновителя. Оценка Карла гораздо негативнее. Он – Проигравший, солдафон, реакционер. В кабинете премьер-министра России Владимира Путина среди прочих висит и портрет Петра Великого. Возможно, за этой деталью скрывается интерес хозяина кабинета к истории Российского государства, но, скорее всего, это однозначный политический сигнал. Отождествляя себя с Петром, Путин дает понять, что и

он не смирится с современным положением России на мировой арене, что и он решительно настроен на восстановление статуса великой державы. Представить себе портрет Карла XII в кабинете шведского премьер-министра немислимо. Это было бы политически некорректно и совершенно неприемлемо. Напротив, посетитель Стокгольмского армейского музея может прочитать о Карле, что тот был слабым полководцем, виновным в гибели 200 000 шведов, поставившим нацию на грань уничтожения. Хочется также напомнить, что данный текст был написан весной 2000 года. (М. А.)

Цель этих записок – сравнить вышеназванных правителей, набросать портреты Петра и Карла, увидеть их глазами современников, обращая внимание, прежде всего, на их человеческие слабости и достоинства, одновременно пытаясь понять, какие именно обстоятельства сделали одного из них «хорошим» историческим героем, а другого «плохим».

Из биографий

Петр появился на свет 30 мая 1672 г. Он был четырнадцатым ребенком московского царя Алексея Михайловича и первенцем молодой царицы Натальи Нарышкиной. Прежняя царица Мария Милославская к тому времени уже три года как скончалась. Петр вполне мог и не взойти на трон, так как у отца от предыдущего брака было пять сыновей. Правда, к моменту рождения Петра в живых оставались лишь двое. Престолонаследник Федор (род. в 1661) был слаб здоровьем, а его младший брат Иван (1666) хворал физически и душевно. У Петра были еще шесть сводных сестер, правда, они на царскую корону не претендовали.

Царь Алексей Михайлович отдал Богу душу в январе 1676 г. в возрасте 47 лет. Трон унаследовал 14-летний Федор, причем ему даже не назначили регента. Трехлетний Петр в то время еще сосал грудь кормилицы. Шесть лет спустя Федор умер, не оставив наследников. Сославшись на слабоумие Ивана, бояре провозгласили царем Петра, хотя тому еще не исполнилось и

десяти лет. Отрока благословил на царство Святейший патриарх, а Нарышкины получили вожденную власть и все связанные с этим привилегии.

Упоенные удачей, Нарышкины не обратили внимания на то, что сильный род Милославских вовсе не смирился с потерей власти. Вернуть власть Милославские решили с помощью стрельцов. Стрельцы из-за царских и боярских раздоров давно уже не получали жалования, были очень недовольны условиями службы и жадно ловили все слухи о жизни в царских хоромах.

Молва о том, что «злодеи» извели царевича Ивана, в мае 1682 г. привела стрельцов в Кремль. В кровавых стычках погибли около 40 человек, в том числе люди из рода Нарышкиных и их сторонники. Роль в этих событиях 25-летней сводной сестры Петра Софьи, несмотря на множество дискуссий на эту тему, по-прежнему остается туманной. Но приписываемое ей многими историками макиавеллевское коварство все же сильно преувеличено. Петр и его мать Наталья Нарышкина были в те дни доступной мишенью, однако с их голов и волос не упал. В период правления Софьи историки отмечают большую терпимость к «нерусским» явлениям и признаки большей открытости государства окружающему миру. Именно в это время в России нашли убежище гугеноты. Иезуитам позволили отправлять церковные службы в московских католических приходах. В страну зазывали чужеземных ремесленников и промышленников.

Софья находилась у власти семь лет, но это было временное решение проблемы. Отрочество Петра проходило в атмосфере интриг и насилия, и это период сыграл большую роль в становлении его как личности. Большую часть времени он проводил в селе Преображенском, летней царской резиденции, вдали от давно сложившегося дворцового этикета. Он не получил традиционного православного воспитания и был практически незнаком с ценностями классической русской культуры. В этом, в частности, кроется ключ к пониманию того, почему Петр стал не таким царем, каким были его предшественники.

Можно без преувеличения утверждать, что Петр, не получивший систематического образования, был способным само-

учкой. Он так до конца жизни и не научился грамотно писать и читать. Его почерк и орфография чудовищны. Нет ни одного свидетельства о том, что Петр когда-либо читал или с кем-то обсуждал «серьезное» произведение философского, теологического или исторического характера. Что, впрочем, не мешало ему поддерживать переписку со многими выдающимися учеными и мыслителями, а также быть избранным во Французскую Академию. В любом случае, Петра и поныне именуют основателем российских наук.

Научные интересы Петра сводились скорее к практическим, нежели теоретическим знаниям. Он искал сенсаций и во всем проявлял присущий ему рационализм. Например, он обожал рвать большие зубы. При виде чьей-то вспухшей щеки его глаза загорались. Петр даже делал кое-какие операции и полагал себя хорошим хирургом. Выразительный и одновременно отталкивающий эпизод произошел в момент казни придворной дамы Марии Гамильтон. Сия авантюрного склада красавица, будучи любовницей царя, прослыла в народе детоубийцей. Не стеснялась она и подворовывать у самой царицы Натальи. В 1719 г. ей отрубили голову, видимо, за накопившиеся прегрешения. После казни Петр поднял с плахи за волосы отрубленную голову и избразил из себя профессора анатомии. Спокойным громким голосом он взялся объяснять толпе, какие именно органы, мышцы и артерии видят они на месте среза. Закончив лекцию, царь поцеловал голову Марии в посиневшие губы и бросил ее на помост. Затем осенил себя крестом и удалился.

В детстве Петр играл не только в солдатик. Его игрушками были различные рабочие инструменты. Вероятно, именно тогда зародился в нем глубокий интерес к механике. Гораздо сложнее объяснить столь сильную привязанность выросшего на суше юноши к морской стихии. Тем более что в детстве Петр отчаянно боялся воды, а море увидел впервые в Архангельске в 1693 году.

Петр царствовал почти 43 года. За это время страна жила мирной жизнью от силы шесть-семь лет. И все же его не считают чрезмерно воинственным правителем. Скончался российский самодержец 28 января 1725 г. между четырьмя и пятью часами

утра, в возрасте 52 лет. Причиной послужило уже два года мучившее его воспаление мочеполовых путей, скорее всего, следствие плохо залеченной в молодости венерической болезни. Известно, что за пару недель до смерти Петра прусского короля просили отпустить в Москву его личного доктора фон Шталя. Но было уже поздно. Лейденский профессор Борхаав, изучивший историю болезни Петра, якобы утверждал, что начини медики лечить царя вовремя, хватило бы пилюль ценой в пятак.⁴⁶⁸

Принц Карл родился 17 июня 1682 г. в Стокгольме во дворце Карла XI и его супруги датской принцессы Ульрики Элеоноры. Мальчик был первым сыном королевской четы. Следом за короткое время Ульрика произвела на свет еще четырех сыновей, но все они умерли в младенчестве или раннем детстве. У Карла были старшая и младшая сестры, благополучно дожившие до зрелых лет.

Три первых года жизни Карл провел в мире женщин, где наряду с матерью властвовала вдовствующая королева, бабушка со стороны отца Хедвиг Элеонора. Маленький Карл звал ее «папа-мама». Хедвиг была дамой чрезвычайно энергичной. Она пережила мужа, сына и почти что пережила внука, скончавшись в 1715 г. в возрасте 79 лет.

Карл рано, в одиннадцать лет, лишился матери. Отец, не получивший достойного образования (он с трудом читал и писал), основательно взялся за обучение сына. С мальчиком занимались лучшие учителя. План обучения был составлен вплоть до его восемнадцатилетия. По утрам Карл занимался с восьми до одиннадцати, до двух часов принц был свободен, а после обеда до шести вечера делал домашние задания. Настольной книгой Карла стало жизнеописание Александра Македонского Квинтуса Куртиуса. Карманное издание книги он и позже возил с собой по полям сражений. Ежедневно Карл прочитывал отрывок из Библии.

Латинский язык молодой король знал настолько, что в Польше мог на нем вести переговоры. Он читал по-французски, а немецким овладел легко, так как при дворе по-немецки говорили с ино-

⁴⁶⁸ См. Н.И. ПАВЛЕНКО. *Пётр Великий*. М., 1990; WITTRAM, 1964.

земными гостями и дипломатами. Карл увлекался математикой, полагая ее интеллектуальным занятием. Это увлечение он сохранил на всю жизнь и считал неразвитыми людей, которые этой дисциплиной не владели. Из физических упражнений предпочтение отдавалось верховой езде и фехтованию.

Карл XI скончался в апреле 1697 года. Сомнений по поводу престолонаследника никогда не возникало. Король-отец лишь хотел, чтобы бремя государственной власти не легло на плечи сына слишком рано. Он полагал, что наиболее ранний «возраст готовности» – восемнадцать лет. Но ни в завещании, ни на смертном одре Карл XI не сделал никаких уточнений по поводу возраста сына. По шведским законам мальчик становился совершеннолетним в пятнадцать лет. И через несколько месяцев принц Карл в возрасте пятнадцати с половиной лет был коронован.

В истории Швеции на тот момент отсутствовал прецедент подобной коронации. Ведь Карл XII был первым наследным урожденным властителем трона и страны. То, что Карл не ответил на присягу подданных своей королевской клятвой, стало попранием пятисотлетней традиции. Ранее первым приносил клятву король, обещавший соблюдать законы страны и защищать своих подданных. Теперь же всем стало понятно, кому принадлежит абсолютная власть, превалирующая даже над законами. Половину своей жизни Карл XII провел на полях сражений в Центральной и Восточной Европе, а прожил он 36 лет.

30 ноября 1718 г., в воскресенье и первый день адвента, король отстоял молебен, пообедал и после вечерней молитвы отправился верхом на своем скакуне Англичанине посмотреть, как продвигаются осадные работы вокруг крепости Фредрикстен в Норвегии. Вечер был сумрачный, небо в тучах. Подскакав к траншеям, король спешил и в сопровождении нескольких военных направился к передовой. Карлу помогли подняться на бруствер, достигающий уровня груди. Он оперся на вал локтями и внимательно вглядывался в окрестности. За несколько минут до половины десятого король был мертв. По словам его спутников, они слышали лишь неясный звук, напоминающий шлепок камешка

в размокшую глину. Единственный выстрел в осенней ночи положил конец целой эпохе шведского государства. И по сей день смерть Карла XII окружена ореолом тайны.

Личные особенности

Двухметровый ПЕТР для своего времени был очень высоким человеком. Зато его голова, ступни и кисти рук были непропорционально маленькими. Ходил царь огромными шагами, так что его спутникам, особенно собеседникам, порой приходилось бежать за ним вприпрыжку. Лицо Петра часто искажалось гримасами и судорогой. Он выкатывал глаза, морщил нос, кривил губы и т.п. Сейчас мы бы сказали, что поведение царя было поведением ярко выраженного невротика.

Петр явно страдал расщеплением личности, ему было трудно оставаться самим собой. Но, в отличие от простых смертных, страдающих тем же недугом, царь мог себе позволить в каждый момент быть именно тем, кем себя ощущал или кем хотел быть. У него было много имен, образов и ролей. Любовь Петра I к маскараду в XVII–XVIII вв. не была оригинальной. И в других странах коронованные особы и аристократы обожали маскироваться под лакеев, горничных, пастухов, матросов и трубочистов, разгуливая в таком виде в поисках приключений.

Простые манеры и нетребовательность Петра производили впечатление на его современников и были широко известны. Царь любил физическую работу, был искусен в ремеслах, что для властителей того времени было более чем оригинально. Не зря его порой не без почтения именовали царем-плотником. Он предпочитал простую пищу (щи, кашу, жареное мясо, соленые огурцы, квас, творог и т.п.), которую поглощал в огромных количествах. Зато не любил рыбу и сладкие блюда. То, что Петр часто ел руками, тоже не было из ряда вон выходящим по тем временам. Но было бы неверно утверждать, что царь равнодушно относился к заморским деликатесам. Особой его благосклонностью пользовались французские и венгерские вина.

Самооценка Петра была весьма высокой. Он был убежден, что истинное величие не зависит от титулов, костюмов и окружающих декораций. Например, по поводу французов, часто меняющих наряды, он говаривал, что эти мужи, должно быть, недовольны своими портными. Впрочем, не так уж равнодушен к одежде был и сам царь. Вот только париков он терпеть не мог. И лишь в сильные холода мог стащить с головы ближайшего к нему подданного парик и нахлобучить себе на голову.

Многие современники замечали, что царь лихо пьет и с интересом наблюдает, как алкоголь действует на речь, поведение и интеллект менее выносливых сотрапезников. Напоить гостей допьяна – было одной из любимых царских забав. Тем более что отказать Петру в этом удовольствии редко кто отваживался. А коли такой смельчак находился, его поили силой. Случалось, что гостей запирали в зале очередной ассамблеи на несколько суток. Или просто ставили у выхода стражу. Иногда общество вывозили на судне в море, откуда, понятное дело, никто уже сбежать не мог. Рассказывают, что датский посол Йенс Юэль, пытаясь скрыться от назойливости Петра, взобрался на манер простого матроса на мачту корабля. Но и царь не оплошал. С огромным кубком в руке он полез следом и заставил-таки посла осушить чашу. Бывало и так, что сотрапезникам подолгу запрещалось выходить из-за стола, в то время как сам царь ускользал в специальную каморку, где и отсыпался.

Личная жизнь Петра долго не складывалась, хотя он был очень неравнодушен к женщинам, а также, как поговаривали, и к мужчинам. Ему еще не было семнадцати, когда по повелению матушки он женился на боярской дочери Евдокии Лопухиной. Через год у них родился сын Алексей, еще через полтора – Александр, скончавшийся в младенчестве. Но совместная жизнь молодых не заладилась с самого начала. Современники, пытавшиеся оправдать дальнейшее поведение царя, утверждали, что виной тому были упрямство и глупость молоденькой Евдокии. Однако царский нрав и манера поведения позволяют предположить, что дело было скорее в нем, чем в юной царице. Через несколько лет после смерти матушки Петр отправил

Евдокию в Суздальский монастырь, где она была пострижена в монахини.

Петр же стал открыто жить с Анной Монс, дочерью немецкого винооторговца. Он даже одно время хотел сделать ее царицей, но, узнав, что Анна ему изменяет с саксонским посланником, посадил ее на долгие годы под домашний арест.

В 1702 г. в Лифляндии, под Мариенбургом (*латышский Алуксне*), в плен к русским вместе с семейством пастора Эрнста Глюка попала служанка Марта. В тот момент ни она сама, ни ее окружение и вообразить не могли, что годы спустя деревенская девка станет спутницей жизни российского самодержца, а затем и императрицей вся Русь. Миру она станет известна под именем Екатерины I, так как крещена была Екатериной Алексеевной. Это ли не история сказочной Золушки!

Судьба свела эту пару, когда Марте было 19, а Петру 31 год. Безграмотная, но обладавшая женской интуицией и хитростью, будущая императрица сумела приспособиться к нелегкому царскому нраву. Властолюбивая и достаточно коварная, она, например, сыграла известную роль в гибели царевича Алексея, в котором видела конкурента.

Возможно, что Петр и Екатерина поженились тайно в ноябре 1707 г., но общественности это стало известно лишь три с половиной года спустя. Для Марты-Екатерины это был второй брак, причем с первым мужем, предположительно, простым драгуном, она официально так и не развелась. Он умер только в 1718 году. Петр и Екатерина произвели на свет 12 детей.

Во время коронации в 1724 г. Петр собственноручно возложил на голову Екатерины корону, украшенную изумрудами, жемчужинами и драгоценными камнями общим количеством 2564. Но вскоре выяснилось, что жена изменяет Петру со старшим камергером, по иронии судьбы оказавшимся младшим братом Анны Монс Вильгельмом. Молодому любовнику пришлось расстаться с жизнью. Вечером в день казни Екатерина обнаружила у себя в опочивальне сосуд, наполненный спиртом. В нем плавала отрубленная голова Вильгельма с открытыми глазами и мучительно искривленным ртом. Разъяренный Петр несколько дней подряд

продержал голову в спальне, однако новоиспеченную царицу было не так-то легко вывести из равновесия. Екатерина славилась своим хладнокровием.

По характеру Петр был фанатиком, который ни на секунду не сомневается в правильности своих поступков. К окружающим его людям он относился с циничным рационализмом. Всероссийский самодержец был глубоко убежден, что его подданные ленивы, глупы, легкомысленны и нелюбопытны. Это был живой строительный материал, из которого следовало построить новую и счастливую Россию. «Снявши голову, по волосам не плачут» – это выражение, по свидетельству современников, принадлежит именно Петру. В 1705 г., например, он приговорил к смерти одного из своих политических противников. Однако не казнил его, а передал своему личному лекарю «для анатомических нужд». Иными словами, для медицинских экспериментов. Жертва скончалась на шестой день.

С годами убежденность Петра в том, что он Наставник и Мастер, лишь усиливалась. Его святой долг – учить подданных, как им жить правильнее, чтобы это шло на пользу им самим и, что еще важнее, державе. А послушанию и любви к Отечеству людей принуждали угрозами и насилием. Принуждение ради грядущего счастья – этой идеи царь придерживался всю жизнь. Неудивительно, что современники боялись Петра, а многие полагали его Антихристом и кровопийцей.

За Петром водилась слава палача, наслаждавшегося муками своих жертв. Во многом такой репутации способствовало личное участие царя в допросах и пытках стрельцов после бунта. Осенью 1698 г. были казнены 799 человек, а зимой 1699 г. – еще 350. Царь проводил много времени в камерах пыток и на месте казни. Несколько присутствовавших в то время в Москве иностранцев утверждали, что царь и сам не гнушался рубить головы. Этот факт настолько непригляден, что многие исследователи Петровской эпохи более поздних времен поспешили объявить его досужим вымыслом.

Не до конца выяснены и обстоятельства смерти царевича Алексея в 1718 г., обвиненного в заговоре. Якобы, Алексей

обратился за помощью к австрийским Габсбургам с целью завладеть трон и убить отца. Алексей, вроде бы, вину свою признал, но серьезных доказательств заговора историки так и не обнаружили. К тому же признание было сделано под пытками, от которых молодой человек и скончался. Петр не просто присутствовал на допросах, но и сам не раз брался за плетель. Этот эпизод в биографии самодержца тоже многие не желают признавать. Более того, Петра пытаются оправдать, ссылаясь на то, что он в первую очередь монарх, а уж только потом отец. И не мог он поставить судьбу Алексея выше судьбы Российской державы. Но, похоже, авторы подобных высказываний и сами не очень верят тому, что судьба Алексея должна была стать предупреждением другим царским отпрыскам, кои тоже могли быть «склонны к непослушанию». И не благо ли для сыновей Петра, не высшая ли в том справедливость, что все они умерли в детстве.⁴⁶⁹

Одна из странностей царя – боязнь спать в больших помещениях. Петр повсюду устраивал для себя небольшие каморки. Историки приписывают эту особенность его неприхотливости. Но, вполне вероятно, что мотивы тут более глубокие, и проблема куда серьезнее. Петр обожал пожары и любил их тушить. Но пироманом признавать его историки отказывались, хотя общеизвестно, что однажды, в разгар веселья, он поджег в Москве деревянный дом, правда, ему же и принадлежащий. В ряд с этой странностью можно поставить бешеную любовь Петра к салютам, фейерверкам и вообще всякого рода «огненным забавам». Кроме этого Петр любил танцы, игру в кости и лото, а также глобусы и архитектурные прожекты. Здесь уместно напомнить, что построенный у Азовского моря Таганрог – один из прообразов будущего Петербурга.

Желая подчеркнуть мягкость петровской натуры, историки отмечают его любовь к животным. Особо жаловал царь собак. Иногда царские записки подписывались именем его любимицы Лизетки. Охоту Петр на дух не переносил.

⁴⁶⁹ L. HUGHES 1998: 411.

КАРА физически повзрослел рано. Для своего времени он был мужчиной выше среднего роста (175 см), а казался еще выше из-за поджарости фигуры. Исключение составлял лишь очень короткий период, когда он прибавил в весе. В ответственные моменты Карл вел себя с истинно королевским достоинством и прекрасно держался в седле, всегда с прямой спиной. Зато на прогулке, погруженный в раздумья, он обычно сутулился. Движения Карла были стремительны и точны, ходил он быстро, широкими шагами, заложив руки за спину. Во время беседы, говорил ли он сам или слушал другого, левая рука его отдыхала на эфесе шпаги. Остановив коня, чтобы поговорить с кем-то, король обычно снимал шляпу и держал ее под мышкой.

Карл обладал завидным здоровьем и отлично переносил походную жизнь. Жар и простуду он лечил голоданием. Многие офицеры, его современники, отмечали склонность короля к чрезмерному риску. Солдаты же обожали его за личную отвагу на поле боя и разумное командование. С годами твердость Карла стала превращаться в упрямство, однако он никогда не терял способности не только слушать советы своих сподвижников, но и следовать им, если находил толковыми. Однако задним числом историки могут сказать, что склонность к радикальным решениям не пошла ему на пользу.

Карл XII, как и Петр I, в отличие от большинства современных им монархов, не носил париков. От парика он раз и навсегда отказался осенью 1700 г. во время военных действий в Эстляндии и Лифляндии, ибо в походной жизни так ему было удобнее. Впрочем, был короткий период, когда сильно простуженному королю надеть парик посоветовал лейб-медик, чтобы голове было теплее. Случилось это в Саксонии в 1707 году. Король был сторонником простой форменной одежды. Однако мундиры менял часто, что приписывалось его экстравагантности. Но правильнее было бы сказать, что походные будни – постоянное пребывание в седле, ночевки у костра и в палатке – отрицательно сказывались на состоянии не только самого воина, но и его одежды. Король носил черную шляпу на манер солдатской. Посол Ее Величества королевы английской в Берлине Томас Вентворт отозвался

о Карле как о неухоженном оборванце. Манера короля вести себя за столом и вовсе повергла посла в шок. Карл намазывал масло на хлеб большим пальцем.⁴⁷⁰

Долгое время предметом дискуссий оставались отношения Карла XII с женщинами. У сторонних наблюдателей складывалось впечатление, будто они его мало интересовали. Но известно, что в юности Карл иногда спрашивал имя у встреченных им красивых девушек. Слабость влечения к нежному полу современники короля, да и историки более позднего времени считали его сексуальным отклонением. Некоторые исследователи указывали на гомосексуализм, а в 1917 г. совершенно серьезно обсуждался вопрос, не был ли Карл гермафродитом. Но логичнее предположить, что король мог в полной мере исполнять роль любимого армией полководца и служить примером подчиненным лишь благодаря аскетическому самообладанию. Он чувствовал себя неловко в женском обществе, но с удовольствием слушал рассказываемые офицерами пикантные истории, если они не выходили за рамки приличия.

Будучи в Турции, король чаще обычного обращался к проблемам, связанным с сексуальной жизнью и возможной женитьбой. Карл опасался, что, поддавшись однажды соблазну, он станет жертвой этой страсти, как азартный игрок, который уже не способен остановиться. Потерю же контроля над собой он считал недопустимой. Как король Швеции, он думал, прежде всего, о своих обязанностях в условиях продолжавшейся войны.

В действительности женитьба Карла XII была заранее предопределена. Фактически особого выбора и не существовало. Все сводилось к дилемме, просить руки принцессы какого-нибудь малозначимого германского княжества или единственной подходящей королевской дочери, поскольку лютеранских правителей в то время было немного. Наряду со Швецией в Европе существовало только одно королевство с таким же вероисповеданием – Дания. И какая девушка еще могла подойти в жены Карлу, как не дочь датского короля Кристиана V София Хедвиг? Но политической выгоды такой брак не сулил. Отец, Карл XI, тоже был женат

⁴⁷⁰ В. ЛИЈЕГРЕН 2000: 143–144.

на датской принцессе, но это не помешало войне между двумя государствами в 1675 году.

Карл недвусмысленно заявил, что отвергает брак по расчету и хочет сам найти себе подходящую жену. Но при этом он не скрывал своей симпатии к Софии Хедвиг, когда услышал, что девушка похожа на его мать. Тем не менее, сомнения оставались. Похоже, Карла не устраивало то, что датская принцесса была на пять лет старше его. Дальнейшие мысли о сватовстве, однако, перечеркнула война. Не исключено, что Карлу XII так и не удалось познать радостей физической близости с женщиной.

Однако неправильно представлять себе Карла XII как человека тихого и замкнутого, хотя он часто производил такое впечатление. В юности ему нравились отчаянно смелые конные вылазки и охота, был он горазд и на всяческие проказы. Особенно бурно проходил визит в Стокгольм в 1698 г. герцога Гольштейна Фредерика, который был на 11 лет старше Карла. За месяцы, предшествовавшие женитьбе Фредерика на младшей сестре Карла, молодые люди развлекались стрельбой по окнам королевского дворца, выбрасывали на улицу стулья и прочую мебель, а в большой галерее охотились на зайцев. Пару раз они даже устраивали облаву на волков, медведей и оленей. Их забавы превращались в настоящие оргии, кровь убитых животных заливала пол королевских покоев. Сохранился также дипломатический отчет о состязании, когда мечом отрубали головы телятам.

Юный король пил много вина и играл в карты. Вероятно, Карл также был в компании тех, кто спьяну угощал медведя испанским вином. Об этом случае ходило много разговоров, так как опьяневший медведь вывалился из окна и околел.

Но однажды вдовствующая королева не выдержала. После очередной разгульной охоты она крепко отчитала Карла за пьянство, непотребный вид и несвязную речь, позорящие королевский сан. Отповедь произвела впечатление на юного короля, и он обещал бабушке, что отныне в рот не возьмет спиртного. И, по убеждению историков, свое слово Карл сдержал. Всю оставшуюся жизнь, за исключением, быть может, нескольких случаев, король пил, якобы, лишь воду и квас.

На самом же деле Карл, несмотря на данное бабушке слово, отнюдь не стал стопроцентным трезвенником. В зимнем лагере близ Лайузе, например, к королевскому завтраку непременно подавали четверть, а то и полкувшина рейнского вина и кружку пива. Порой рейнвейн заменяли французским вином. На ночь к постели Карла тоже ставили четверть кувшина рейнвейна и кружку пива. Разумеется, это не означало, что король все это каждый раз выпивал до капли. Но о полном отказе от алкоголя и речи не было. Впрочем, допьяна Карл больше никогда не напивался. Просто он не видел греха в умеренном употреблении спиртного.

На протяжении долгих лет все внимание, все силы Карла занимали военные действия. Тем не менее, он находил время и для иных увлечений: рисунками и чертежами, гравюрами и архитектурой. В юности король увлекался маскарадами и фейерверками.

Оценки

ПЕТР был убежден, что ведет Россию от тьмы к свету. Об этом же говорили на похоронах императора в 1725 году. Петра называли зодчим, сотворившим державу. Год спустя покойного самодержца сравнивали уже с Иисусом Христом. В Европе тон задавала книга Вольтера о России петровских времен *Histoire de l'empire de Russie sous Pierre-le-Grand* (Geneva, 1759–1763). Вольтер превозносил и приукрашивал деяния Петра, давая им положительную оценку и оправдывая даже то, как Петр обошелся с царевичем Алексеем. С точки зрения философа, самодержавный отец пожертвовал сыном ради своего народа. А как законодатель Петр, по мнению Вольтера, был равен древнегреческому Солону. Примерно так же оценивали Петра и энциклопедисты (Дидро, Даламбер и др.)

Иного взгляда придерживались Монтескье и Руссо. Для Монтескье важнее реформ были методы, которыми они осуществлялись. И потому он считал Петра тираном. По мнению Руссо,

нововведения Петра не соответствовали сути и характеру русского народа.

В XVIII в. российская элита придерживалась вольтеровских взглядов. Просвещенного реформатора Петра противопоставляли неотесанному шведскому вояке Карлу. В 1755 г. Михаил Ломоносов произнес в Российской Академии Наук речь, посвященную Петру. По его словам, Петру удавалось на протяжении своего царствования быть простым, доступным и близким своему народу правителем, хотя вряд ли хоть один человек на земле был столь схож с Господом Богом как Петр Великий.⁴⁷¹ Екатерина II полагала себя хранительницей наследия Петра, хотя и желала превзойти его. Вольтер, с которым Екатерина долго состояла в переписке, решил для себя дилемму так: Петр для него был Великий, а Екатерина – Величайшая.

В период романтизма оценки стали более негативными. Мысль о том, что именно Петр создал Россию, считалась выдумкой, навеянной чужеземцами. Литератор и автор «Истории государства Российского» Николай Карамзин не отрицал того, что Петр – великий государственный деятель, но упрекал его в желании превратить Россию в Голландию, а также в приглашении множества иностранцев для управления страной.

В начале XIX в. Пушкин пропел гимн Петру в своих поэмах «Полтава» (1828) и «Медный всадник» (написана в 1833 г., опубликована четыре года спустя). Отсюда пошло и отношение к Петербургу как «окну в Европу», прорубленному Петром Великим. Сама метафора восходит к письму графа Франческо Альгаротти, посланному в 1739 г. лорду Харви: «Опишу вам подробно сей новый град, то окно, недавно открытое на север, через которое Россия отныне смотрит на Европу».⁴⁷² Внимательный читатель заметил, что Альгаротти говорит об окне на север. Это вполне логично. В то время Европу еще не делили на западную и восточную.

В 30-х гг. XIX в. значительная часть российской интеллигенции разделилась на западников и славянофилов. Ни тех, ни

⁴⁷¹ S. OREDSSON 1998: 244.

⁴⁷² I. NEUMANN 1999: 76.

других Петр не оставил равнодушными. И те и другие во многом опирались на высказывания религиозного философа и мыслителя Петра Яковлевича Чаадаева, который поначалу считал, что Россия уже своим православием отделила себя от остальной Европы, и все попытки Петра ввести русских в рамки цивилизованного мира не принесли существенных плодов. Но позже Чаадаев изменил свое мнение и предположил, что, не будь Петра, Россия вполне могла оказаться шведской провинцией. Царь Николай I принял сторону славянофилов. Его же министр финансов граф Канкрин, происходивший из немцев, наоборот, полагал, что из уважения к деяниям великого Петра следовало бы Россию переименовать в Петровию, а людей, ее населявших, называть петровитами.⁴⁷³

В 1872 г. Россия торжественно отмечала 200-летие со дня рождения Петра Великого. Один из наиболее именитых российских историков Сергей Соловьев тогда впервые сформулировал мысль о том, что «при грохоте Полтавской битвы родился для Европы, для общеевропейской жизни новый великий народ. Но и не один народ, при громе этой битвы родилось целое новое племя, славянское племя, нашедшее себе достойного представителя, при помощи которого могло подняться для сильной и славной исторической жизни, что, в свою очередь, означало наступление новой эпохи в европейской истории».⁴⁷⁴ Преемник профессора Соловьева на кафедре истории Московского университета Василий Ключевский подчеркивал, прежде всего, простоту манер, поведения и образа жизни Петра. В его словах ощущались первые признаки охлаждения к самодержцу. В конце XIX в. уже заметно преуменьшение роли Петра в сравнении с недавним прошлым.

Отец русского марксизма Георгий Валентинович Плеханов положительно оценивал вклад Петра в прозападную ориентацию России. Но он же говорил, что Петр дал европейские конечности азиатскому торсу. В советское время Петр Великий вновь стал просто Петром I, а в 1924 г. Петроград переименовали в Ленин-

⁴⁷³ S. OREDSSON 1998: 253.

⁴⁷⁴ С.М. СОЛОВЬЕВ. *Публичные чтения о Петре Великом. Чтения и рассказы по истории России*. Чт. 8-е. М., 1989.

град. В период сталинизма отрицательное отношение к Петру усилилось. Ему вменяли в вину то, что он более чем на столетие продлил в России период феодализма, но одобряли за создание российского флота, модернизацию армии и победы в Северной войне, что позволило России стать влиятельным государством и даже приобрести статус мировой державы. Похвалы удостаивались и петровская централизованная система управления страной, и открытость успешным западным технологиям и научным достижениям.

Патриотический подъем в годы Второй мировой войны во многом способствовал очередной переоценке роли Петра I. В его личности теперь усматривали черты героизма и исторического миссионерства, свойственные русскому народу. На закате советской власти официальные историки подчеркивали, что Петр – великий государственный деятель, и таким он навеки останется в истории своей страны. Справедливость этого подтвердил всенародный опрос, проведенный уже после распада Советского Союза, когда население страны попросили назвать наиболее выдающегося политика. В 1992 г. первая тройка выглядела так: Петр, снова ставший Великим, – 44% голосов, Ленин – 15% , Сталин – 6%. Следует добавить, что один из крупнейших атомоходов российского флота носит имя Петра Великого. А в 1997 г. в Москве был установлен величественный памятник Петру, который крепко держит штурвал и уверенно глядится в будущее.⁴⁷⁵

В России и за ее пределами большая часть историков превозносит Петра.⁴⁷⁶ Однако достаточно часто звучат и критические голоса. Наиболее остро критикует деяния самодержца петербургский историк Евгений Анисимов, причем именно как основоположника административно-приказной системы,

⁴⁷⁵ В Таллинне скульптура Петра была воздвигнута в 1910 г. в связи с 200-летием присоединения Балтии к России. В 1922 г. монумент был снят, распилен, оставлена лишь его часть в виде бюста. В 1928 г. из левой ноги монумента отлили одноцентовые монеты. Бюст затерялся в годы немецкой оккупации. Но есть данные, что его видели в Эстонии в 1946 г. (по словам историка и краеведа Юри Куускема, с которым автор беседовал 11.10.2000).

⁴⁷⁶ L. HUGHES 1998.

истинного предшественника Иосифа Сталина, создавшего тоталитарное государство и внедрявшего в отношении своих подданных «педагогику дубинки». По мнению Е. Анисимова, Петр Великий и Ленин объединяют два совершенно разных исторических периода своей фанатичной верой в то, что общество должно иметь единую общую цель – некое универсальное благоденствие, во имя которого допустимо угнетение и даже гибель значительной части людей. Лишь бы со временем для остальных настало «светлое будущее». ⁴⁷⁷ в более поздних работах Анисимова радикализм высказываний заметно уменьшился, но в отношении к Петру мало что изменилось. ⁴⁷⁸ Правда, следует еще раз напомнить, что это скорее частное, чем общепризнанное мнение.

КАРЛ оценивается потомками, как, впрочем, и Петр, во многом благодаря биографии, принадлежащей перу Вольтера (*Histoire de Charles XII, Roi de Suede*; Rouen, 1731). Труд этот увидел свет всего лишь через тринадцать лет после смерти короля. Вольтер высоко ценил человеческие качества Карла, считал его воплощением всяческих достоинств и единственным из королей, лишенным слабостей. Однако автор биографии полагал, что своей деятельностью, бессмысленной щедростью, безумной храбростью и горячностью король принес много бед своему народу и разорил страну.

Отмечавшееся в 1818 г. 100-летие со дня смерти Карла XII сопровождалось в Швеции прославлением и героизацией короля. Но звучали и критические высказывания. Одним из критиков был историк Андерс Фрюксель, обладавший большим влиянием на формирование исторического самосознания шведов. Отдавая должное многим личным качествам Карла, он в то же время полностью дистанцировался от политики короля, считая ее ошибочной.

⁴⁷⁷ Е.В. АНИСИМОВ. *Прогресс через насилие от Петра Великого до Ленина и Сталина.* – Российская история. 1990. №17. 409.

⁴⁷⁸ Е.В. АНИСИМОВ. *Государственные реформы Петра Великого.* СПб., 1997.

В 1860-х гг. Швеция пережила период подлинного возрождения образа короля-героя. И тут не обошлось без текущей политики. Поводом послужило Польское восстание 1863 года. Симпатии шведов были полностью на стороне поляков, тогда как Россия представлялась им воплощением реакции, тормозом на пути прогресса. По инициативе редактора газеты «Афтонбладет» Августа Сольмана начался сбор пожертвований на сооружение памятника Карлу XII. Его изготовление было доверено профессору Иогану Петеру Молину. Памятник открыли в самом центре Стокгольма в 1868 г., когда минуло 150 лет со дня смерти короля. Карл стоит на высоком постаменте, в опущенной правой руке держит обнаженную шпагу, а левой рукой указывает на восток, через Балтийское море.

Однако научные круги не разделяли замешанного на идеологии скандинавизма восторженного отношения к Карлу XII, свойственного тогда простому народу. Ярким примером может служить профессор Уппсалаского университета Фредрик Фердинанд Карлсон, опубликовавший в 1855–1885 гг. многотомную историю Швеции в эпоху правления королей Пфальцской династии. Карлсон в своих оценках следует негативным суждениям Фрюкселя, но представляется более умеренным и научно убедительным исследователем. За рубежом, как и в Швеции, среди ученых преобладало критическое отношение к Карлу XII, чему определенно способствовало то, что труды Фрюкселя и Карлсона были переведены на немецкий язык.

В 1890-е гг. снова началась позитивная переоценка роли Карла в шведской истории. На этот раз превозносились не столько его храбрость и героизм, сколько качества большого государственного деятеля, который лучше, чем кто бы то ни было, понимал проблематику Восточной Европы и сумел предвидеть опасность, исходящую от России. Такое отношение стали называть «новой школой», противопоставляя ее старой школе, которую олицетворяли Фрюксель и Карлсон. Наиболее видным представителем новой школы стал профессор истории Уппсалаского университета и один из главных консервативных шведских идеологов Харальд Хьярне. Логическим

продолжением этого течения стало основание в 1910 г. Каролинского общества (*Karolinska Förbundet*), которое провозгласило своей целью изучение деяний Карла XII и его эпохи.⁴⁷⁹ Уже к концу первого года общество насчитывало 900 членов, причем 40% из них составляли военные.

Несмотря на широкую поддержку в стране, у Каролинского общества нашлись противники. Их возглавил писатель Август Стринберг, придерживавшийся позиций «старой школы». Однако его критические оценки опирались не столько на историческую почву, сколько были порождением политической жизни Швеции начала XX века, когда правые силы провозгласили Карла своим кумиром. Носители левых взглядов не могли с этим смириться. В 1910 г. Стринберг даже предрекал, что человека, погубившего свою страну, однажды нарекут палачом Швеции.⁴⁸⁰

В 1930-е гг. отношение к Карлу XII еще больше политизировалось. Прежде всего, в 1936 г. в Германии увидел свет первый из трех томов героизированной биографии шведского короля, написанной Отто Хайнцем.⁴⁸¹ Автор рассматривал Карла как трагического борца за нравственные и духовные идеалы германской расы, сыгравшего выдающуюся роль в мировой истории.⁴⁸² Когда в апреле 1939 г. отмечалось 50-летие Гитлера, Шведско-германское общество подарило ему статуэтку Карла XII. К ней прилагался приветственный адрес: «Шведские мужчины и женщины, которые видят в вожде Германии и народном канцлере Адольфе Гитлере спасителя Европы, желают выразить ему глубочайшее почтение и благодарность. Мы увязываем это приветствие с памятью о нашем великом короле Карле XII, руководствовавшемся в тяжелых исторических сражениях теми же идеями, которые мы, шведы, видим в Вашем историческом вкладе в создание Великой Германии и сохранение Европы».⁴⁸³

⁴⁷⁹ Начиная с основания и до наших дней общество издает альманахи, в которых публикуются исследования, отражающие различные аспекты истории Великого Шведского государства во время правления Карла X Густава, Карла XI и Карла XII.

⁴⁸⁰ J. LINDERGRÉN 1992: 151.

⁴⁸¹ Это до сих пор самый объемный труд, посвященный жизни и деятельности Карла XII.

⁴⁸² O. HAINTZ. *König Karl XII. von Schweden*. Bd. I–III. Berlin, 1936, 1951, 1958.

⁴⁸³ S. OREDSSON 1998b: 295.

Таким образом, Карл стал чем-то вроде моста, соединявшего гитлеровскую Германию со Швецией. Особой датой для нацистской организации «Молодежь Севера» стало 30 ноября, т.е. день смерти короля. В 1980 и 1990 гг. эту «традицию» продолжили правые радикалы, которые в ряде крупных городов протестовали против чужеземцев и иммигрантов под лозунгом «Швеция для шведов».

Не стоит удивляться, что на этом фоне политики левого толка стали называть Карла XII патологическим воякой, приведшем к величайшей национальной катастрофе, постигшей Швецию. Одной из крайних точек зрения придерживается сегодня заведующий кафедрой Северных стран Шотландского университета Святого Эндрю Энтони Ф. Аптон. Так, в 1990 г. он писал: «В лице Карла XII Швеция получила харизматического психопата, который привел бы свое королевство, имея он на то больше времени, к полному разгрому, как это сделал Адольф Гитлер с нацистской Германией».⁴⁸⁴

Таким образом, фигура Карла XII одинаково хорошо служит целям и идеологическим лозунгам диаметрально противоположных политических сил. О нем не забывают, как не забывают и о Петре I. В 1992 г. имя Карла XII пятьдесят пять раз упоминалось в рубриках Телеграфного агентства Швеции. Это не так много по сравнению с новостями о нынешнем короле и ведущих политиках, однако больше, чем упоминания о других популярных шведах (королеве Сильвии, теннисисте Бьорне Борге и др.). Среди шведов, отошедших в мир иной, он остается непревзойденным лидером.

Размышления

Петр и Карл никогда не встречались с глазу на глаз, хотя теоретически это могло произойти трижды. Во-первых, поздней осенью 1700 г. под Нарвой, когда 28-летний русский царь считал разумным побыстрее унести ноги, прежде чем его 18-летний

⁴⁸⁴ A.F. UPTON. *Sweden*. – Absolutism in Seventeenth-Century Europe. London, 1990. 121.

шведский соперник явится со своей армией. Во-вторых, два упряма могли встретиться летом 1709 г. на поле Полтавской битвы. Но Карл был ранен до решающего сражения, и его переносили на носилках. На этот раз роли поменялись, и спасаться пришлось уже шведскому королю. Петр обещал тому, кто пленит Карла, генеральское звание и 100 000 рублей награды, но Карлу удалось скрыться. Третий случай мог представиться в июле 1711 г., когда великий визирь Турции окружил на реке Прут русскую армию, в которой находились и царь, и царица. Узнав об этом, Карл, временно укрывавшийся в Бендерах, помчался в турецкий лагерь за попавшим в ловушку «вечным противником». Но он опоздал: великий визирь уже заключил договор с русскими и позволил им уйти.

Интересно все же поразмышлять о том, что сказали бы друг другу эти двое, доведись им встретиться. Они принадлежали к разным культурам, но их социальный фон был схож: оба наследники престола, оба единовластные правители. Словом, продукты одной эпохи. Как личности они тоже не сильно разнились, а в чем-то были потрясающе схожи.

При оценке деяний Петра и Карла по сей день подсознательно ориентируются на противопоставление Победителя и Проигравшего. А Победитель всегда прав. Им восхищаются и многое прощают. Проигравшего же судят куда строже, не прощая ошибок и ложных шагов. Вдобавок подъем России, занявшей серьезную позицию на карте Европы, ее статус мировой державы воспринимаются как нечто легитимное, совершенно нормальное или, по крайней мере, неизбежное. За последние 300 лет мир к этому привык, полагая, что так и должно быть. Зато Великое Шведское государство воспринимается как временный эпизод, некое отклонение от нормы, и требует отнюдь не восхваления, а осуждения. Уничжительная и не совсем понятная стороннему наблюдателю критическая самооценка⁴⁸⁵ порой позволяет понять, насколько глубоко, на подсознательном уровне, таится в шведах горькое

---

⁴⁸⁵ Ларс Лённрот в газете *Svenskf Dagbladet* (14.09.2000), рецензируя книгу Петера Энглунда *Den öövertinnerlige: Om den svenska stormaktstiden och en man i dess mitt* (Stockholm: Atlantis, 2000) называет короля Карла X Густава «наш Саддам Хусейн».

сожаление о том, что все построенное, накопленное и собранное огромными усилиями было так легкомысленно пущено по ветру.

Как минимум с XVI в. В Европе пытаются понять суть России. Одно поколение за другим задается вопросом, что такое Россия, кто такие русские. Беспереывный внутренний поиск России, ясное всего выражающийся в бесконечном движении и переменах, воспринимается как путь европейский, то есть путь к сближению с западным миром. Иными словами, в России желают видеть зеркальное отражение себя или себе подобных. В этом контексте переоценен и неверно истолкован тот факт, что Петр *alias* Петр Михайлов для первого визита Великого Посольства выбрал именно Голландию, «где процветала торговля, пресса была свободной, а общая атмосфера космополитической».⁴⁸⁶ Но Петр никогда не ставил целью превратить Россию во вторую Голландию, то есть в западное государство. Его преобразования не затрагивали основ российского общества – самодержавия и крепостничества. В этом Петр следовал традициям своих бородатых предков. Его главной целью было укрепление самодержавия, абсолютная монархия. О делегировании хотя бы крупницы власти какой-либо иной инстанции не могло быть и речи.

Далее возникает вопрос, насколько петровские реформы были реформами самого Петра. Прежде всего, существенные изменения и обновления происходили лишь в последнее десятилетие его царствования. Изучив опыт Германии, царь только в 1715 г. обратил пристальное внимание на Швецию и Данию. Для сбора интересующих его сведений удалось найти весьма подходящую персону – чиновника из Гольштейн-Готторпа Георга Хейнриха Фика, который в прошлом состоял на шведской службе и хорошо знал устройство шведской государственной системы. Несмотря на войну, Фик весь 1716 г. прожил в Стокгольме, а затем перебрался прямо в Петербург, прихватив сотни инструкций, распоряжений, указов и прочих документов. Заодно он привез и опубликованные Йоханом Шмедеманом шведские законодательные акты

⁴⁸⁶ L. HUGHES (1998). 23.

1528–1701 гг., содержащие более 800 законов и указов.⁴⁸⁷ Начало петровским реформам было положено!

Почему копировали именно Швецию? Объяснение простое. Именно от шведов Россия в начале войны потерпела болезненное поражение. Следовательно, они лучше, у них есть чему поучиться. Отсюда вовсе не следует, что шведская управленческая система была наиболее прогрессивной в Европе, хотя, быть может, сами шведы хотели бы так думать. Государство, созданное Петром, без существенных изменений просуществовало до 1917 года. Отсюда очередной вопрос: петровские реформы оказались настолько эффективными или же страна на долгие годы остановилась в своем развитии? Ведь в основе петровской системы лежало нечто совершенно чуждое, порой механически перенесенное на русскую почву, а потому ее не могли, не умели, а порой откровенно не желали развивать и совершенствовать. В результате система закоснела и превратилась в устаревший механизм. Можно порассуждать и о том, не прервали ли искусственно привитые нововведения естественный путь развития России. Найти подтверждение подобным предположениям сложно, учитывая, как стремительно государство набирало политическую и военную мощь. Но все зависит от того, что ставить во главу угла. То обстоятельство, что Россия отличалась от стран Западной Европы, вовсе не говорит о предначертанном ей отставании. Просто это иная страна. Так что правильнее было бы поставить вопрос так: стал ли русский народ свободнее в годы петровского правления?

Особого рассмотрения в Швеции и России начала XVIII в. заслуживает агрессивная военная политика. Милитаристские нравы петровского периода, внешне выразившиеся в страсти к шумным военным парадам, никем не отрицаются, однако об этом упоминают мимоходом или же говорят как о чем-то само собой разумеющемся. Более того, подобная активность воспринимается как символ государственной мощи и оценивается положительно. Военный устав, кстати, тоже «заимствованный» у Швеции, действовал в России и в гражданских учреждениях, распространяясь

⁴⁸⁷ H. BAGGER. *Peter den stores reformer i Ryssland.* – Tsar Peter och kung Karl: Två härskare och deras folk. Stockholm, 1998. 136–137.

на все чиновное сословие. Но это почему-то не дает повода говорить о милитаризации государственного аппарата петровских времен.⁴⁸⁸

Тем более странно, что Карлу XII без колебаний навешивается ярлык солдафона. В основе таких утверждений лежит ошибочное утверждение, что именно Карл развязал войну, и вообще он любил воевать. Объект нападения со временем превратился в воплощение агрессора. Разве Карл «виноват» в том, что добрая половина его жизни прошла в сражениях? В том то и заключалась его трагедия, что эпоха, не оставив выбора, превратила короля в фанатичного вояку. Иные достоинства, несомненно, в нем заложенные, остались неизвестными современникам и потомкам. Чем Карл, во время правления которого мирные годы составляли всего лишь 14, 2%, хуже Петра с его 16, 2%? Можно ли считать показателем милитаризма тот факт, что Швеция, окруженная со всех сторон врагами, в момент наибольшей опасности мобилизовала все свои боевые ресурсы? В то же время Петр тратил на военные расходы 85% государственных средств. И все лишь ради расширения территории, ради захвата новых земель. С точки зрения чистого пацифизма порицания достойны оба правителя, но Россия несет в данном случае большую моральную ответственность.

Широко известно высказывание Карла XII: «Шпага – вот кто не шутит». Эта фраза и легла в основу гипотезы о том, что король презирал дипломатию и не доверял мирным переговорам. Зачем, спрашивается, надо было ему продолжать войну после 1701 г., когда Дания объявила нейтралитет, Россия потерпела поражение, а Август Саксонский был скомпрометирован?⁴⁸⁹ Почему Карл все же пошел войной на Москву? Но можно задать и встречный вопрос: почему Петр продолжал воевать после разгрома под Нарвой вместо того, чтобы сдатьсь? Не исключено, что шведский король, принимая решение, переоценил себя и недооценил противника. Но куда важнее понять, что поведению Карла не

⁴⁸⁸ M. ANDERSON. *Peter the Great*. London, 1978. 83; L. HUGHES. (1998). 78.

⁴⁸⁹ L. HUGHES (1998). 30.

было альтернативы. Неприятелей было много. Оставалось лишь нападать на них по очереди. Решить все проблемы в главном сражении – вот единственный выход, как это представлялось Карлу. Но такой возможности ему не представилось. Ни Нарвская, ни Полтавская битвы, с точки зрения окончания войны, не стали определяющими для обеих сторон.

Враги Швеции применяли простую, но коварную тактику. Когда положение становилось безвыходным, они просили перемирия, не желая растрачивать свои силы. Стоило шведам направить внимание в другую сторону, как они нападали снова. Особенно преуспел в подобной игре в «кошки-мышки» курфюрст Саксонии Август. Карла подобное коварство приводило в замешательство, и он, как раненный зверь, огрызался то тут, то там. Достоинство удивления, что война длилась столь долго. И что могло бы произойти, сумей враги Швеции скоординировать свои действия и ударить одновременно с трех сторон?

При переходе через Даугаву в 1701 г. Карлу досталась лишь половинчатая победа. Он не мог оставить Августа между своей армией и русскими. Это было бы равносильно добровольному расположению между двух тяжелых жерновов. Слишком велика была опасность, что саксонские войска вновь вторгнутся в Прибалтийские провинции и отрежут Карла от родины и вообще всех источников снабжения. К тому же в то время саксонская армия была еще потенциально опаснее русской. Ее так и не удалось разбить, так как саксонские солдаты были хорошо обучены. Следовательно, Карл мог двинуться на Россию, только разгромив саксонцев и поляков. Но «хитрый лис» Август постоянно ускользал и, таким образом, сковывал шведские силы на территории Польши куда дольше, чем предполагал Карл. В результате шведы потеряли драгоценное время, а заодно и тактическое преимущество.

Шведскому королю также ставят в вину то, что вместо обороны Прибалтийских провинций он предпринял нападение на Польшу. Однако, занявшись обороной, он отдал бы инициативу противнику и только продлил агонию. Шведское королевство не могло конкурировать с соседями, обладавшими большими

ресурсами, и непременно рухнуло бы еще в XVIII веке. И тогда катастрофа была бы много страшнее, грозя захватом Стокгольма и оккупацией основной территории Швеции.

Карл, которого в определенном смысле можно считать последним рыцарем среди европейских властителей, учитывал все эти обстоятельства. Он видел, что договоренностей уже никто не придерживается, и потому начал больше доверять оружию, нежели слову и перу. Предложение о мире, выдвинутое русским царем весной 1707 г., считается вполне искренним, и многие недоумевают, почему шведский король отказался его принять. Помимо психологических факторов, о которых шла речь выше, поведение Карла объясняется и сугубо прагматическим аспектом. Имеются в виду условия предложенного мира.⁴⁹⁰ Петр был готов прекратить войну, если Швеция отдаст России ту часть Ингерманландии, где он основал город Петербург, а заодно и Нарву, пусть даже временно. Тарту и другие оккупированные территории царь был согласен вернуть. Наиболее ярые критики Карла утверждают, что, приняв эти условия, он сохранил бы за собой Лифляндию и Эстляндию, а также часть Ингерманландии, избежав огромных уступок, на которые Швеции пришлось пойти в результате мирных переговоров 1719–1721 годов. Но, как говорится, легко махать кулаками после драки, когда уже известно, чем она кончилась.

Карл исходил из того, что, получив выход к Балтийскому морю, Россия будет представлять собой постоянную опасность для статуса великой державы, каковой тогда была Швеция. И вряд ли стоило рассчитывать на то, что Петр удовлетворится лишь небольшой частью Ингерманландии и через оговоренное время вернет шведам Нарву. Тут уместно вспомнить судьбу Киева, который по условиям Андрусовского перемирия, заключенного в 1667 г. между Россией и Польшей, только на два года отходил русским, но так у них и остался.

На фоне позитивного отношения к Петру, который одевался просто, не любил церемоний и был близок к народу, кажется

⁴⁹⁰ R.M. HATTON (1985). 288–289.

абсурдным, что даже в обычной военной форме Карла некоторые находят идеологический подтекст и предвзятый пример для будущих диктаторов, предпочитавших носить обычный солдатский мундир. Удивительно, насколько по-разному можно толковать одни и те же факты! Действительно, и Петр, и Карл своей непривычной для царственных особ манерой одеваться бросали своеобразный вызов аристократии. Хотя, возможно, такая одежда, наоборот, оттеняла вседозволенность самодержцев. С другой стороны, это был визуальный сигнал народу, которому внушалось, что правитель всего лишь слуга государства, работающий на всеобщее благо. И стоит ли за это осуждать, тем более, так избирательно? Разве лучше смотрелся бы на троне напыщенный «опереточный король», красующийся в пестрых нарядах, в парике и с напудренными щечками, каждым своим жестом подчеркивающий огромную дистанцию, если не сказать, пропасть между собой и подданными? Как тогда объяснить, что нынешние коронованные особы спокойно носят гражданские костюмы, которые, наверное, сшиты из лучшего материала, чем у простых людей, но, тем не менее, сигнализируют о единстве с согражданами? При таком образе мышления сегодня следовало бы предать анафеме всю растительную пищу, так как Гитлер был убежденным вегетарианцем. Что же касается диктаторов, то это скорее проявление их собственных комплексов, когда в подтверждение своих амбиций они пытаются отождествлять себя с определенными историческими фигурами, нанося тем самым невосполнимый ущерб их авторитету. Это не что иное, как проецирование новой эпохи в прошлое. И не вина Карла XII в том, что позднее некоторые «властители мира» сотворили из него кумира.

Петр своими деяниями, пожалуй, больше чем Карл мог служить примером для диктаторов. Возьмем хотя бы введенный им обычай ставить клеймо на руку крепостным крестьянам, чтобы сразу можно было определить «беглых». Правда, надо признать, что опознавательные татуировки рекрутам с той же целью делали и в других странах. По приказу Петра на строительство Петербурга сгоняли множество людей, срывая их с насиженных мест. Вспомним также красные квадратные клейма на спинах старо-

обрядцев и нарушение тайны исповеди, если дело касалось государственной безопасности.⁴⁹¹ Не приходится удивляться тому, что Петр ощущал духовное родство с Иваном Грозным. На триумфальной арке, возведенной в честь победы над Швецией, царь велел расположить фигуру Ивана рядом со своим изображением.

Бросается в глаза откровенное желание последующих поколений понять или хотя бы оправдать даже те деяния Петра, которые явно требуют осуждения с морально-этической точки зрения. Казни стрельцов в 1698 г. оправдывают жестокостью и кровавыми последствиями их бунта. Мучительную гибель царевича Алексея оправдать сложнее, но защитники Петра подчеркивают, как он любил сына, как велики были его душевные терзания из-за отказа наследника стать опорой отца в государственных делах. Петр не шел и за гробом своей матушки, скончавшейся в 1694 году. Царь вернулся в Москву день спустя после похорон и лишь затем отправился на могилу. А ведь он был у одра умирающей матери накануне, и уехал, невзирая на все признаки близкой кончины. Защитники Петра видят в этом не душевную черствость, а проявление беспокойного нрава.

Царское беспутство и пьянство якобы отражают характерные особенности его народа и обычаи того времени. Огромное количество человеческих жизней, принесенных в жертву «граду Петрову», искупается архитектурным совершенством Петербурга. Как дурная шутка воспринимается предположение одного из британских историков, что первую битву под Нарвой Петр проиграл потому, что русские войска еще в сентябре подошли к стенам крепости измотанными, а затем их физическое и моральное состояние ухудшилось еще более.⁴⁹² Увы, автор ни словом не обмолвился о том, что у шведов последние три дня перед сражением маковой росинки во рту не было. Он не вспомнил, что в ночь перед битвой многим солдатам и прилечь-то негде было, так как палаток не хватало, а кругом была непролазная грязь, порой доходящая

⁴⁹¹ Е.В. АНИСИМОВ (1998). 25.

⁴⁹² L. HUGHES (1998). 29–30.

до колен. Да и противник превосходил шведов силами более чем в два раза.

В итоге напрашивается утверждение, что за фигурами Петра и Карла не видят живых людей. Они превратились в инструмент для достижения сиюминутных политических целей. Трезвый научный подход вытеснен эмоциями и идеологией. А на заднем плане прочитывается: что дозволено Юпитеру, далеко не всегда уместно в поведении быка. Вот мы и вернулись к феномену Победителя и Побежденного. При сравнении личностных особенностей обоих правителей при жизни и их образов, сложившихся в более поздние времена, мы убеждаемся, что из зеркала истории на нас глядят лица, имеющие мало общего с конкретными историческими персонами.

Все здесь написанное не претендует на «истину в последней инстанции» о Петре Великом и Карле XII. Какими были эти два властелина при жизни на самом деле, и какими они хотели выглядеть? Какими видели их современники, и как оценивает их наше время? Эти вопросы, несомненно, еще долго будут волновать всех, кто небезразличен к истории.

ЛИТЕРАТУРА

Первичные источники

Eesti Ajaloorhiiv / Эстонский исторический архив (ЕАА), Tartu

Фонд (f) 1 Генерал-губернатор Эстляндии, Шведский период

Фонд (f) 278 Генерал-губернатор Лифляндии, Шведский период

Фонд (f) 995 Тартуский магистрат

Фонд (f) 1253 Приход св. Иоанна, Тарту

Riksarkivet / Национальный архив Швеции (РА), Stockholm

Livonica II

Militära ämnessamlingar (Militaria I)

Krigsarkivet / Военный архив Швеции (Кра), Stockholm

Handritade kartverk, Delineationer och grundritningar fästningar och fort (Dahlberg)

Sveriges krig under 1700-talet

Utländska stads- och fästningsplaner, Dorpat/Tartu

BIENEMANN, FRIEDRICH. *Zur Geschichte der Belagerung Dorpats 1704: Major von Brömsen's Observationsjournal*. – Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen Russlands. Riga, 1895.

Eesti rahva ajaloost Põhjasõja aastail 1700–1721: Valimik dokumente. Tallinn 1960.

KELCH, CHRISTIAN. *Liefländische Historia: Continuation 1690 bis 1707*. Dorpat, 1875.

KELCH, CHRISTIAN. *Liivimaa ajalugu*. Tallinn, 2004.

Öfversten och kommandanten Carl Gustaf Skyttes berättelse om Dorpats belägring 1704.

– Karolinska krigares dagböcker jämte andra samtida skrifter. Del XI. Lund, 1916 (= *Skyttes berättelse*).

Вторичные источники

- ALMQUIST, HELGE. *Scener från Ryssland år 1699: Den svenska ambassadens krönika*. – Karolinska Förbundets Årsbok 1937. Stockholm, 1937.
- ANDERSON, MATTHEW *Peter the Great*. London, 1978.
- ANNIST, AUGUST. *Käsu Hans ja tema „ikulaul” Tartu hävitamisest a. 1704–1708*. – Akadeemia. 1993. Nr 1.
- ARFWIDSON, FREDRIK. *Försvaret av Österns provinserna 1708–1710*. I–II:1. Gefle, 1936.
- BAGGER, HANS. *Peter den stores reformer i Ryssland*. – Tsar Peter och kung Karl: Två härskare och deras folk. Stockholm, 1998.
- BENGTSSON, FRANS. *Karl XII:s levnad*. Stockholm, 1993.
- BIENEMANN, FRIEDRICH. *Die Capitulation Dorpats 1704*. – Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands. Bd XVI. Riga, 1896.
- BIENEMANN, FRIEDRICH. *Die Katastrophe der Stadt Dorpat während des Nordischen Krieges. Zweiter Teil: Zeitgenössische Aufzeichnungen*. Reval, 1902.
- BLACK, JEREMY. *The Rise of the European Powers 1679–1793*. Suffolk, 1990.
- BRULIN, HERMAN. *Sverige och Frankrike under nordiska kriget och spanska successionskrisen åren 1700–1701*. Upsala, 1905.
- Curriculum vitae Adriani Verginii Pastoris in Odenpæe descriptum Dorpati ao 1706. 9 Apr.* – Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Eht- und Kurland's. Bd IX, Heft 1. Riga, 1858.
- DAVIES, NORMAN. *God's Playground: A History of Poland. Vol 1: The Origins to 1795*. Oxford, 1986.
- ELLERSIECK, HEINZ. *The Swedish Russian Frontier in the Seventeenth Century: A Commentary*. – Journal of the Baltic Studies V: Issue 3. 1974.
- ENGLUND, PETER. *Poltava: Berättelsen om en arméns undergång*. Stockholm, 1988.
- ERDMANN, YELLA. *Der Livländische Staatsmann Johann Reinhold von Patkul: Ein abenteuerliches Leben zwischen Peter den Grossen, August dem Starken und Karl XII von Schweden*. Berlin, 1970.
- FEUEREISEN, ARNOLD. *Russenfurcht in Livland und Schweden vor ausbruch des Grossen Nordischen Krieges*. – Sitzungsberichte der Gesellschaft für

- Geschichte und Altertumskunde der Ostseeprovinzen Russlands 1908. Riga, 1909.
- FROM, PETER. *Katastrofen vid Poltava: Karl XII:s ryska fälttåg 1707–1709*. Lund, 2007.
- FROST, ROBERT I. *The Northern Wars: War, State and Society in Northeastern Europe 1558–1721*. Harlow, 2000.
- GADEBUSCH, FRIEDRICH KONRAD. *Livländische Jahrbücher. Dritter Theil von 1630 bis 1710: Letzterer Abschnitt von 1660 bis 1710*. Riga, 1782.
- GRAUERS, SVEN. *Henning Rudolf Horn: Narvas försvarare*. – Karolinska Förbundets Årsbok 1973. Stockholm, 1974.
- HAINTZ, OTTO. *König Karl XII. von Schweden*. Bd. I–III. Berlin, 1936, 1951, 1958.
- HANSSON, ANDERS. *Armfeldts karoliner*. Stockholm, 2003
- HARNACK, OTTO. *Livland als Glied des deutschen Reichs vom dreizehnten bis sechszehnten Jahrhundert: Ein Vortrag*. – Preussischer Jahrbücher 67. 1891.
- HASSELBLATT, ARNOLD. *Karl XII und Dorpat*. – Karolinska Förbundets Årsbok 1925. Lund, 1926.
- HATTON, RAGNHILD MARIE. *Karl XII av Sverige*. Köping, 1985.
- History of Poland*. Warszawa, 1968.
- HOLSTI, KALEVI JAAKKO. *Peace and War: Armed Conflicts and International Order, 1648–1989*. Cambridge, 1991.
- HUGHES, LINDSEY. *Russia in the Age of Peter the Great*. New Haven, 1998.
- HUIZINGA, JOHAN. *Mängiv inimene: Kultuuri mängelemendi määratlemise katse*. Tallinn, 2004.
- ISBERG, ALVIN. *Johann Reinhold Patkul och Livland åren 1699–1701*. – Karolinska Förbundets Årsbok 1960. Stockholm, 1960.
- ISBERG, ALVIN. *Livland i Johann Reinhold Patkuls politiska handlande*. – Karolinska Förbundets Årsbok 1967. Stockholm, 1967.
- KROON, KALLE. *Kolme lövi ja greifi all Põhjasõjas: Eestlased ja lätlased Rootsi armee nähtuna sotsiaalmajanduslike muutuste taustal 17. sajandi lõpul – 18. sajandi alguses*. Tallinn, 2007.
- Kungl. Artilleriet: Karl XII:s tid*. Bohus, 1993.
- Kungl. Artilleriet: Svenska artilleriet i Östersjöprovinserna 1561–1721*. Bohus 2005.
- KURAT, AKDES NIMET. *Prutfälttåget och Prutfreden 1711*. – Karolinska Förbundets Årsbok 1939. Stockholm, 1939.

- LAIDRE, MARGUS. *Lõpu võidukas algus: Karl XII Eesti- ja Liivimaal 1700–1701*. Tartu, 1995.
- LAIDRE, MARGUS. *Üks hä, tru ja õige sullane: Elust Rootsi sõjaväes Eesti- ja Liivimaal 1654–1700*. Tartu, 1999.
- LARSSON, LARS-OLOF. *Arvet efter Gustav Vasa: En berättelse om fyra kungar och ett rike*. Stockholm, 2005.
- LARSSON, OLLE. *Stormaktens sista krig: Sverige och stora nordiska kriget 1700–1721*. Lund, 2009.
- LEBOW, RICHARD N. *A Cultural Theory of International Relations*. Cambridge, 2008.
- LILJEGREN, BENGT. *Karl XII: Biograafia*. Tallinn, 2005.
- LILJEGREN, BENGT. *Karl XII: En biografi*. Lund, 2000.
- LINDEGRÉN, JAN. *Karl XII. – Kungar och krigare: Tre essäer om Karl X Gustav, Karl XI och Karl XII*. Stockholm, 1992.
- MOLLER, ARVID. *Fata Dorpati: kort beskrifning öfver Est- och Livland jemte undersökning om dessa länders inbyggjares i synnerhet det estniska och finska folkeslagets ursprung så ock den i förra tider namnkunniga staden Dorpats öde wid lägliga sommar-stunder utkastadt*. Västerås, 1755.
- MÄND, ANU. *Pidustused keskaegse Liivimaa linnades 1350–1550*. Tallinn, 2004.
- NEUMANN, IVER B. *Uses of the other: “The East” in European identity formation*. Manchester, 1999.
- OLMER, EMIL. *Om ryssfruktan i Sverige för 200 år sedan*. – *Historisk Tidskrift* 1903.
- OREDSSON, SVERKER. *Karl XII och det svenska stormaktsväldets fall i historieskrivning och tradition*. – Tsar Peter och kung Karl: Två härskare och deras folk. Stockholm, 1998.
- OREDSSON, SVERKER. *Peter den store i historieskrivning och tradition*. – Tsar Peter och kung Karl: Två härskare och deras folk. Stockholm, 1998.
- RICHTER, ALEXANDER VON. *Geschichte der dem russischen Kaiserthum einverleibten deutschen Ostseeprovinzen bis zur Zeit ihrer Vereinigung mit demselben. Theil II: Die Ostseelände als Provinzen fremden Reiche 1562–1721. Bd II: Geschichte Liv- und Esthländs unter schwedischer Herrschaft 1629–1721*. Riga, 1858.
- ROSÉN, JERKER. *Den svenska utrikespolitikens historia II:1 (1697–1721)*. Stockholm, 1952.

- SEPP, HENRIK. *Boris Šeremetjevi rüüsteretek Eesti- ja Liivimaale a. 1703*. – Sõdur. 1932. Nr 31/32.
- SEPP, HENRIK. *Boris Šeremetjevi rüüsteretek Liivimaale 1701 ja 1702*. – Sõdur. 1931. Nr 29/30.
- SEPP, HENRIK. *Eesti sõjaväeosad ja Tartu kaitse aastal 1704*. – Sõdur. 1933. Nr 7/8.
- SEPP, HENRIK. *Sõjasündmused Lõuna-Eestis a. 1701*. – Sõdur. 1927. Nr 10.
- SEPP, HENRIK. *Zar Peters Kriegsplan gegen Est-, Liv- und Finnland für das Jahr 1704*. – Õpetatud Eesti Seltsi aastaraamat 1931. Tartu, 1932.
- SUNDBERG, ULF. *Svenska fred och stillestånd 1249–1814*. Stockholm, 1997.
- SUNDBERG, ULF. *Svenska krig 1521–1814*. Lund, 1998.
- UDDGREN, HUGO EDVARD. *Något om Karl XII:s ställning till kriget med Ryssland och försvaret av Östersjöprovinserna under åren 1702–1706*. – Karolinska Förbundets Årsbok 1910. Lund, 1911.
- UPTON, ANTHONY. F. *Sweden*. – Absolutism in Seventeenth-Century Europe. London, 1990.
- VAHTRE, SULEV. *Adrian Verginius: Hingekarjane, eesti kirjakeele arendaja, Põhjasõja märter (1663–1706)*. Kambja, 1996.
- VALMET, AINO. *Käsu Hansu kaebelaul ja selle keelekasutus*. – Akadeemia. 1993. Nr 1.
- WITTRAM, REINHARD. *Peter der Grosse: Der Eintritt Russlands in die Neuzeit*. Berlin, 1954.
- WITTRAM, REINHARD. *Peter I: Czar und Kaiser: Zur Geschichte Peter der Grossen in seiner Zeit*. Bd I. Göttingen, 1964.
- WULFFIUS, WOLDEMAR. *Studien zur Geschichte Patkuls und des Nordischen Krieges*. – Mitteilungen aus der livländischen Geschichte. Riga, 1924–1926.
- ZERNACK, KLAUS. *Der Grosse Nordische Krieg*. – Nordosteuropa: Skizzen und Beiträge zu einer Geschichte der Ostseeländer. Lüneburg, 1993. (= K. ZERNACK 1993a)
- ZERNACK, KLAUS. *Imperiale politik und merkantiler Hintergrund: Ein Dokument der schwedischen Russlands politik im 17. Jahrhundert*. – Nordosteuropa: Skizzen und Beiträge zu einer Geschichte der Ostseeländer. Lüneburg, 1993. (= K. ZERNACK 1993b).

- АНИСИМОВ ЕВГЕНИЙ ВИКТОРОВИЧ. *Прогресс через насилие от Петра Великого до Ленина и Сталина*. – Российская история. 1990. №17.
- АНИСИМОВ ЕВГЕНИЙ ВИКТОРОВИЧ. *Государственные реформы Петра Великого*. СПб., 1997.
- ПАВЛЕНКО НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. *Пётр Великий*. М.: Мысль, 1990.
- ПАЛЛИ ХЕЛДУР. *Между двумя боями за Нарву: Эстония в первые годы Северной войны 1701–1704*. Tallinn, 1966.
- Письма и бумаги императора Петра Великого*. Т. III. СПб., 1893.
- СЛАВНИЦКИЙ Н.Р. *Осада и взятие русскими войсками Дерпта*. – Мир в новое время. СПб., 2004.
- СОЛОВЬЕВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. *Сочинения: История России с древнейших времен*. Книга III. ТТ. 5–6; Книга VII. ТТ. 13–14. М., 1989–1991.
- СОЛОВЬЕВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. *Публичные чтения о Петре Великом. Чтения и рассказы по истории России*. М., 1989.
- УСТРЯЛОВ НИКОЛАЙ ГЕРАСИМОВИЧ. *История царствования Петра Великого*. Т. 4. СПб., 1863.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Август II, король Польши и курфюрст Саксонский 16, 17, 20–32, 48, 50, 53, 70, 86, 87, 104, 105–157, 189–191, 196, 247, 248
- Александр Македонский 226
- Александр, царевич, сын Петра I 229
- Алексей Михайлович, русский царь, отец Петра I 169, 223
- Алексей, царевич, сын Петра I 43, 229, 230–232, 251
- Алм, пристав 77
- Альгаротти Франческо 237
- Анисимов Евгений 239, 240
- Апраксин Федор 198, 203, 205
- Аптон Энтони 243
- Апухтин Василий 165
- Аренд Йохан 186
- Армфельд Карл Густав 176
- Аулиннус Исаак 181
- Балк Фридрих 135, 141, 166–169, 172, 178, 180, 184–187, 196, 200–203
- Бауэр Рудольф Феликс 128, 134–138, 161, 196
- Берг Кристофер 143, 144
- Бергенхольм Йохан 42, 45
- Бергнус Николаус 101, 102
- Боле Михаэль 148, 175, 179, 183, 185–187, 205
- Бонде, граф 39
- Борг Бьорн 243
- Борхаав, врач
- Бранд Юрген Иоган 130, 131, 135
- Браск Иоган 59
- Брёмсен Магнус фон 111–113, 116–118, 131, 149, 155
- Брокгаузен Герман 176
- Брокман, капитан 135
- Брус Доротея 217
- Булавин Кондратий 199
- Бурбон Франсуа-Луи де, принц де Конти 15, 16
- Бурхара Александр 85
- Бурхаузен Адольф Готтара фон 111
- Валленштед, обер-комендант 36
- Веллингк Мауриц 32, 48, 50, 51
- Веллингк Отто 65, 136
- Вентворт Томас 233
- Вергин, купец 213
- Верден Николай фон 106, 155, 161, 167, 197, 208
- Виллебранд, пастор 76, 100, 148
- Вилтре Андрес 94
- Вильгельм III Оранский 15
- Винн Вильгельм Валентин 116, 131
- Виргиниус Адриан 180–184, 192
- Виттенбург Михаэль 201
- Волконский, полковник 161
- Вольтер 236, 237
- Врангель Георг Густав 163

- Врангель, майор 149
Вреде, граф 70
- Газенфельдер Готфрид 75, 121, 180
Гамильтон Мария 225
Гейнс Поль 21, 28, 29, 47
Генрих IV, император Священной Римской империи 18
Гер Иоган 128, 194, 195
Гернер, доктор 102
Герон Шарль де 86
Герцфельд Лошер фон 107–109
Гёте Сэмюэль 42
Гилленштерн Кристофер 38
Гитлер Адольф 242, 243, 250
Глансберг Ларс 123, 124, 144
Головин Федор Алексеевич 104, 170,
Горн Хеннинг Рудольф 55, 164
Горн, полковник 93
Гроттиан, пастор 76, 171, 196, 200, 201, 202, 203, 210, 221
Гуленкрок Аксель 198, 199
- д'Аво, граф 41
д'Эстре, кардинал 16
Даламбер 236
Дальберг Эрик 21, 22, 37, 39, 49, 56, 58, 61, 62, 84, 87, 171
де Конти, принц, см. Бурбон Франсуа-Луи де
Делагарди Аксель Юлиус 55, 115
Дидро 236
Дроммер Иоган Кристоф 101
- Екатерина I 10, 217, 219, 230
Екатерина II 237
- Жидок Михаил 144
- Закау Петер 183, 206
Захер Доротея 201
Захер Кристиан 201
- Иван Грозный 251
Иван, брат и соправитель Петра I 223, 224
Иваске Март Ханн 210
Изяслав, киевский князь 18
Иннокентий XI 16
- Канкрин, граф 238
Карамзин Николай 237
Карл II Габсбург 15
Карл IX, герцог Сёдерманландский 19
Карл XI 20, 21, 31, 35, 227
Карл XII 15, 20, 44. 48, 58, 60, 68–75, 78–81, 86, 87, 91, 104, 126, 139, 153, 154, 176, 189, 190, 191, 196–199, 210, 219, 222, 223, 226–228, 233–236, 237, 240–252
Карловиц Георг Карл фон 24, 29, 39, 47, 48
Карлсон Фредрик Фердинанд 241
Кастариус Хедвига 204
Келлнер Филиппиус 83, 118
Кельх Кристиан 97, 100–102
Киви Карл 110
Клемент Ян 95
Ключевский Василий 238
Книпер (Книперкрона) Томас 21, 37, 42, 45, 46, 49, 52, 53,
Книпер Петр 42
Книпер Томас-младший 42

- Кристиан III 19
 Кристиан V 19, 28, 41, 234
 Кропотов Семен 159
 Крош Клаус 192, 193
 Кульбарс Арвид Иоган фон 207, 208
 Куртиус Квинтус 226
 Кюннайрд Йохан 164
 Кясу Ханс 210
- Лагеркорн Андерс 74, 76, 77, 79
 Ладау, лейтенант 181
 Ланге Йохан 149
 Ланген Иоган Эрнст 54
 Лёвенбург Карл Густав 148
 Левенгаупт Адам Людвиг 154,
 176, 177, 178, 197, 206, 208, 212
 Ленин Владимир 239
 Леопольд I, император Священной
 Римской империи 15, 17
 Лёфлинг Густав 124
 Лещинский Станислав 189
 Лжедимитрий 14
 Лиллерот Нильс 50, 51
 Линдхольм Андерс 42, 45
 Ломоносов Михаил 237
 Лопухина Евдокия 229, 230
 Людовик XIV 9,15, 16, 30, 41
- Мардефельд Арвид Аксель 189
 Мартен Андрес 80
 Мейер Густав 112
 Мейеркранц, подполковник 146
 Мек, полковник 80
 Мекс Сэмюэль 136
 Меншиков Александр 141, 163,
 164, 165, 170, 189, 197, 198
 Милославская Мария 223
- Молин Иоган Петер 241
 Моллерус Кристер 139
 Монпенне Густав 122, 126
 Монс Анна 230
 Монс Вильгельм 230
 Монтескье 236
 Моресин Абрахам 193
 Моресин Кристоф 186, 192, 206
 Мюллер Хелена 204
- Нандельштед Иоган 110
 Нарышкин Кирилл Алексеевич
 166, 172, 174, 177, 178, 183, 184,
 193–199, 201, 215, 221
 Нарышкин Лев Кириллович 43
 Нарышкина Наталья Кирилловна
 223–225
 Николай I 238
 Нирот Магнус-Вильгельм 212–215
 Нольде, ротмистр 136, 136
 Нумерс Альбрехт фон 128
- Оксеншерна Бенгт 38, 40, 41
 Олдекоп Бернхард 132, 133, 159
 Олрау Йоханнес 83, 213
- Паткуль Иоган Рейнгольд 23–30,
 47, 86, 104
 Паули, капитан 135
 Петерсон Иоган 187, 202
 Петр I 10, 14, 17, 18, 21–26, 28–31,
 35–39, 42, 48–54, 86, 88, 90,
 104, 105, 139, 141–143, 151, 153,
 155–157, 163, 164, 169, 170,
 175–178, 185, 188–191, 196, 198,
 200, 206, 208, 218, 219, 222–226,
 228–233, 2326–240, 243–252

- Пипер Карл 70, 75, 80
Плеер Отто 49, 158
Племянников Григорий 217
Плеханов Георгий 238
Польмбах, капитан 97
Принцен Марквард Людвиг 86
Путин Владимир 222
Пушкин Александр 237
- Радзиевский Михал 27, 28
Ранк Якоб 46, 48
Раудъяк Ханс 94
Реммин Иоган 36, 60, 62, 70, 83,
148, 168, 175, 180, 183, 155, 186,
187, 194, 195, 199, 200, 202, 205
Ридлер Денис 151, 152
Роге Элизабет 188
Роден Петер 85
Розелнус Андерс 121, 122, 159
Розенбуш Хейнрих Бутенант 29
Рукавишников Андрей 95, 96
Руссо 236
- Сеэлен, горожанин 73
Сильвия, королева Швеции 243
Солден Густав фон 45, 46
Соловьев Сергей 238
Солон 236
Сольман Август 241
София Хедвиг, датская
принцесса 234
Софья, царевна, сводн. сестра
Петра I 224
Сталин Иосиф 239, 240
Стаммер Герман 181
Стенбах Отто Рейнгольд 140
Стринберг Август 242
- Сюдерберг Петер 220
Табор Петер 70, 79, 180
Таубе Вильгельм 146
Таубе, подполковник 149
Тизенгаузен Магнус Габриель 95,
114, 130, 146, 147, 161, 162
Торси де, маркиз 49
Троммер Готлиб 80
- Ульрика Элеонора, датская прин-
цесса, мать Карла XII 226
Ульрих, комиссар 71
Ульрих, пристав 94
- Фальк Лоренц 213
Федор, русский царь, сводн. брат
Петра I 223
Фик Георг Хейнрих 245
Филипп IV, король Испании 15
Флемминг Якоб Гейнрих 22, 24, 27
Фольсдорф, часовщик 92
Фредерик VI 28
Фредерик, герцог Гольштейна 235
Фрейденфельд Кристоф 96, 177
Фрейман, обер-лейтенант 93
Фрёлих Карл Густав 64, 65, 91,
100, 106, 115, 154
Фридрих Август I, см. Август II
Фрюксель Андерс 240, 241
Функен Реммерт 210, 212, 213
- Хадегорн Анне 204
Хайнц Отто 242
Харви, лорд 237
Хедвиг Элеонора, вдовствующая
королева, бабушка Карла XII
226

- Хейдеман Фабиан 85
Хейнен Мартен фон 147, 149
Херья Хенрик 206
Хилков Андрей 42, 50, 51, 53
Хилле Юрген 204
Хольден Эрик Иоган 131
Хорнинг Иоган 183
Хьярне Харальд 241
Хюде Петер фон дер 63
- Цвайберг Якоб фон 132, 133, 137
Цёге Андреас 81, 82, 83,
Циммерманн Иоган 181
- Чаадаев Петр 238
- Шаумбург Отто Рудольф фон
197
- Шафиров Петр 219
- Швенгельн Густав Фредерик фон
132, 137
- Шереметев Борис Петрович
86–91, 94, 104, 110, 118, 125,
133–137, 144, 145, 149, 151–155,
159–167, 169, 170, 175
- Шлиппенбах Вольмар Антон 82, 87,
88, 90, 101, 102, 104, 115, 154, 212
- Шлюттер Хейнрих 186
Шлюттер Юрген 171, 183
Шмелеман Йохан 245
Шпарре Габриель 102
Шталь фон, врач 226
Штирингек Олоф 74
Штольфот Андреас 210
Штрёмберг Нильс 206, 207, 211, 213
Штрёмфельд Гастав Адольф 72,
73, 122, 207, 212, 213
Штрокирх Пауль 84
Шувалов Иван 187
Шульц Петер 186
Шютте Карл Густав 36, 56, 58–69,
73, 75–81, 83, 91–98, 100,
106–113, 116–118, 121–124, 126,
128–134, 137–139, 141–158,
161–163
- Эрдманн Якоб 67, 181, 182, 184
Эссен, лейтенант 85
- Южскюлл, капитан 85
Юхан III 32
Юэль Йенс 20, 41, 229
- Ян Собеский 17

Король Швеции Карл XII (1688–1718). В июне 1701 г. промаршировал во главе кавалерийского отряда по Рыночной площади в Тарту и тут же покинул город. (Предположительно портрет кисти Йохана Хейнриха Ведекинда. Начало XVIII в.)

Полковник Карл Густав Шютте, комендант Тартуской крепости с 1697 по 1704 гг. (Портрет кисти неизвестного художника XVIII в.)

Российский царь Петр I (1672–1725). Пикогнито посетил Тарту день спустя после взятия города русскими войсками в июле 1704 г. Официальный визит состоялся в конце августа того же года. Еще раз почевал в городе в середине марта 1708 г. (Портрет кисти неизвестного художника середины XVIII в. Из собрания Эстонского художественного музея, Кадриоргский дворец)

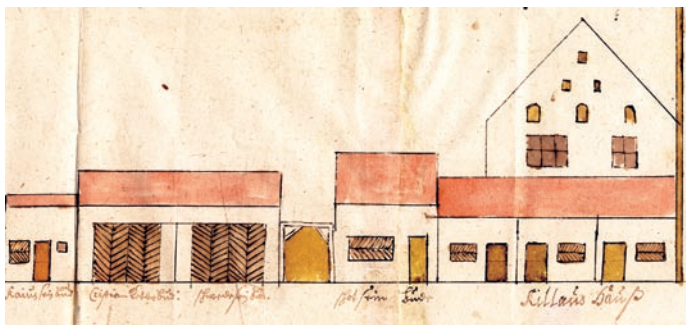
Дом уездного старшины на Рыночной площади в Тарту, 1682 г.
(Эстонский исторический архив, Тарту)

Дома Пауля Сингельмана и Пауля Шёлтинга на Рыночной площади в Тарту,
1682 г. (Эстонский исторический архив, Тарту)

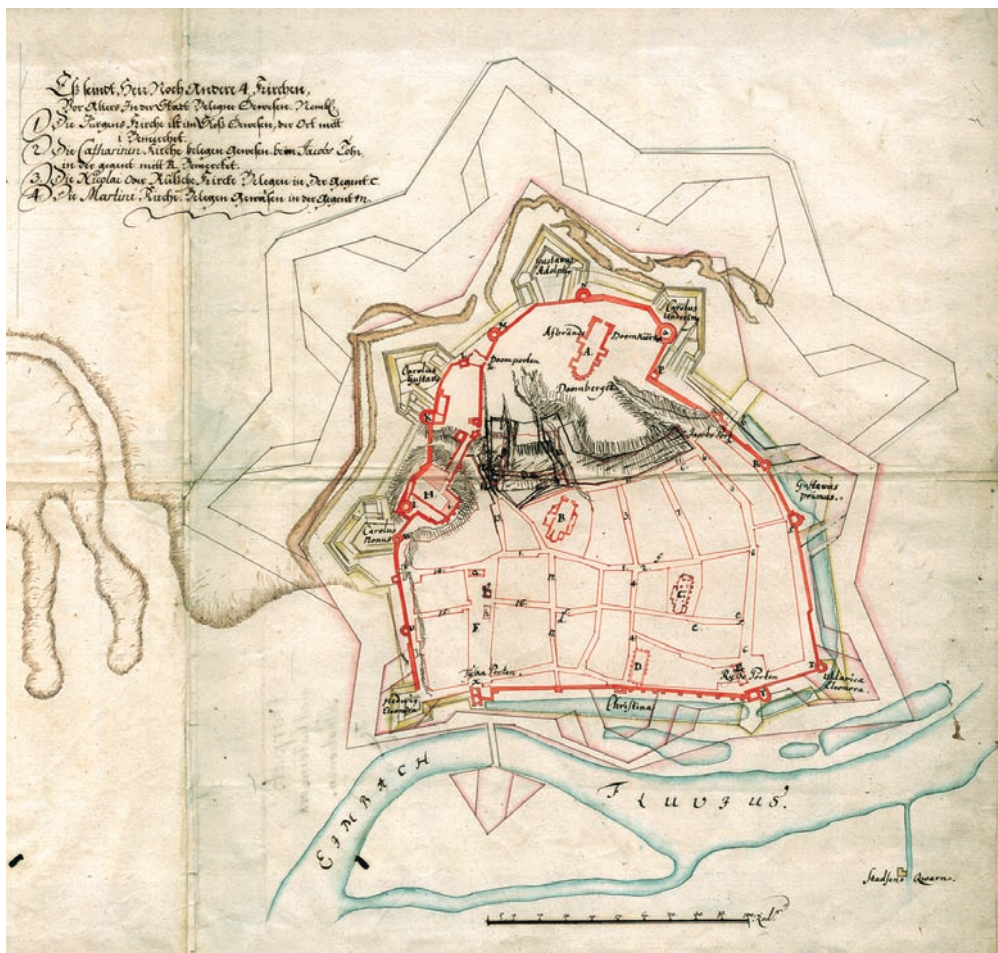
Дома бюргеров Ханса Хилитейна, Гюхана Шрёдера, Распяля и бургомистра Брёмсена на Рыночной площади в Тарту, 1682 г. (Эстонский исторический архив, Тарту)

Жилые дома и хозяйственные постройки на Рыночной площади в Тарту, 1682 г. (Эстонский исторический архив, Тарту)

Дома бургомистров Брёмсена и Акербаума на Рыночной площади в Тарту, 1682 г. (Эстонский исторический архив, Тарту)

План города Тарту, 1697 г. (Военный архив, Стокгольм)

SITUATION

Die Situation der Armee
in der Schlacht von Marston
am 14. März 1213
Die Armee des Königs
hat sich in drei Hauptgruppen
aufgestellt: A, B und C.
Gruppe A ist die rechte Flanke,
Gruppe B die Mitte und
Gruppe C die linke Flanke.
Die Stadt ist durch den Fluss
von der Armee getrennt.
Die Besatzung der Stadt
hat sich in die Festung
zurückgezogen.
Die Armee des Königs
hat die Stadt belagert.
Die Besatzung hat
sich ergeben.
Die Armee des Königs
hat die Stadt eingenommen.
Die Besatzung hat
sich ergeben.
Die Armee des Königs
hat die Stadt eingenommen.
Die Besatzung hat
sich ergeben.

Barre

Осада и покорение
Тарту русскими
войсками в толе
1704 г.
(Военный архив,
Стокгольм)

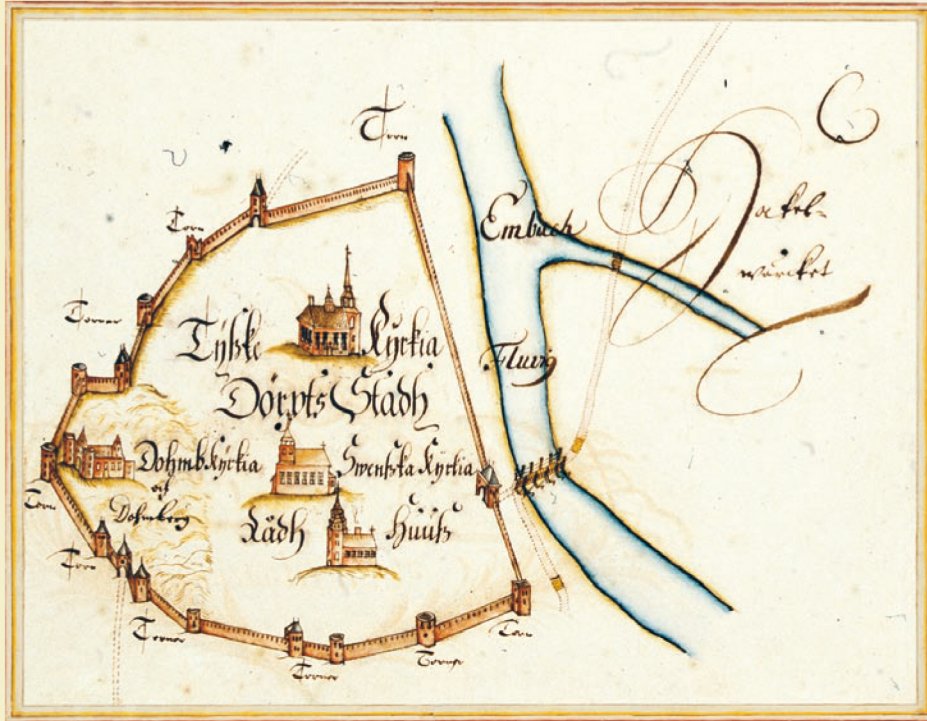
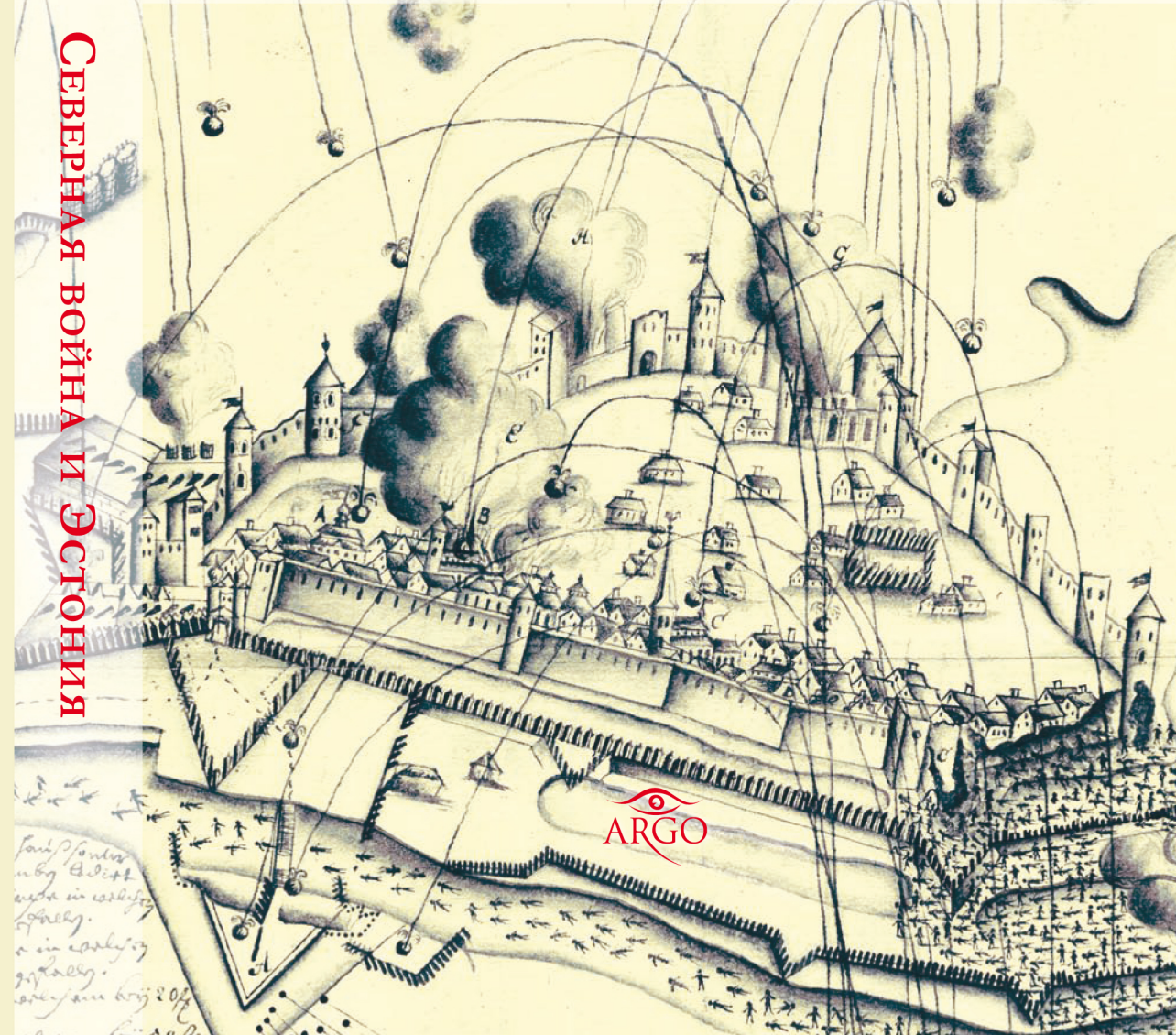
МАРГУС ЛАЙДРЕ

СЕВЕРНАЯ ВОЙНА И ЭСТОНИЯ

Тарту в годину испытаний (1700–1708)

МАРГУС ЛАЙДРЕ

СЕВЕРНАЯ ВОЙНА И ЭСТОНИЯ

*Тарту на шведской дорожной карте
(1695 г., Эстонский исторический архив, Тарту)*

ISBN 978-9949-438-98-3

ARGO